
23
Антология

ФАНТАСТИКА

Библиотека
современной
фантастики

МОСКВА. 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Антология

том 23

С63
А72

Народная Республика
Болгария

Венгерская
Народная Республика

Китайская
Народная Республика

Республика Куба

Польская
Народная Республика

Чехословацкая
Социалистическая Республика

Составитель
Ю. МЕДВЕДЕВ

Художник
Е. ГАЛИНСКИЙ

ФАНТАСТИКА ДОБРАЯ И БОЕВАЯ

Впечатление такое, будто наука гонится по пятам за фантастикой и все чаще обгоняет ее. Может показаться даже, что наука отбирает у фантастики одну ее исконную вотчину за другой и что за последние десять лет фантастика потеряла больше своих владений, чем за предыдущие десять веков.

Да, атомная электростанция и завод-автомат больше не фантастика. Сверхзвуковой самолет и видеофон тоже. Капитана Гаттераса на Северном и Южном полюсе сменили старшие и младшие научные сотрудники — существа вполне реальные. Вместо «Наутилуса» морские просторы бороздят корабли науки, которые за несколько последних лет почти начисто стерли с карты земного шара самое большое «белое пятно» — дно Мирового океана. Словосочетание «Первые люди на Луне» больше уже никогда не сможет стать заглавием научно-фантастического романа, а автоматы людей, исследующие поверхность Луны, Марса, Венеры, засвидетельствовали небытие селенитов, марсиан и венериан, с которыми приходится расставаться, увы, так и не познакомившись.

Пока еще нет термоядерной электростанции и полностью управляемой кибернетическими механизмами отрасли промышленности или транспортной магистрали.

Еще нет массового электромобиля, грузо-пассажирских ракет и телевизионного экрана, с помощью которого можно было бы прочитать любую книгу, побывать на рабочем совещании или у друга в далеком городе, не выходя из своей комнаты. Нет и академгородков на океанском дне или на соседних планетах. Но само по себе все это тоже уже не фантастика, ибо давно служит предметом научных исследований или даже опытно-конструкторских разработок.

Что там электромобиль! Несколько лет назад восьми десяткам видных американских ученых был задан вопрос: какие научные открытия они считают реальными в ближайшие пятьдесят лет и каков, по их мнению, «год наибольшего ожидания» для каждого из этих открытий. Большинство ученых сочло, что таких выдающихся открытий, как, например, устранение наследственных дефектов человеческого организма химическими средствами или экономически выгодная эксплуатация океана, можно ожидать приблизительно к 2000 году. Создание лекарств, повышающих уровень умственного развития, ожидается, по их мнению, несколько позднее — примерно к 2020 году, а создание препаратов, продлевающих жизнь минимум на пятьдесят лет, — к 2023 году.

Сомнение у экспертов (сомнение, а не отрицание!) вызвали только возможности таких открытий, как симбиоз мозга с электронно-вычислительной машиной, связь с внеземными цивилизациями, создание веществ с заданными свойствами из любой материи, управление гравитацией, искусственная летаргия и телепатия.

Конечно, эксперты — люди, а людям свойственно ошибаться. Конечно, названные ими «годы наибольшего ожидания» не пророчество со стопроцентной гарантией осуществления, а сводка экспертных прогнозных оценок для соответствующей ориентации деятельности американских учреждений и корпораций. И все же... Не обогнала ли наука фантастику окончательно? Не загоняет ли она ее в некий угол, тупик, где ей уже больше не развернуться?

Нет, впечатление обманчиво. Ибо фантастика принадлежит к сфере искусства, а наука и искусство, как две различные формы общественного сознания, представляют собой такие параллельные плоскости, которые, вопреки всем законам геометрии, пересекаются во многих точках и все-таки нигде не совпадают друг с другом, не способ-

ны подменить одна другую. Рифма не соперница уравнению, а формула — образу. Да, фантастика, как проявление искусства, вездесуща, а сфера науки пока еще сравнительно ограничена. Но куда бы ни проникла наука, искусство всюду продолжает царить в особых, ему одному свойственных формах осмысления, переживания сущего. И если фантастике приходится как-то реагировать на триумфальное шествие науки, то это движение не вспять, а вперед и выше — на все более высокие вершины искусства, которое должно отвечать все более высоким требованиям общества.

Давно известно, что подлинно научный прогноз не имеет ничего общего с попытками пророчества, предугадывания в деталях того, что предугадать невозможно, что это тщательное взвешивание возможных последствий предпринимаемых шагов, исследование вероятных и желательных перспектив дальнейшего развития, чтобы повысить обоснованность и, следовательно, эффективность планов, программ, проектов, решений. Точно так же подлинно научная (и подлинно художественная) фантастика, в какие бы времена и миры она ни забиралась, всегда была и остается особой формой осмысления и эмоционального восприятия окружающей нас действительности, всегда была и остается на фронтах научной, общественной, политической, идеологической борьбы сегодняшнего дня.

В наши дни борьба двух противоположных социальных систем на мировой арене происходит в условиях научно-технической революции и ее социально-экономических последствий. Наука перестала быть крошечной (по масштабам) отраслью духовного производства, какой она была всего 20—30 лет назад. Она теперь ведет электрификацию и химизацию всего производства, автоматизацию и кибернетизацию промышленности, строительства, сельского и городского хозяйства, транспорта, связи. Она берется доставить человеку любое потребное ему количество киловатт-часов электроэнергии и тонн (или кубометров) материалов с заданными свойствами, в изобилии снабдить его продуктами питания, избавить его от тяжелого монотонного труда и расширить сферу труда радостного, творческого, пустить на массовый поток производство комфортабельных жилищ, помочь человеку освоить недра земли и глубины океана, весь земной шар и всю солнечную систему. Соответственно число занятых в сфе-

ре науки измеряется теперь уже не тысячами, как было совсем недавно, а миллионами, ассигнования на науку — не десятками миллионов, а десятками миллиардов.

Меняется структура общества. Во-первых, возрастная структура: в развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки падает детская смертность и поэтому стремительно ускоряется рост населения, происходит «омоложение» его состава; в некоторых развитых странах, наоборот, падает рождаемость, замедляется рост и начинается «постарение» состава населения. Во-вторых, производственная структура: быстро уменьшается доля занятых в сельском хозяйстве и некоторых отраслях промышленности, за счет чего столь же быстро растет доля занятых в сфере обслуживания, в народном образовании, здравоохранении и в науке. В-третьих, образовательная структура: каждый год специальные средние и высшие учебные заведения выпускают миллионы дипломированных специалистов, а миллионы неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих уходят на пенсию; СССР и другие социалистические страны переходят ко всеобщему среднему образованию. Нетрудно представить себе, как разительно изменится образовательная структура нашего общества через каких-нибудь 20—30 лет!

Меняются соотношения в самой системе общественных потребностей. Конечно, потребности в питании, одежде, жилище были и остаются первостепенными. Но по мере относительного насыщения этих потребностей все более активно проявляют себя потребности людей в коммуникации (например, в сокращении времени поездки на работу, в возможности быстрой связи по телефону и т. п.), в разнообразных формах общения и культурного досуга, в знаниях, в возможности приобщения к сокровищам науки и искусства, а превыше всего — в творческом, содержательном труде. Само собой разумеется, активизируются и потребности в мире, демократии, социальной справедливости, уверенности в завтрашнем дне.

Такие изменения порождают серьезные социальные проблемы.

Встает вопрос: совместимы ли социально-экономические последствия научно-технической революции с сохранением капиталистического способа производства? Исторический опыт дает на этот вопрос отрицательный ответ. Он показывает непримиримость новейших достижений науки и техники с буржуазным строем, необходимость

дополнения научно-технического прогресса прогрессом социальным. Он показывает, что современная научно-техническая революция всюду закладывает объективные предпосылки перехода к социалистическому и коммунистическому способу производства, всюду прокладывает дорогу конечной победе коммунизма.

Вокруг этого вопроса идет напряженная борьба и в науке, и в прессе, и художественной литературе, не исключая, разумеется, и фантастики. В этом отношении научная фантастика социалистических стран, так же как вся наука и все искусство этих стран, решительно противостоит буржуазной идеологии, любым попыткам продлить жизнь умирающего общественного строя средствами современной науки и искусства. Писатели-фантасты социалистических стран в союзе с прогрессивными писателями всего мира не раз давали генеральные сражения своим идейным противникам и не раз одерживали убедительные победы. Достаточно напомнить в этой связи о «Туманности Андромеды» И. Ефремова и «Магеллановом облаке» С. Лема. Но борьба на этом фронте ведется изо дня в день, и нельзя забывать о том, что каждая научно-фантастическая повесть, каждый рассказ, каким бы небольшим по объему он ни был и о каких бы частных, конкретных деталях ни повествовал, всегда несет определенную идейно-смысловую нагрузку, всегда вносит определенный вклад в дело коммунистического воспитания читателя.

В этом томе собраны небольшие в основном по объему научно-фантастические произведения писателей социалистических стран. К сожалению, здесь не представлены писатели-фантасты из Германской Демократической Республики, Румынии, Югославии и других стран. Конечно, для этого мало одного сборника. Может быть, стоит подумать о том, чтобы продолжить работу в этом направлении и познакомить нашего читателя с еще несколькими сборниками произведений фантастов социалистических стран.

Нетрудно заметить, как разнообразна творческая палитра авторов, как неодинаково их художественное видение будущего, как резко отличаются они друг от друга в писательском подходе к тем или иным социальным проблемам, даже в самом выборе этих проблем. При всем том их роднит общая идейная платформа, общие социальные ценности, общая социально-политическая направлен-

ность произведений, общая борьба за социализм. С позиций социализма они продолжают исторический спор о том, куда идти человечеству и во имя чего жить человеку.

Правда ли, что автоматизация и кибернетизация производства сделают ненужным всякий труд человека, превратят труженика в бездумного потребителя? Научный коммунизм категорически отвергает такой путь: высшая потребность человека в коммунистическом обществе — потребность в содержательном, творческом труде. Этот тезис всячески оспаривает буржуазная идеология, представляющая потребление своеобразной альфой и омегой общества будущего. В споре заново переосмысливаются многие социальные ценности, казавшиеся незыблемыми на протяжении тысячелетий. Так ли уж прекрасна жизнь без труда и стремлений, жизнь на всем готовом и во всем заранее расписанная? Такое ли уж благо скатерть-самобранка, семимильные сапоги и даже щука, исполняющая любое твое желание? Не ведет ли это к обесчеловечению человека?

Кубинский писатель-фантаст Рохелио Льопис в своей юмореске «Сказочник» достаточно наглядно (и достаточно забавно) показывает, к каким трагическим последствиям могла бы привести стихийная, бездумная автоматизация общества. Болгарский писатель Павел Вежинов более категоричен. «Нужно, чтобы вы сами добыли свои знания и своими собственными усилиями изменяли жизнь», — говорит читателю один из главных героев его лирической новеллы «Однажды осенним днем на шоссе». Ведь именно в этом, продолжает он, смысл существования земного человека!

Другое произведение Павла Вежинова, повесть «Синие бабочки», сталкивает читателя с пресловутой проблемой неизбежного якобы (если верить некоторым западным фантастам) противостояния двух культур: технологической и художественно-гуманитарной. Мыслима ли цивилизация, в которой разумные существа обитали бы до старости в бездушно-рациональной сфере дегуманизированной науки, но зато потом получали десяток лет «чистого искусства» в бездумно-эмоциональной сфере некой «второй молодости», или, еще точнее, возвратного духовного младенчества? В фантастике, конечно, все мыслимо. Но какой драматической, можно даже сказать, трагической предстает такая цивилизация взору земного

человека. Расколоть неразрывное единство науки и искусства, замкнуться целиком в той или иной сфере — значит обесчеловечиться, по сути, обокрасть самого себя либо эмоционально, либо интеллектуально.

Личность — особенно выдающаяся личность — играет в истории очень существенную роль. Но не переоценивают ли эту роль некоторые горячие головы (тоже нередкие среди западных фантастов), которые считают возможным для «исторической личности» баловаться с Колесом истории по собственному произволу, невзирая на объективные социальные условия и тенденции развития? Венгерский фантаст Йожеф Черна в рассказе «Пересадка мозга» иллюстрирует эту мысль примером трагической судьбы двух ученых, попытавшихся повлиять на ход социальной революции методами, очень похожими на методы индивидуального террора. Читателю эта повесть, безусловно, напомнит и «Голову профессора Доуэля» А. Беляева, и «Час быка» И. Ефремова.

Здесь вряд ли уместно останавливаться на каждом из рассказов, помещенных в томе. Читатель сам оценит напряженность сюжета у К. Боруня, лиричность рассказов П. Вежинова, добрый юмор Ф. Каринти, его болгарского коллеги А. Донева...

И все-таки на одной, самой крупной по объему повести сборника хотелось бы остановиться особо. Это уже, по независимым от автора причинам, не веселая и добрая, а горькая и страшная фантастика.

Речь идет о повести Лао Шэ «Записки о кошачьем городе». Лао Шэ написал свою фантастическую повесть в 1932 году. Но прошло сорок лет, а повесть и теперь читается как блестящая и меткая сатира, сатира на маоизм 60-х годов.

Судьба Лао Шэ как писателя-фантаста поистине удивительна: он, по сути, описал свою собственную смерть в одной из глав повести за треть века до того, как его в 1966 году растерзали озверелые хунвэйбины. Научная фантастика имеет на своем счету немало поразительных предвидений и догадок. Но такое «предвосхищение» состоялось впервые. Писатель пал одной из бесчисленных жертв маоизма. А его повесть живет и будет жить гневным и страстным обвинением политического авантюризма, пытающегося паразитировать на светлых идеалах коммунистического будущего человечества.

На этих страницах пришлось упомянуть о ряде серьезных социальных проблем, с которыми приходится иметь дело фантастике в эпоху научно-технической революции. Но было бы ошибкой, если бы читатель подумал, будто собранные здесь произведения представляют собой нудное комментирование сложнейших проблем современности. Или будто автор этих строк видит в прочитанных им рассказах только такое комментирование. Нет, это прежде всего фантастика. Добрая фантастика. И вместе с тем боевая.

Рассказы

ПАВЕЛ ВЕЖИНОВ,

болгарский писатель

•

СИНИЕ БАБОЧКИ

1

Ему снилось в тот миг зеленое небо с белыми, нежными облаками, которые спокойно плыли над бескрайней равниной. Снились коричневые скалы и блеснувшее между ними, словно голубое око, маленькое горное озеро. Снились красные крыши под темными соснами — хотелось глубоко вдохнуть сладостный смоляной запах.

— Пора вставать, Алек...

— Да, мама, — ответил он тихо.

И будто чья-то ласковая рука с робкой нежностью коснулась его сердца.

— Пора, Алек!

Он облаком несся над степью и смотрел, как мелькают в высокой траве пестрые спины антилоп. А потом открыл глаза и увидел склоненное над ним железное лицо Дирака.

— Прибываем? — глухо спросил он.

— Да, Алек, — спокойно ответил робот. — Пора просыпаться...

Человек незаметно вздохнул и огляделся. Сознание вернулось к нему внезапно и резко; теперь он уже совершенно четко понимал, что находится в рековаленсцентной камере корабля «Нептун», на расстоянии шестнадца-

ти световых лет от Земли, которая только что ему снилась. Все то время, пока неслись они песчинкой, затерянной в звездном хаосе, каждая клеточка его существа жила земными образами и звуками.

— Вы звали свою мать, Алек, — сказал робот. — Я не знал, что у вас была мать.

Человек почувствовал, как у него защемило сердце. Это странное создание Багратионова с лицом-маской роденовского мыслителя говорит на самом жестоком из всех языков — на точном, исключающем ошибки языке машины. Да, у него была мать. Была когда-то... За те шестнадцать световых лет, которые неумолимо разматывал звездный корабль, давно уже сошли в могилу все близкие люди, оставлённые на Земле.

— Да, была, — ответил он.

— А почему она не пришла на космодром проводить вас?

— Она не в состоянии была это сделать, Дирак, — с горечью объяснил Алек. — Ведь у нее обыкновенное, слабое материнское сердце.

— Да, понимаю, — сказал робот.

Он не понимал, этого он никогда не поймет.

— И все-таки — вас провожало много людей. Разве все они были бессердечны?

Камера вдруг как бы перестала существовать, человек видел над собой прозрачный купол обсерватории, видел совсем близко ее родные, близорукие глаза.

«Ты уверен, что тебе это необходимо, Алек?»

«Уверен, дорогая, — ответил он. — Уверен».

«Но почему, Алек? Разве тесен тебе наш бедный мир? Разве он совсем не устраивает тебя?»

«Ты не должна так говорить! — сказал он. — Я очень хорошо знаю, что это самый богатый и самый прекрасный из всех миров».

«И все-таки ты хочешь его покинуть».

«Так нужно», — ответил он.

«Бедный ты мой малыш, — сказала она с мокрым от слез лицом. — Бедный, несчастный мой...»

Солнце сияло на чистом небе, веял легкий, теплый ветер, слабая еще весенняя травка зеленела между бетонными плитами космодрома. Когда он поднимался по крутым ступеням на звездолет, сотни объективов следили за малейшим его движением. Но он не обернулся, у него не было сил взглянуть еще раз на тех, кто прощался

с ним навсегда. И еще месяц спустя он не мог позволить себе посмотреть на маленькую звездочку, печально и нежно посылающую в бесконечность свой бледный отсвет. Нет сил, откуда их взять...

— Тебе плохо, Алек? — спросил робот.

Человек вздрогнул:

— Нет, ничего! Не беспокойся, Дирак. Я чувствую себя нормально. А как Казимир?

— Сейчас он в биологической камере.

— Я хочу его видеть, — сказал Алек.

Робот нажал одну из кнопок на маленьком пульте, экран засветился. Казимир лежал полуобнаженный под ярким светом рефлектора, недвижимый и бледный; жизненная сила понемногу возвращалась к нему. По тонким биопроводникам, густой сетью покрывавшим его грудь, пульсировала плазма. Дирак, несомненно, сделал все, что нужно, и тем не менее Алек ощутил неясный страх. Строгий, почти суровый профиль Казимира казался совершенно безжизненным, глаза ввалились, словно у покойника. Да, анабиоз один из видов смерти, хотя и строго дозированной.

— В каком он состоянии? — спросил Алек встревоженно.

— Все нормально... Через два часа разбужу.

— Ну хорошо, — сказал человек.

— Сейчас принесу тебе поесть. И прошу тебя, не делай глупостей, попытайся проглотить.

— Не беспокойся, — ответил Алек и через силу улыбнулся. — Как ты думаешь, смогу я стоять?

— Не хуже, чем после любого другого путешествия.

— Тогда попробуем.

— Нет, еще рано.

— Я хочу, Дирак. Прошу тебя, дай мне руку.

Робот молчал в нерешительности. Желания людей были для него законом, кроме тех, конечно, которые могли обернуться серьезной опасностью для них самих. Но сейчас, кажется, человеку ничто не угрожало.

— Хорошо, — сказал он. — Но только ненадолго.

И он протянул ему свою холодную руку в мягкой рукавице. Алек медленно поднялся, но вдруг почувствовал, что ему дурно.

— Да, действительно, еще рано, — обессиленно произнес он. — Иди, Дирак, принеси поесть. Может быть, тогда мои дела пойдут на лад.

Дирак посмотрел на него отполированными, блестящими линзами и бесшумно исчез.

Часы неутомимо тикали на стене — круглые, старые, смешные часы. Время проделывало с ними разные шутки, но они все так же педантично и уверенно, с обманчивой точностью делали свое дело. Они были слепы и беспомощны; только Дирак из каких-то особых соображений уделял им серьезное внимание. А люди на них даже не смотрели.

Невооруженным глазом можно было уже видеть Хелу — маленькую синюю звездочку, холодную, не мерцающую. Она вызывала у него сейчас странное чувство: смесь враждебности и горькой, неясной боли, наполнявшей сердце. Что бы он там ни встретил, это не станет ему близким, всегда будет чуждым, далеким и непонятным. Какие бы живые существа ни населяли ту планету, они тоже никогда не поймут его.

Неожиданно засветился экран, и он увидел перед собой Казимира, его бледное лицо, его глаза, которые сейчас улыбались.

— Здравствуй, Казимир, — ласково сказал Алек. — Как ты себя чувствуешь?

— Отлично! — послышался слабый голос. — Отлично, старик. А ты?

— Как Виннету, вождь индейцев! — засмеялся Алек. — Знаешь, ты очень изменился! Во всяком случае, выглядишь моложе.

— И ты — честное слово... Видна ли Хела?

— Да, звездочка так себе, — сказал Алек. — Вряд ли, старик, стоило ради нее топать такую даль...

По лицу пилота пробежала тень.

— Ради нее? — повторил он. — Да ради нее, Алек, я, честно, и пальцем бы не пошевелил.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — улыбнулся Алек. — Не думай об этом. Мы отправились в путь, и мы его пройдем. А как только достигнем своей цели, у нас будет еще более желанная — вернуться обратно.

— Что происходило, пока я спал?

— Ничего особенного... Обычные явления — астероиды, радиационный пояс. Но наша старая скорлупка держится превосходно.

— С помощью Дирака, разумеется. А тебе не приходило в голову, Алек, что вселенная чертовски однообразна?

— Но мы еще не встретились с живой природой, старик.

Пилот пожал плечами.

— Кто знает! Я тебе прямо скажу, что нисколько не удивлюсь, если на Хеле нас встретит Багратионов. Ни капельки не удивлюсь...

Дверь камеры Алека бесшумно открылась, и вошел Дирак. Алек прежде всего взглянул на поднос с принесенной пищей.

— Вот это хорошо! — кивнул он, довольный. — Ты наверно хочешь есть, Казимир?

— Ужасно! — сказал пилот. — Но твоя кухня, Дирак, совсем меня не вдохновляет.

— Почему моя? Ты забываешь, что ваше меню составляли три института.

— Черт бы их побрал! — воскликнул с возмущением пилот.

— Вспомни, какое заявление ты сделал по этому поводу в прессе? — вставил безжалостно Дирак.

— Дернуло же меня трепаться!

— Вульгарный жаргон, приятель, — невозмутимо заметил робот. — Язык космического путешественника не должен быть таким...

— Ты прав! И поэтому тоже катись ко всем чертям.

Дирак взял поднос.

— Не хотите ли посмотреть какой-нибудь фильм?

— Нет, спасибо, — ответил пилот. — Я хорошо выспался.

— А ты, Алек?

— Я бы посмотрел что-нибудь, — заколебался Алек.

— Так что же?

— Ну ладно... Выбери из архива что-нибудь об индейцах или привидениях.

— Браво! — воскликнул Казимир. — О привидениях даже я бы посмотрел. Надоела мне до смерти эта космическая скука.

Дверь бесшумно закрылась.

2

Ракета отделилась от звездолета без всякого толчка, так легко и бесшумно, словно кенгуренок, выскользнувший из благословенной материнской утробы. Стоя

у командного пульта, Казимир несколько мгновений видел тонкую красную черточку — след, оставленный ракетой; черточка быстро растаяла, как тает во мраке огонек брошенной сигареты. На минуту им завладел панический ужас при мысли об одиночестве, мучительная спазма сжала горло. Куда они полетели, зачем он отпустил их? И что он будет делать один в этой огромной пустыне, если с ними приключится беда?

Под ним, все такая же синяя и таинственная, плыла Хела. Отсюда она казалась немногим больше, чем Луна с Земли. Сквозь тонкую завесу облаков поверхность ее едва просматривалась — более темная у экватора, прозрачно-синяя возле полюсов. Мощный телескоп звездолета ощупывал всю планету в течение трех дней, прежде чем было выбрано место для посадки. Планета состояла не из континентов, суша широким поясом охватывала только ее центральную часть. Не было ни гор, ни внутренних морей. Не было даже островов на двух спокойных, прозрачных океанах, омывающих полюса. Вся суша была покрыта бескрайними лесами, рассеченными множеством синих озер. Если этот мир и в самом деле населен людьми, думал Казимир, то они едва ли отличаются от земных орангутангов. И в этот зверинец необходимо послать своего единственного друга...

Казимир обеспокоенно повернулся к пульту; экран засветился. Он вдруг увидел возбужденное лицо Алека, который всматривался в планету. Рядом с ним Дирак хладнокровно орудовал у пульта управления — железное его лицо, как всегда, было спокойным и безжизненным.

— Ну как ты там, старик? — спросил Казимир. — Как тебе нравится скорость?

— Кошмар! — ответил Алек весело. — Всего лишь сто километров в секунду!

— Как работают установки?

— Превосходно!

— Будьте все-таки осторожны, — сказал пилот, и в голосе его прозвучала тревога. — Боюсь, вы там обнаружите комаров величиной с голубя.

— Ну это бы еще ничего! — улыбнулся Алек. — А вот как бы водяная змея не проглотила ракету.

— На этот раз она подавится, — сердито сказал пилот. — И все же будь внимателен, старик, смотри в четыре глаза...

Экран погас. Теперь перед Алеком и Дираком еще

ярче светилась Хела, красивая и спокойная. Им оставалось до нее часов десять — ничтожный шаг в бесконечности, которую они уже пересекли. Дирак все так же уверенно и безучастно управлялся с аппаратурой, не обращая никакого внимания на планету. И понятно, ведь для него в этом не было ничего удивительного — просто цель, а не повод для переживаний. Она не могла вызвать у него никаких чувств. По существу, именно в отсутствии эмоций заключалась его сила, его преимущество перед людьми на всем протяжении их совместного путешествия. Иначе он, наверное, уже сто раз сошел бы с ума, сто раз вернул бы звездолет обратно или, поддавшись слепой ярости, направил бы его прямо на какое-нибудь пылающее солнце. Но люди были уверены в нем и спокойно отдали себя в его руки. Лишенный чувств, он мог противостоять природе, поскольку не зависел от нее. Для него не существовало ни времени, ни пространства. Все было только поводом для размышлений. Но даже гигантский разум, располагающий огромными знаниями, не был главным — единственной и постоянной сущностью были для него люди и их указания. Это было сильней и действенней всех инстинктов, которые природа могла бы вложить в живое существо. Багратионов действительно сотворил чудо, может быть, величайшее в бескрайнем космосе, который они сейчас бороздили.

Алек очень хорошо понимал все это и не раз с затаенным дыханием вглядывался в умное, благородное лицо робота. Его черты, скопированные с произведения древнего скульптора, были действительно прекрасны. Но Алек боялся смотреть в пустые глаза, в блестящие линзы, которые недвижно светились на железном лице. Тогда ему казалось, что он выдаст какую-то тайну, нарушит фатальный закон и произойдет самое страшное — машина внезапно осознает себя. Хотя, в конце концов, это ее право, и в такие минуты Алек испытывал неясное чувство вины. В такие минуты, неизвестно почему, он старался разговаривать с роботом особенно тепло и ласково, но робот отвечал ему, как всегда, вежливо и разумно. Это раздражало человека.

Да, Алек часто ловил себя на том, что робот его раздражает. Прежде всего своими безапелляционными высказываниями. Своей самоуверенностью, пренебрежительным отношением ко всякого рода сомнениям и неподтвержденным выводам. Это чувство боролось в Алеке с глубокой

признательностью, которая неизменно брала верх. И тогда Алек снова становился дружелюбным и ласковым.

Когда они стали приближаться к планете, он спросил:

— Как наши дела, Дирак?

Теперь робот не сводил глаз с аппаратуры.

— Скорость пятнадцать километров в секунду, — ответил он. — Расстояние от...

— Я спрашиваю тебя: благополучно ли мы сядем?

— Нет никаких оснований, чтобы мы не сели...

Теперь Хела заполнила собой весь горизонт, она была уже не такая ярко-синяя, к синему добавился нежный оттенок резеды. За полупрозрачной сеткой тонких, ослепительно белых облаков просматривался далекий континент. В тот момент они еще не видели озера, куда должны приводниться, — оно было на обратной стороне планеты, там, где сейчас рождался рассвет.

— Входим в верхние слои атмосферы, — доложил немного погодя Дирак. — Плотность воздуха больше предполагаемой.

— Сбавь скорость!

— Ты же хорошо знаешь, Алек, что регулятор скорости автоматический.

— Я не совсем доверяю автоматам, — любезно сообщил человек.

— А я очень доверяю, — сказал робот. — До сих пор еще ни один автомат не подвел.

— До сих пор не значит всегда.

— Разумеется, — спокойно ответил Дирак. — И все-таки я не вижу причин для беспокойства. В автомат заложены и отклонения от нормы.

Спустя час они пролетели над озером — тоненькой синей полоской посреди лесов. Дирак все так же, не отрываясь, следил за приборами.

— Длина озера восемьдесят километров, — сообщил он. — Ширина в среднем около пятнадцати километров. Глубина в центральной части около трехсот метров, возле берегов около двухсот. Чрезвычайно удобно для посадки и для взлета.

Им полагалось еще раз облететь всю планету, постепенно снижаясь, и на минимальной скорости приводниться на поверхности озера. Снова ночь и снова день, как во сне. Облачная пелена сгустилась, участки суши реже попадались на глаза.

Наконец Дирак сказал:

— Приготовиться!

Когда ракета утонула в молочной белизне облаков, сердце Алека защемило от счастья. После безрадостной пустыни вселенной, после бесконечного океана ледяной темноты эта мягкая, теплая белизна была для него нежным объятием, воркованием голубя, песней — всем тем, что оставил он на далекой Земле.

Потом осветилась и засверкала синяя озерная гладь, и синева наполнила все его существо. Все ближе, ближе — толчок! Ракета нырнула в водную бездну, и теперь только зеленоватые сумерки струились за кристально-прозрачным иллюминатором.

3

Когда они вышли на берег, шел тихий светлый дождик, но облака вскоре рассеялись и над ними засияло чистое небо.

Алек стоял на берегу и ощущал под собой живую землю. Он смотрел на небо и не мог сдержать слез, они текли и текли по лицу. Он был потрясен — чудо, которого он ожидал долгие годы, все-таки произошло! У него снова есть земля, небо, облака. У него есть натуральный воздух и чистая небесная высь. Он обрел снова тепло, исходящее от природы. Обрел чувства, которые воспринимали все это. Только голос пропал, горло не издавало звуков, он не мог произнести ни единого слова. И ничего не мог поделать с собой в эту минуту — только глубоко дышал, чувствуя, как возвращаются к нему силы и неугасимая жажда жизни.

В двух шагах от Алека стоял робот. Железная голова его медленно поворачивалась, словно телевизионная камера. Да, по существу, она и была камерой. Сейчас все, что его окружало, надлежало запечатлеть на миниатюрных кассетах в образах и звуках. И нужно впоследствии воспроизвести это сотни, тысячи раз, столько, сколько захотят люди. Все, чего коснулись его холодные глаза, становилось с той минуты бессмертным.

Наконец Алек сказал:

— Ну что, Дирак?

— Я все ожидал увидеть, только не это...

Он действительно был ознакомлен со всеми открытиями космонавтов.

— Правда, чудесно? — спросил Алек.

— Это похоже на бутафорию...

Алек готов был поклясться, что в голосе робота прозвучали нотки разочарования. Теперь уже и он окинул окрестности критическим взором. В самом деле, что-то было не в порядке, но что — он еще не мог понять. Конечно, здесь другая природа. Деревья не были похожи на земные деревья, скорее их можно назвать гигантскими цветами. Огромные заостренные листья высотой в несколько десятков метров поднимались прямо от земли. Массивные стебли, гладкие, зеленые, тянулись вверх и заканчивались громадным цветком в форме колокола — желтым, бледно-розовым, сине-зеленым. На мгновение Алеку показалось, что он превратился в ничтожную букашку и в таком обличье попал из космоса на клумбу с тюльпанами. Землю покрывал жесткий мох, напоминающий скорее какую-то синтетическую материю. Да, странный лес, чистый и нетронутый, словно в первый день творения.

— Что тебя удивляет? — спросил Алек.

— Разве ты не видишь? — ответил Дирак. — Абсолютно никаких признаков жизни. Мы стоим тут уже двадцать минут, а я не видел даже мошки.

— Правда? — спросил Алек.

— Я заметил бы даже муравья в траве, — сказал уверенно Дирак. — Но никого нет. Словно все это создано в какой-то гигантской лаборатории.

Алек озадаченно взглянул на него. На мгновение его охватил страх.

— Не спеши, Дирак, — сказал он. — Мы же будем ходить, увидим еще...

— Конечно, — бодро подхватил робот. — Действительно, почему бы здесь не существовать высшей форме жизни?..

— Тогда идем... Ты взял оружие?

Дирак снисходительно улыбнулся — ну разумеется. Иногда люди задают поистине глупейшие вопросы. Его главная задача в этой экспедиции — охранять человека, обеспечивать безопасность и надежность. Все остальное второстепенно.

Они медленно двинулись вдоль берега. Быстрей идти было просто невозможно. Трава была такая жесткая и так переплелась, что они спотыкались на каждом шагу, вытаскивая ноги словно бы из специально расставленных

капканов. Дирак успел оторвать один стебель и теперь внимательно его рассматривал.

— Обыкновенное растение, — констатировал он. — По принципу фотосинтеза. Да иначе и не может быть. Откуда бы тогда здесь взялся кислород?

Они бродили так до тех пор, пока Алек совсем не выбился из сил.

— Давай вернемся, — предложил он. — Дальше можно на вездеходе...

Именно в тот момент и пролетела первая бабочка. Она поднялась с большого желтого цветка и опустилась шагах в десяти от них. Это была огромная бабочка — размах ее крыльев был не менее трех метров. Но Алека поразили не столько размеры этого живого существа, сколько его необыкновенная красота, странная и декоративная, как все вокруг. Крылья были бархатисто-синие, с темными прожилками, усеянные бледно-желтыми пятнами. Грациозные усики, заканчивающиеся маленькими желтыми шариками, беспокойно трепетали над ее головой. Тело было словно обтянуто нежной, мягко отсвечивающей тканью, которую вряд ли могли создать человеческие руки. Несмотря на свои размеры, бабочка казалась легкой, стройной и изящной, как цветок.

— Она смотрит на нас! — взволнованно сказал Алек.

Бабочка действительно смотрела прямо на них своими огромными, блестящими черными глазами, похожими на драгоценные камни. Алек ясно ощутил в ее взгляде любопытство, волнение, живой интерес. Неожиданно бабочка слегка пошевелила крыльями, и до их слуха донеслась странная музыка.

— Это она говорит! — воскликнул Алек.

Но Дирак загадочно молчал. Его сверхразум, очевидно, делал в эти секунды тысячи оценок. И все-таки вывод был совсем скромным.

— Это обыкновенное насекомое! — заявил он.

Алек двинулся к бабочке медленно, чтобы не спугнуть ее. Она не пошевелилась, только усики ее вытянулись, словно антенны. И он опять прочел в ее глазах тревогу, а затем страх. Бабочка расправила крылья и взлетела. Движения ее были плавными и гармоничными, не похожими на полет земных мотыльков. Она почти уже достигла дерева, когда вдруг перевернулась в воздухе и тяжело упала на землю.

Алек оглянулся, пораженный. Позади него Дирак, как

всегда спокойный и безучастный, складывал свое смертоносное фотонное ружье.

— Ты что, с ума сошел?

Дирак посмотрел на него пустыми, ничего не выражающими линзами.

— Она скрылась бы от нас, Алек, — ответил он спокойно. — Так или иначе нам необходимо доставить один экземпляр на Землю.

— Но это же не насекомое, идиот! — в ярости закричал Алек. — Разве ты не видишь, что это разумное существо?

Гнев его, очевидно, смутил робота; он растерянно крутил головой.

— Давай рассудим спокойно, Алек, — проговорил наконец Дирак, снизив тон. — Это наверняка обыкновенное насекомое. Разумные существа не летают по деревьям, а живут в домах, трудятся, создают материальные блага. А ты сам видел, что у бабочки нет рук, как она может трудиться?

Алек понял, что возмущаться бесполезно.

- Ты никакой не Дирак, — сказал он с досадой. — Ты самый обыкновенный дурак.

Но робот не сдавался.

— Не сердись, Алек, поразмысли спокойно, — продолжал он ровным голосом. — Ты хорошо знаешь, что даже кроманьонец имел орудия труда: камень или палку — и умел владеть ими. Он был хоть как-то одет. А у этой бабочки нет ничего, кроме того, что дала ей природа. Совершенно очевидно, что ее нельзя отнести к разумным существам. Тобою просто владеют импульсы и аффектация...

Логика Дирака, как всегда, была безупречна.

— И все-таки сегодня ты совершил убийство, — ответил Алек. — Ты первый робот-убийца на свете.

Но это была мысль, которую Дирак не воспринимал.

— Хорошо, Алек, выскажи мне хотя бы свои доводы, — сказал он. — По каким признакам ты относишь ее к разумным существам?

— По ее взгляду, — резко ответил человек. — Только по взгляду! Такого выражения глаз не может быть ни у зверя, ни у насекомого. Такие глаза могут быть только у разумного существа.

— Это не научное объяснение! — заявил робот.

Алек махнул рукой и подошел к мертвой бабочке.

Дирак стрелял без промаха. Световой луч вошел в грудную клетку; маленькое пятнышко, ожог, указывало на точное попадание. Мертвая бабочка лишь отдаленно напоминала изящное существо, которое еще совсем недавно смотрело человеческими глазами.

— Отнеси ее в ракету, — сказал Алек сухо. — И попробуй забальзамировать.

Дирак подошел к бабочке и молча поднял ее. Синие крылья поникли, словно ангельские крылá. Расстроенный, Алек шел сзади. Когда они уже подходили к ракете, Дирак тихо произнес:

— А она совсем легкая...

Человек мрачно молчал.

Спустя два часа они тронулись в путь на маленьком электрическом вездеходе. Облака исчезли, горизонт был совершенно чист, и на небе громадной звездой сияло далекое солнце. Машина бесшумно скользила по мягкому ковру трав; прокладывать дорогу не было надобности, так как деревья росли на достаточном расстоянии друг от друга. Оба молчали. Алек — все еще под впечатлением неприятного происшествия, Дирак следил за оборудованием. Не прошли они и нескольких километров, как Дирак внезапно затормозил.

— Бабочки! — сказал он тихо.

На этот раз бабочек было три, все три синие, изящные, как та, которая была убита. Они без всякого страха опускались совсем рядом с вездеходом. Алек увидел, что смотрят они с любопытством, но без всякого опасения. Когда бабочки осмотрели вездеход, они, словно три старые кумушки, сбились в кружок, их усики оживленно затрепетали. Снова Алеку показалось, что он слышит тихую музыку.

— Дай-ка мне магнитофон, — сказал он.

Алек быстро сменил катушки, потом осторожно открыл дверь. Сначала бабочки никак не реагировали, но когда он отошел от машины, они испуганно зашелестели крыльями, а потом взлетели с панической быстротой.

— Держу пари, что они еще вернутся, — сказал негромко Алек. — Но ты не выходи, ты своим видом их совсем перепугаешь.

Он поставил магнитофон на землю и нажал кнопку. Через несколько секунд в странном лесу зазвучала одна из прелюдий старого Бриттена. Звуки вылетали из миниатюрного аппарата, чистые, мелодичные; лес впитывал

их, они далеко разносились в мягком прозрачном воздухе. Прошло около минуты, прежде чем прилетела первая бабочка. Она села совсем близко и, как зачарованная, разглядывала магнитофон. Потом вслед за ней прилетели две остальные. Алек не двигался; они посмотрели на него две с робким любопытством, а затем словно забыли о нем. Маленький аппарат притягивал их с какой-то неудержимой силой, они придвигались к нему все ближе, доверчивые и кроткие, забыв про все на свете. Теперь их глаза выражали тихую радость, блаженство. Тема бури внезапно их растревожила, они даже взлетели, но быстро вернулись обратно. Финальную часть они слушали потрясенно. Алек нажал кнопку, музыка смолкла. Наступила долгая тишина, а затем к небу вознесся хор звуков, одновременно и нежных, и молящих. Алек улыбнулся.

— Хотят еще, — сказал он тихо.

— Несомненно, — пробормотал в своей металлической кабине робот.

Бабочки боязливо посмотрели на них и тотчас взлетели. Алек заметил, что сели они на ближайшее дерево, и до слуха его снова донеслась тихая мольба.

— Достаточно на сегодня, — улыбнулся опять Алек и сел в машину. — Поехали, Дирак!

Вездеход бесшумно двинулся по травяному ковру.

— Тебе слово, Дирак! — заговорил Алек. — Жажду услышать твое компетентное мнение.

Робот ответил на это не сразу.

— Первые выводы представляются мне весьма абсурдными, — высказался он наконец не слишком охотно.

— А именно? — с иронией спросил человек.

— У меня создалось впечатление, что они боятся не машины, а нас. Можно допустить, что машину они уже видели, а людей нет. Их удивило, что именно люди вышли из машины, может, они ожидали увидеть нечто иное...

— Верно, — кивнул Алек. — А что иное?

— Это очень важно...

— Разве на тебя не произвело впечатление, как они воспринимают музыку? Они слушают совсем как люди. И при этом, пожалуй, лучше людей чувствуют ее.

Но по этому пункту Дирак выразил несогласие.

— Не знаю, читал ли ты книгу Фанзена «Животные и музыка», — сказал он. — Там описаны еще более любопытные случаи.

В течение нескольких часов синие бабочки непрерывно мелькали у них перед глазами, а затем бесследно исчезли. Но к полудню они сделали одно открытие, которое заставило мыслительный аппарат Дирака раскалиться чуть ли не добела. Они нашли жилище бабочек.

Это было настоящее жилье, построенное, вне всякого сомнения, разумным существом. Но даже Алек, который готов был увидеть нечто подобное, был озадачен. Сооружение стояло под тремя крышами из стекла или из материала, подобного стеклу. Все три крыши были вознесены на несколько метров от земли и опирались на металлические колонны. Остальные детали тоже были сделаны из металла. Жилища, в общем, не походили на дома, скорее это были клетки, не разделенные внутри ничем, кроме тонких поперечных балок. На одной из таких балок сидели две бабочки и смотрели на них, совершенно перепуганные. Всезнающий Дирак сейчас же принялся анализировать обстановку.

— Металл — по всей вероятности, никель, — сказал он. — А стекло очень высокого качества, почти не отличается от нашего хрустального стекла. Здание поднято над землей, очевидно, от сырости и наводнений. Окон нет, но по некоторым признакам осуществляется естественная вентиляция.

— А для чего, по-твоему, служат эти голубятни? — спросил Алек.

— Видимо, в них живут бабочки...

— Ты хочешь сказать, что неразумные существа могут строить жилища из никеля и стекла? — иронизировал Алек.

— Я хочу сказать совсем не это, — возразил Дирак. — Ясно, какие-то разумные существа построили это для твоих музыкальных бездельниц.

Высказанное Дираком соображение было не таким уж глупым для робота, и Алек улыбнулся.

— А где же, как ты думаешь, разумные существа? Неужто у них свои особые дома? Свои дороги, склады, магазины?

Дирак молчал в затруднении.

— Действительно, все это очень странно, — ответил он наконец. — Но если ты считаешь, что эти бабочки спускаются в шахты и добывают руду, а потом льют металл, ты жестоко ошибаешься.

— А ты пошевели немного мозгами, — сказал Алек

мстительно. — У тебя же должны быть хоть какие-нибудь предположения.

— У меня есть около двухсот предположений, — ответил Дирак недовольно. — Но бессмысленно делать предположения, не имея достаточно фактов.

— Ну выскажи самое серьезное.

— Самое серьезное? Скажем, это своеобразный заповедник для бабочек, и разумные существа обеспечили им здесь наилучшие условия для жизни...

— Ну что ж, возможно, — пожал человек плечами.

До наступления сумерек они видели еще несколько домов для бабочек. Они были сделаны из того же материала, хотя и различались по форме. Можно было говорить о некотором архитектурном разнообразии, но внутреннее устройство жилищ было одинаковым. И ни в одном из них не заметили они ни одной вещи, которая бы свидетельствовала, что бабочки ведут образ жизни разумных существ.

Ночь застигла их в лесу. Хотя бояться как будто было нечего, Дирак настоял на том, чтобы переночевать в вездеходе. Алеку хотелось спать на воздухе, в спальном мешке, но робот был неумолим. Потом Алек установил связь со звездолетом и подробно рассказал Казимиру последние новости. Казимир слушал его внимательно, не перебивая, и под конец сказал:

— Вряд ли можно допустить, Алек, чтобы там не было никакой другой формы жизни. Если есть бабочки, то, во всяком случае, должны быть и гусеницы.

— Верно, — встрепенулся Алек. — Как это не пришло мне в голову?

— У меня была такая мысль, — вставил Дирак. — Но факт, что мы еще не встретили ни одной. Возможно, здешние бабочки размножаются как-то иначе.

— Может быть, и так, — согласился Казимир. — Но уж если есть гусеницы, они должны быть размером с теленка. Вы бы их наверняка заметили.

— Мы не искали их, — сказал Алек.

— Нет, на деревьях гусениц нет, — категорически заявил Дирак. — Это я установил. В конце концов, чем бы они питались? Листьями? Но я не видел ни одного изъеденного листа.

— И все же будьте бдительны. Эта чересчур стерильная природа затаила какую-то непонятную угрозу.

Закончив разговор с Казимиром, они погасили свет, и вездеход словно опустился в черную бездну — такая темная была ночь. У Хелы не было луны, только звезды мерцали на далеком незнакомом небе. Не доносилось ни звука, будто они находились в изолированной камере. Пустота и тишина угнетали здесь сильнее, чем в межзвездных пространствах. Алек пытался заснуть и не мог: мозг его был взбудоражен, чувства обострены. «Какой призрачный мир, — думал он с беспокойством. — Неужели возможна природа, создавшая один-единственный вид живых существ?»

— Не спится, Алек? — услышал он голос Дирака. — Хочешь, я дам тебе снотворное?

— Нет, не надо, дружище, — ответил благодарно человек.

Засыпал он с тревожными мыслями, но сон его был спокойный и крепкий. Когда он открыл глаза, ему показалось, что спал он всего несколько минут, а над ним, за иллюминатором, сияло ясное и теплое синее небо.

4

На следующий день в полдень они сделали свое самое удивительное открытие.

Вначале у них не было ощущения, что они наткнулись на что-то необычайное. Это были строения, почти не огражденные, стояли они на голой возвышенности, под ярким солнечным светом и всем своим видом напоминали гигантские оранжереи. При этом стояли они не на металлических колоннах, а прямо на земле. Как и повсюду, здесь ни дорог, ни тропинок и никаких признаков жизни вокруг не было. Странные здания блестели на вершине холма, одинокие и нереальные, словно из старой сказки.

Вездеход легко забрался наверх, и они поспешили выйти из машины. И остановились, пораженные. Нет, это не были дома бабочек, это было что-то совершенно иное. Внутри помещений виднелись трубы, провода, какая-то мебель, похожая на шкафы, длинные эмалированные холодильники. Много предметов можно было различить сквозь прозрачные стены, не было только людей, хотя все говорило о присутствии разумных существ.

И дверей тоже не было. Они обошли со всех сторон

просторное стеклянное здание, но не увидели в нем ни малейшего отверстия, словно оно было герметическим.

— Как ты объясняешь это чудо? — спросил растерянно Алек.

— Может, оно открывается с помощью какого-нибудь механизма, — сказал Дирак. — Или имеет подземный ход.

— Сделай одно отверстие! Как-нибудь войдем.

Дирак настроил лучевой пистолет на малую мощность и легким движением руки вырезал в толстой стеклянной стене отверстие размером с небольшую дверь. Первым вошел Дирак, за ним человек. Сделав всего несколько шагов, Алек взволнованно воскликнул:

— Посмотри, Дирак! Готов поклясться, что это термометр! И даже самый обыкновенный ртутный термометр!

— А вот радиаторы отопления, — сказал Дирак, потрогав рукой белый эмалированный шкафчик.

В помещении действительно было тепло и приятно, прогретый равномерно воздух был свежий и чистый. Алек подошел к одному из холодильников и осторожно приоткрыл крышку. На дне холодильника были уложены шесть превосходных зеленовато-желтых дынь. Алек смотрел на них в полном изумлении, потом взял одну в руки.

— Что это по-твоему, Дирак? — спросил он весело.

— Наверно, яйца, — спокойно ответил тот. — Яйца синих бабочек.

— Правильно! — обрадовался Алек. — Они теплые. Это вовсе не холодильник, а просто-напросто инкубатор.

Но Дирак не ответил. Его взор был устремлен на что-то позади человека.

— Гусеницы! — тихо сказал он.

Алек резко обернулся. В глубине длинного помещения он тоже увидел двух гигантских гусениц, мохнатых и зеленых, впившихся возмущенным взглядом в непрошеных гостей. Обе они стояли выпрямившись, придерживаясь верхними лапками за ближайшие предметы. Все говорило за то, что они здесь у себя дома.

— Здравствуйте, хозяева! — дружелюбно сказал Алек.

Гусеницы не удостоили его ответом и все так же сердито смотрели на него. «Глупейшее положение», — смущенно подумал человек. Стоя с яйцом в руке, он чувствовал себя почти вором, забравшимся в чужой дом. Алек решил положить яйцо на место, но неловко повернулся, оно выскользнуло у него из рук и с треском разбилось.

Алек быстро взглянул на гусениц. Их гнев перешел в ужас. И прежде чем Алек успел сделать малейшее движение, он словно подкошенный рухнул на пол. Дирак молниеносно направил оружие на неожиданного врага, обе гусеницы вспыхнули. Но в тот же миг его тряхнуло, как от сильного удара электрического тока; нить, связывающая его с внешним миром, мгновенно оборвалась. Он не упал, только руки его опустились безжизненно, в металлическом корпусе замер едва уловимый шум, который был его жизнью. Стеклянный дом заполнили гусеницы, которые быстро приближались к своим жертвам.

5

Электрическая лампочка загорелась ярким светом и погасла. Лента восприятия внезапно включилась, и Дирак увидел себя в окружении трех гусениц в смешных рабочих халатах, с никелированными инструментами в руках. Он сразу понял — они делают то, что делали бы техники Багратионова. Они его ремонтировали. Сейчас ближайшая из гусениц ловко завинчивала левый грудной клапан, под которым было смонтировано предохранительное устройство. Дирак быстро повернулся. Он находился в какой-то просторной комнате; стены комнаты были сделаны как бы из слоновой кости, мягкий свет ламп падал на его линзы.

— А где Алек? — громко спросил он. — Он жив?

По-видимому, они расстроили регулятор звука. Он исправил его сам и снова спросил уже обычным голосом:

— Где Алек?

Гусеницы ничего не отвечали; смотрели на него с молчаливым любопытством и страхом. Внезапно в его включенном автоматическом радиоприемнике прозвучал негромкий, приятный человеческий голос.

— Встаньте!

Он не разобрал слов, но поспешно встал. В нескольких шагах от него, опершись о черный металлический стол, стояла сравнительно небольшая седая гусеница с внимательными, спокойными и умными глазами.

— Где Алек? — в третий раз спросил Дирак.

Седая гусеница смотрела недоумевающе. Тут робот понял, что нужно сделать, и включил радиопередатчик. Лицо седой гусеницы прояснилось.

— Я Лос планеты Вар, — сказала она. — Теперь я вас понимаю... Мы не воспринимаем звуковых волн. На звуковых волнах говорят наши бабочки. Будем разговаривать через ваш аппарат.

Дирак молчал. Все это время его сложный ум с лихорадочной быстротой перебирал миллионы комбинаций. В конце концов он решил, что расшифровал основные слова.

— Я Дирак с планеты Земля, — ответил робот. — Я мыслящая машина БА-6 конструктора Багратионова.

На седом мохнатом лице Лоса появилось выражение, похожее на странную улыбку.

— Дирак! — воскликнул он. — Здравствуйте, Дирак! И простите нас за маленькую неприятность, которую мы вам причинили.

Позднее Дирак восстановил в репродукторе весь разговор, но сейчас понял только смысл приветствия.

— Где Алек? — спросил он. — Алек — человек! — Он рукой показал, какого роста Алек. — Я хочу знать, жив ли Алек?

Лос кивнул, потом протянул руку к какой-то кнопке. Засветился экран, и Дирак ясно увидел своего повелителя и друга. Он лежал под хрустальным куполом в какой-то камере, которая очень напоминала биокамеру звездолета. Лос увеличил кадр до самого крупного плана, и Дирак уловил, что Алек дышит.

— Алек жив! — сказал Лос. — Он получил электрический шок, который временно его парализовал. Не беспокойтесь, мы его восстановим.

Дирак снова углубился в миллионы своих комбинаций.

— Благодарю вас, — сказал он. — Надеюсь, это не скажется отрицательно на его здоровье?

Лос не понял.

— Идемте со мной! — сказал он.

Три гусеницы, которые только что ремонтировали Дирака, встревоженно переглянулись. Лос это заметил.

— Не беспокойтесь, — сказал он им. — Нам не угрожает ни малейшей опасности. От него можно ожидать чего угодно, кроме неразумного поступка.

Лос быстро повернулся к стене, нажал кнопку, и перед ним открылась маленькая дверь.

— Пожалуйста, — сказал он.

Это был лифт; они спускались с головокружительной

быстротой. Когда Дирак насчитал восемнадцать этажей, лифт остановился и они очутились в длинном коридоре без каких-либо признаков дверей или окон. Помещение освещалось мягким, неизвестно откуда лившимся светом, который позволял различать самые отдаленные предметы. Дирак удивился, видя, как быстро передвигается Лос по мягкому полу, сделанному словно из пробкового дерева. Лос остановился, нажал хрустальную кнопку, и они оказались в просторной длинной комнате. И здесь тоже не было окон, но воздух был свежий и свет такой же ясный. Вдоль длинных стен стояли металлические шкафы.

— Это часть моей библиотеки, — сказал Лос. — Здесь вы найдете все, что вам нужно: учебники, энциклопедии, атласы, наглядные пособия. Все это поможет вам быстро и эффективно овладеть языком и познакомиться с основами нашей цивилизации. Надеюсь, что это вам не доставит больших затруднений. Я понял, что вы отличная мыслящая машина, Дирак; должен признать — у нас такой еще нет.

— Я беспокоюсь за Алека, — сказал робот. — Мне трудно будет работать, если я не узнаю, как он себя чувствует.

Лос не понял, но его добрые и умные глаза смотрели ласково.

— Я не понимаю вас, Дирак. Вы поработайте здесь, а потом мы поговорим.

Через некоторое время Дирак остался один в библиотеке и сразу же взялся за дело. Ему не нужно было читать бесконечное множество текстов: они отпечатывались в его механическом мозгу со всеми точками и запятыми и оставались там навсегда. Он неутомимо, педантично перелистывал и перелистывал, только изредка останавливаясь на несколько минут. Тогда в нем с бешеной скоростью начинали работать миллионы клеток, поглощая материал и превращая его в прочные знания. Часов через восемь к нему пришел Лос.

— Алек в полном сознании, — сказал он. — Первым делом он спросил о вас.

Необычный рокот прозвучал в металлической груди робота.

— Спасибо, — ответил Дирак на языке Вар. — Могу ли я его видеть?

— Конечно, — сказал Лос. — Но чтобы не терять времени, лучше на телеэкране.

Лос включил телевизор, на широком серебристом экране появилось лицо Алека. Лицо было изможденное, бледное, как у человека, перенесшего тяжелую болезнь. Но едва он увидел Дирака, глаза его радостно заблестели и слабый румянец окрасил щеки.

— Здравствуй, Дирак, — сказал он.

— Здравствуй, мальчик! Как ты себя чувствуешь?

— Сносно, — ответил Алек. — Самое удивительное, что впервые за все это время я захотел есть.

— Неужели тебя не кормят?

— Давали какую-то отвратительную пасту. Наши хозяева, видимо, не придают особенного значения вкусовым качествам.

Дирак повернулся к Лосу и перевел ему. Услышав ответ, он снова посмотрел на экран.

— Он говорит, что пища была очень калорийная и богатая витаминами... Приготовленная специально для восстановления сил ослабленного организма.

— Ты разговариваешь с ними? — изумился Алек.

— Да, хотя по весьма странному методу.

— Может быть, она и была калорийная, — вздохнул Алек. — Но я тебе честно признаюсь, что я просто сплю и вижу жареного цыпленка.

— Мне очень жаль, Алек, — серьезно ответил робот. — Но на этой планете нет ничего, кроме гусениц и бабочек.

— Я понимаю. А что со мной произошло?

— Ничего особенного. Небольшой электрический шок.

— Только этого еще не хватало! — усмехнулся человек. — Теперь мне кажется, что мой мозг стал твердым, как бильярдный шар.

— Лос сказал, что тебе дадут пищу из наших продуктовых запасов. В чем ты еще нуждаешься?

— В чем нуждаюсь? Дирак, у этих странных хозяев нет ни постелей, ни стульев, я уже не говорю о подушках и матрацах. Должен тебе сказать, что спина у меня затекла от жесткой гладкой плоскости, на которой я лежу.

Робот не слишком точно перевел, но Лос сразу понял, в чем дело.

— Конечно, у нас есть мягкая материя, — сказал он. — Попробуем ее приспособить.

Дирак перевел, после чего добавил:

— А теперь отдыхай и восстанавливай силы. Хочу тебя предупредить, что нам предстоит большая работа.

Дирак провел в библиотеке еще три дня. За это время Лос навещал его несколько раз и уходил, весьма довольный успехами своего ученика. На третий день он долго и обстоятельно беседовал с роботом. Дирак понял, что Лос серьезно готовится к своему первому разговору с человеком.

6

Они стояли вдвоем на веранде лечебницы, обращенной к лесу. Природа здесь больше напоминала земную, особенно деревья, похожие на гигантские кусты, осыпанные множеством цветов, больших, ярких. И воздух был более прохладный и влажный, в нем чувствовалось едва уловимое соленое дыхание океана. Гусеницы позаботились, чтобы их ничто не беспокоило, и теперь они могли разговаривать без помех. Алек внимательно слушал размеренную речь Дирака.

— Вар — одна из трех планет, входящих в звездную систему, которую они называют Зитой, — начал он. — На самой близкой к Зите планете нет жизни, как на нашем Меркурии. На второй планете богатая и разнообразная жизнь, очень напоминающая нашу мезозойскую эру.

— Правда? — заинтересовался Алек. — Нужно посмотреть, нельзя ли добраться и туда.

— Это не совсем безопасно, — сказал Дирак. — Итак, Вар — сравнительно молодая планета. Древняя фауна ее не слишком отличается от земной. Но в палеолите появляется впервые синяя бабочка. Именно ее личинки, гусеницы, произвели коренной перелом в развитии животного мира. Остальные виды просто прекратили свое существование. Гусеницы отличаются тем, что они одни из всех животных обладают необыкновенным оружием — электрическим зарядом. Это не ново в природе, но гусеницы планеты Вар исключительно сильны. Впрочем, ты сам мог в этом убедиться, хотя они не собирались тебя убивать, а просто лишили способности двигаться.

— И весьма успешно, — пробурчал Алек. — Думаю, что не забыть мне об этом всю жизнь.

— Сначала они убивали других животных только когда приходилось защищаться, — продолжал Дирак. — Гусеницы питаются исключительно растениями, так что

они ни в коей степени не были заинтересованы в сохранении других животных. Они и уничтожили их совершенно сознательно, чтобы обеспечить себе и главным образом своим бабочкам, которые совершенно беспомощны, полную безопасность.

— У кого же появилось сначала сознание — у гусениц или бабочек?

— По-моему, у гусениц, — ответил Дирак. — Но они никогда не говорят ничего подобного, бабочки для них в любом случае остаются существами высшего порядка. Но факт, что именно у гусениц возникает способность к труду и организованная общественная жизнь. После того как они истребили все высшие формы жизни на планете, они уничтожили химическими и другими средствами и низшие виды — насекомых, паразитов и так далее.

— Весьма кровожадные создания, — заметил Алек.

— Нисколько! Подобных слов вообще нет в их словаре. Не существует таких понятий, как вражда, ненависть, жестокость, алчность. А понятия «счастливый», «радостный», «печальный» они употребляют только тогда, когда речь идет о бабочках. У гусениц просто нет эмоциональной жизни в земном понимании.

— Не может быть! — невольно воскликнул Алек.

— Это правда, — серьезно возразил Дирак. — По-видимому, все их существование основывается на биологических принципах. Они не бесполые в точном смысле слова, но совершенно лишены половых чувств. Инстинкт продолжения рода проявляется у них в заботе о бабочках и в стремлении достичь невредимыми этой стадии. Это настолько сильно в них, что определяет все общественные отношения.

— Объяснение кажется мне не совсем научным, — пошутил Алек.

— Для планеты Вар это абсолютно научно, — с прежней серьезностью ответил робот. — И посему развитие их общества совершенно отлично от нашего. Прежде всего здесь нет ни рас, ни наций. На Варе не было ни одной войны. Не было классов. С самого начала и до сих пор их общество — цельный коллектив. Гусеницам нужно лишь самое необходимое. Все свои мечты, надежды и желания они откладывают до своей второй жизни в качестве бабочек. Это для них не религия, не идея, а естественное состояние. Поскольку они лишены чувств и страстей, настоящее в определенном смысле им безразлично.

— Но тогда они глубоко несчастны! — воскликнул Алек.

— Едва ли, — ответил робот. — Они спокойны и уравновешенны, поскольку ими движет стремление к определенной цели и уверенность, что они ее достигнут. Любое мыслящее существо, имеющее определенную цель в жизни, не может быть несчастным, Алек! Разве я, по-твоему, несчастен?

— Нет, конечно же, — пробормотал Алек. — Но тогда не понятно, что является стимулом для науки, для прогресса в этой цивилизации?

— Ты рассуждаешь совсем как земной человек, — ответил Дирак. — Наука может развиваться, даже если нет людей. Представь себе, что человеческий род внезапно вымер от какой-то неизвестной эпидемии. И на свете останутся только машины, созданные Багратионовым. Нет, наука не умрет! Мы будем продолжать развивать ее, пока не воспроизведем вас снова, хотя бы начать пришлось с обыкновенной амебы. В конце концов наука — это такая материя, которая, будучи однажды создана, начинает развиваться по своим собственным законам, иногда даже во вред людям. Но на Вар дело обстоит иначе. Здесь люди-гусеницы относятся к науке строго рационально. Время от времени они сознательно ограничивают развитие отдельных наук, особенно технических. Они делают все, чтобы сохранять, насколько возможно, почти спартанский образ жизни. Например, они никогда не производили оружия для самоистребления. Они открыли атомную энергию, но используют ее главным образом для создания тепла на планете. Теоретически они знакомы с термоядерной энергией, но не стремятся применять ее на практике. Они знакомы с тремя измерениями, а транспортные средства их ограничены до минимума и служат только для перевозок. Три века назад у них были космические корабли, с их помощью они изучили свою звездную систему Зита. Теперь они перестали совершать полеты, потому что считают это бессмысленным занятием. Но зато у них на очень высоком уровне медицина и отчасти биология. Например, они не знают смертного исхода при болезни или несчастном случае.

— А философия у них есть? — перебил Алек.

Дирак в затруднении молчал.

— Я встречал это понятие, — сказал он. — Но ни

разу не встретил ни одного названия философского труда... Может быть, это есть у бабочек...

— Теперь кое-что проясняется, — сказал Алек. — По логике вещей, у этих гусениц, очевидно, нет искусства.

— Почти нет, если не считать архитектуры и некоторых элементов декоративной живописи. Искусство — достояние бабочек, у которых эмоциональная сторона жизни развита очень сильно и составляет основу их существования. Они считают эту фазу более высокой, а почему — им самим это не совсем ясно. Это фаза счастливого существования — время эмоций, красоты, любви и, в конечном счете, полового размножения.

— Значит, эмоциональную жизнь они связывают только с наличием полового чувства? — спросил изумленный Алек.

— В конечном счете так и получается, — ответил Дирак. — Но, может быть, я поспешил с заключением. Впрочем, ты знаешь, как тяжело переносят представители рода человеческого период увядания. Люди на Земле начинают тогда походить на гусениц, только без их надежды превратиться в бабочек.

— Верно, — кивнул Алек.

— Здесь же гусеницы избавлены от такой драмы, поскольку для них это естественное и временное состояние. Они живут надеждой, а надежда подчас значит больше всего на свете.

— И ты знаешь больше, чем полагается знать мыслящей машине, — пробормотал Алек. — Но интересно, куда же это приведет?

— Ты имеешь в виду чувства? — осторожно спросил Дирак.

— Возможно, — еще более осторожно ответил человек. — И кто же такой Лос?..

— Сейчас поймешь... У них имеются две фазы существования, строго ограниченные по времени. Первая фаза — фаза гусеницы — длится ровно сорок лет. Они могли бы увеличить или уменьшить этот срок, поскольку им давно известен код наследственности, но они считают его самым целесообразным по многим причинам. Точно к концу этого срока они превращаются в коконы, из которых через десять месяцев выпорхнут бабочки. Насколько я понял, каждая бабочка помнит о своей прошлой жизни и не является новой, вновь рожденной индивидуальностью. Гусеницы предоставили им самую красивую, с наиболее

стабильным климатом часть континента — ту, возле экватора. Сами остались жить в более суровом климате океанского побережья. Здесь их города, заводы, вся их цивилизация. Бабочки живут, надо полагать, не занятые никаким трудом. Единственная их полезная деятельность — продолжение рода. Любовная жизнь не ограничена институтом брака. Видимо, чувства у них возникают стихийно и не обусловлены сроками. Единственная обязанность бабочек перед обществом — отложить яйца в отведенных местах, обо всем остальном заботятся гусеницы. Но за свою красивую жизнь они наказаны природой — живут очень мало, всего десять лет.

— Десять лет ничегонеделания — это совсем не мало! — усмехнулся Алек.

— Теперь вернемся к Лосу, — продолжал Дирак. — Ты сам понимаешь, что сорок лет — слишком короткий срок, чтобы поддерживать на нужном уровне столь сложную цивилизацию. Осуществляет эту трудную задачу Совет из двадцати старейшин, каждый из которых носит имя Лос. На языке Вар это значит «печальный». Совет печальных управляет всем обществом, единственная цель которого — достичь счастья путем перерождения.

— Чудесно! — пробормотал Алек.

— Но они едва ли так думают, — сказал Дирак. — В конце сорокового года каждый из тех, кто избран Лосом, искусственно сдерживает свое биологическое развитие. Лос не становится ни коконом, ни бабочкой. После десятимесячной летаргии он пробуждается снова гусеницей, принося себя в жертву обществу. У него нет своей личной цели, надежды на счастье. Они воплощают не только печаль, но и полную безнадежность. Единственный смысл их существования — обслуживать низшую фазу своего общества.

— Может быть, их жизнь и безнадежна, и печальна, но я им завидую, — тихо сказал человек.

Дирак не сразу ответил, но его пустые линзы как-то особенно пристально нацелились на человека.

— Сомневаюсь в твоей искренности, Алек, — сказал наконец он. — Казимир не будет зря утверждать, что не встречал такого жизнелюбивого человека, как ты.

— Это не имеет значения.

— Как это не имеет? Да ты ведь не откажешься от самой малой малости, Алек. Даже от матраца, даже от цыпленка.

— Вот именно поэтому! — воскликнул человек. — Должен тебе сказать, что я всегда сомневался в смысле тех высших цивилизаций, которые не могут дать ни мучеников, ни героев.

— Это же глупо, — сказал Дирак. — Ты вправду меня удивляешь.

— Может быть, и глупо, — пожал плечами человек. — Но я так это понимаю.

— Даже Лос так не думает, хотя он является своего рода мучеником ради общества.

— Это Лос номер один?

— Да.

— А кто его выбирает?

— Ты, конечно, понимаешь, что все происходит отнюдь не путем парламентских выборов. Это власть, к которой никто не стремится, которая не приносит никаких благ, одни тяготы. Совет сам намечает будущего Лоса, отбирая его из самых способных в отдельных отраслях науки. Каждый Лос, достигший стопятидесятилетнего возраста, автоматически исключается из Совета, независимо от его заслуг перед обществом и вскоре, лишенный цели и смысла своего существования, умирает...

— Несколько жестоко, — сказал Алек. — Но так и должно быть.

Он немного подумал и добавил:

— Я хочу видеть Лоса.

— Ты увидишь его утром, — сказал Дирак. — Но я прошу тебя, будь осторожен и внимателен.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Может быть, с этого следовало начать, — сказал Дирак. — Дело в том, что Лос отказался пропустить меня к вездеходу. Я хотел установить связь с Казимиром, но из осторожности не сказал ему об этом. И все-таки он меня не пустил. Мне кажется, они считают нас своими пленниками.

— Ты полагаешь?

— Возможно, они опасаются нас, поэтому хотят изолировать от нашей базы. Они считают, что мы попали сюда с ракеты и не знают, что вокруг Вар кружит наш звездолет. Я, со своей стороны, ничего им не сказал.

Алек взглянул на него с любопытством.

— Честное слово, я не знал, Дирак, что ты способен лукавить.

— Я способен на все, когда речь идет о вашей безопас-

ности, — ответил робот. — И поэтому считаю: с ним надо держаться очень осторожно и рассеять все его сомнения.

Алек молчал.

— Я думаю, что мы поймем друг друга, — сказал он. — С печальным человеком всегда можно договориться. Главное, чтобы он не был бесчувственным.

Он внутренне сжался, сказав последнее слово, но Дирак не подал вида, что воспринял слова человека как обидный намек. И чтобы переменить тему, человек быстро взглянул на часы.

— Ровно через сорок пять секунд мне принесут пищу, — сказал он. — Эти гусеницы чертовски точны...

— У меня такое же впечатление, — бесстрастно ответил Дирак.

Он тоже посмотрел на часы. Теперь они оба молчали. Алек вдыхал соленый ветер океана, который усиливался к вечеру. Солнце скрылось, утонул в мягких сумерках лес, казавшийся сейчас еще более пустынным. Алек вздохнул.

— Очень хочется увидеть серну, — сказал он тихо. — Или хотя бы обыкновенную козочку...

Дирак не ответил и посмотрел в дальний конец веранды. Там появилась зеленая гусеница, которая медленно ползла, толкая перед собой столик на колесах.

7

Дверь отворилась перед ними, и они вошли в огромный зал с потолком сводчатым и синим, как небо. Никакой мебели в зале они не заметили, и все же он производил торжественное и праздничное впечатление. В глубине его, опершись на тонкую металлическую рамку, их ждал Лос. Человек с любопытством уставился на него. Седое мохнатое лицо старейшины казалось добрым и кротким, но взгляд был живой, сосредоточенный и проницательный.

— Я приготовил для вас сюрприз, — сказал Лос и показал на предмет, стоявший у стены. — Это у вас называется стулом?

Дирак переводил очень быстро, почти синхронно. Человек посмотрел туда и улыбнулся. Теперь он тоже заметил этот предмет. Это ни в коем случае не было стулом,

но могло сойти за стул. Алек подошел и осторожно сел. Лос смотрел на него все тем же внимательным, немигающим взглядом.

— У меня есть к вам несколько вопросов, Алек, — сказал он. — А потом я в вашем распоряжении.

— Прошу вас...

— Дирак сказал мне, что у земных людей умственная и эмоциональная деятельность протекает одновременно. Вы считаете такой образ жизни более совершенным?

— Мне трудно вам ответить, — сказал Алек. — Я слишком поверхностно знаю ваш мир. Но он представляется мне организованным вполне разумно.

— Все-таки не могли бы вы высказать какие-то принципиальные суждения по этому вопросу?

— Я мог бы сказать, что индивид, который совмещает в себе две природы, является полноценным, если не для общества, то по крайней мере сам по себе.

— Как это понимать? («Будь внимателен, Алек», — добавил Дирак от себя.)

Алек все осмысливал быстро, но так и не догадался, от чего предостерегал его робот.

— Очень просто, — ответил он, взвешивая слова. — Одна плюс одна получается две.

— Такой способ мышления кажется мне несколько механическим, — сказал Лос. — Углерод плюс кислород — и получится, насколько мне известно, яд...

— Признаюсь, что я привел не слишком удачный пример, — сказал Алек. — Но положительным является уже тот факт, что двойственная природа человека способствует более интенсивному душевному горению.

— Да, естественно, — кивнул Лос. — Но следует ли считать большую интенсивность духовной жизни решительным преимуществом? Не является ли более важным внутренняя гармония и цельность душевного мира?

— Я хочу сказать, одновременное сосуществование в человеке эмоционального и рационального начал обогащает его, — ответил Алек. — Индивид, которому свойственно только одно из этих начал, по существу, полуиндивид.

— Да, в этом мне хотелось бы разобраться! — сказал задумчиво Лос. — Итак, вы считаете, что на Вар живут полусущества? («Будь очень внимателен», — прибавил от себя Дирак.)

Лишь теперь Алек понял, куда клонит собеседник.

— Нет, нет, прошу вас, я совсем не хотел этого сказать! — возразил он. — Я вполне допускаю, что ваше общественное устройство более совершенно, чем наше. Но скажите, Лос, разве вы не сожалеете, что вам недоступен мир красоты, счастья и чувств — мир бабочек?

— Я понимаю ваш вопрос, — сказал Лос. — Но ведь в конце концов почти каждый житель Вар обретает свое счастье. И притом не в смешанном, а в чистом виде, счастье, какое вы себе даже представить не можете...

Алек задумался, как дальше направить разговор.

— Вероятно, вы правы, — заколебался он.

— Подумайте, Алек, — подхватил с живостью Лос. — Разве последовательное деление на два начала не более целесообразно? Каждое из них существует в чистом виде, они не мешают взаимно одно другому и могут проявляться в полную силу...

— Это не так просто, — сдержанно ответил Алек. — Мы стремимся, чтобы чувства наши облагораживали ум, а ум сообщал чувствам глубину и проникновенность.

— Ответ не по существу, — сказал Лос. — Подобная взаимосвязь существует и у нас, только последовательно, поэтапно. Иначе эмоциональная жизнь бабочек была бы совершенно примитивной.

— Я не спорю с вами, Лос, о преимуществах вашего и нашего миров. Поскольку они оба созданы природой, они естественны. Но они не могут быть абсолютно совершенными. В каждом из них надо искать совершенство по законам его собственного развития.

— Это правильно, — сказал Лос (а Дирак присовокупил: «Тебе, пожалуй, удалось вывернуться».).

Лос помолчал и затем мягко добавил:

— Мне кажется, Алек, что перед вашим обществом стоят более серьезные трудности. Эти два начала очень сильны, очень обособленны и всегда в разладе. Какое-нибудь из них неизбежно берет верх и вытесняет другое. А обрести гармонию представляется мне крайне сложной задачей.

— Правильно, — подтвердил Алек. — Но как бы могли мы развиваться, если бы не было этих двух противоречивых факторов, которые и стимулируют процесс развития?

— Но если они взаимно отталкиваются?

— Даже если так... Все же это толчок к соревнованию и прогрессу. Но теперь фактически положение у нас иное.

— Вы хотите сказать, что разум смирился?

— Наоборот, мне кажется, он всегда более неуступчив и настойчиво стремится взять перевес. Именно несколько его серьезных побед в истории нашего развития показали ему, что эти победы, достигнутые в одиночку, не приносят полного удовлетворения.

Лос надолго задумался.

— Ваша эмоциональная природа в моем представлении дерзкая, живучая и сильная, — сказал он наконец. — И мне кажется, что вашему разуму очень тяжело ей противиться.

— А почему вы так думаете? — спросил с любопытством Алек.

— Насколько я понимаю, вы относитесь к хищным животным?

— То есть?

— Вы ведь до сих пор едите мясо животных, — сказал Лос. — У нас только хищники в доисторические времена питались мясом.

— Ну это неважно, — нахмурился Алек. — И не может иметь никакого значения для человечества, прошедшего такой долгий путь исторического развития.

— Весьма произвольное суждение, — сказал Лос с горечью. — Даже самый длинный путь развития закодирован в наследственности. Иначе чем вы объясните ваши войны, ваши революции, истребление друг друга на протяжении целых веков. Кровавой истории вашего развития не могла не способствовать ваша пища, которую вы употребляете; она сообщает кровавые тона вашим эмоциям... И как же может жить с ними в мире чистый и беспристрастный разум?..

Алек заметил с удивлением, что эти слова его раздражают. Неужели человек-гусеница в чем-то прав? Или просто-напросто он хотел вырвать у него какое-нибудь неосторожное признание?

— Мне трудно найти убедительные доводы, Лос, — сказал он. — Но, к сожалению, факты говорят об обратном. Проблемой последних эпох является не технический прогресс, а увядание чувств. И надо сказать, вопреки всем вашим предположениям, наше общество намного гуманнее вашего. Мы не истребили жизни на своей планете. У нас живут на свободе тысячи диких и прирученных животных...

— Чтобы иметь возможность их убивать? — спросил

Лос. — Чтобы не забыть о древнем прекрасном ремесле, об охоте?

— Не совсем так. Мы действительно убиваем некоторых. Но у нас есть огромные заповедники.

— Но гусениц и бабочек все же истребляете.

— Простите, Лос, но у нас они не относятся к разумным существам. Они просто насекомые. И мы не истребили всех гусениц, хотя они наносят серьезный вред нашим лесам. Мы их сохраняем ради красивых бабочек, которым радуются наши дети.

— Жаль, что вы не захватили ни одного экземпляра, — задумчиво проговорил Лос. — Это бы представило огромный интерес для наших ученых.

— В следующий раз не упустим...

— Рассчитываете установить с нами постоянные контакты? («Будь внимателен, Алек», — настойчиво предупредил Дирак.)

— Цель наших путешествий единственная — знание, — осторожно ответил Алек. — Но если вы будете в нас нуждаться, мы никогда не откажем в помощи.

— Спасибо, — сухо ответил Лос. — Это все, что я хочу знать. Теперь я к вашим услугам.

Алек пристально посмотрел на него.

— Прежде всего у меня есть к вам просьба, Лос, — сказал он. — Позвольте нам выйти на связь с нашим воздушным кораблем.

В глазах Лоса что-то промелькнуло.

— Зачем вам связь? — спросил он. — Разве на корабле есть люди?

— Вы меня не поняли. Речь идет не о ракете, на которой мы опустились. А о фотонном звездолете, облетающем Вар. У нас нарушились ежедневные обязательные сеансы связи. Наши товарищи очень тревожатся за нас.

Лос устремил на него свой проницательный взгляд.

— У вас правда есть такой звездолет?

— Вы меня удивляете, Лос... Если не верите мне, спросите ваших ученых. На ракете можно в лучшем случае долететь от одной планеты до другой.

— А не хотите ли вы на самом деле установить связь с вашей Землей?

— А разве это не одно и то же?

— Для нас не одно и то же.

— Я не понимаю... Вы боитесь нас?

— Возможно, у нас есть на то причины, — ответил Лос. — И весьма серьезные.

— Интересно узнать, какие? — сказал Алек.

Лос медленно покачал мохнатой седой головой.

— Вы неискренни, Алек, — сказал он огорченно. — Вы же не можете не знать. Во-первых, вы убили бабочку. Уже тысячи лет ни одна бабочка не умирала насильственной смертью. Должен сказать, это событие просто потрясло нас.

— Тогда и вы будьте искренни, Лос. Вы же хорошо знаете, что это недоразумение. Мы думали, что бабочки обыкновенные насекомые. Даже в глазах жителей Вар истребление насекомых не является преступлением. Вы истребили миллионы видов...

— Это верно. Но и убийство бабочки — тоже факт. Жители Вар испуганы и встревожены.

— Вы должны объяснить недоразумение и успокоить их. Здравый, трезвый рассудок поможет им разобраться.

— К сожалению, это еще не все. Совет опасается, что ваша планета истощена или ей грозит уничтожение. И вы ищете другую, с подходящими климатическими условиями, которую вы сделаете своей колонией. Совет опасается, что вы примете нас за низшие существа и сочтете себя вправе истребить нас для того, чтобы создать более высокую цивилизацию. Особенно много опасений внушает Совету то, что вы хищники. И в конечном итоге нельзя сбрасывать со счета, что на ваш разум могут повлиять незнакомые нам чувства.

Алек глубоко задумался.

— Надо признать, что все ваши опасения не лишены оснований, — сказал он наконец. — Но не в данном случае. Конечно, вы не знаете нашего мира, его гуманных принципов, так что любое наше объяснение вы можете принять за обман. Все-таки я хочу вас убедить, что у нас нет никаких намерений захватить Вар, и прошу вас поверить мне...

— А если Совет не поверит? Не забывайте, Алек, что стоит вопрос о нашем существовании.

— Это невыгодно для вас со всех точек зрения, — ответил Алек. — Если вы попытаетесь задержать нас или погубить, наши товарищи не оставят это без последствий.

— Что это значит? — спросил сдержанно Лос.

— Достаточно нашему звездолету облететь Вар на ма-

лой высоте — и планета превратится в пепелище. И это не единственная возможность.

— Я должен понять ваши слова как угрозу или как обыкновенный шантаж?

— Ни то, ни другое, Лос. Мы пришли к вам как братья. Чтобы не нанести вам ни малейшего невольного ущерба, мы подвергли стерилизации каждую вещь, которую взяли с собой. Вы, наверно, обследовали нашу пищу и наши вещи и знаете, что это правда. И, конечно же, один звездолет не может обратить в колонию целую планету. В ваших интересах освободить нас добровольно. А если не поверите — приготовьтесь защищаться. Раньше чем через тридцать два световых года мы не сможем добраться сюда, а это для вас века...

Алек умолк. И Лос молчал, он был подавлен и мрачен.

— Благодарю вас, Алек, за откровенность, — сказал он. — Лично я считаю, что вы правы. Но решение может принять только Совет. Утром я сообщу его вам.

Потом Алек и робот шагали вдвоем по длинному коридору.

— Я думаю, что старик на нашей стороне, — сказал
6 Дирак.

— Почему? — едва заметно улыбнулся человек.

— Твоя логика была безупречна. Поскольку они разумные существа, они все воспримут правильно. И можно не бояться, что их разум будет ослеплен какими-либо чувствами.

8

Экран засветился, и в тот же миг Алек увидел встревоженное лицо Казимира.

— Алек! — воскликнул он. — Что случилось?

— Ничего особенного, — спокойно ответил Алек. — Были небольшие осложнения, но теперь все уладилось...

— Бабочки?

— За бабочками появились гусеницы! Хочешь на них взглянуть?

— Если нет ничего лучшего! — засмэялся Казимир.

Несколько минут Казимир с интересом всматривался в телеэкран.

— Да, приличная архитектура, — сказал он. — Высокие двери. Они что, ходят выпрямившись?..

— Сейчас поймешь... Но здания, конечно, имеют свои

неудобства. У них лестницы как детские горки. Подняться на второй этаж — настоящий подвиг.

— Это они? — содрогнувшись, спросил Казимир.

— А что, не нравятся? — улыбнулся Алек.

— Бр-р! Как в страшном сне...

— Вблизи они выглядят симпатичнее, — сказал Алек. — И, в конце концов, никакой опасности, что тебя пригласят танцевать. Они глухонемые.

— Ах вот как!

Казимир снова стал наблюдать, молча и сосредоточенно.

— Можно кое-как выдержать. У исследователей Алфагея меньше шансов, чем у тебя. Они тебе не причинили вреда, Алек?

— Позднее я тебе расскажу. А сейчас у нас хорошие отношения, ведем философскую дискуссию.

— О чем?

— Старые, вечные темы...

— Алек, ты ничего от меня не скрываешь? Где Дирак?

— Не беспокойся, он в полной исправности, — ответил Алек. — Они содержали нас как пленников, но теперь мы свободны. При одном условии: надо доказать, что наш звездолет существует на самом деле.

Опасная искра мелькнула в глазах пилота:

— Ну это не проблема...

— Нет, нет, прошу тебя, Казимир, не наделай глупостей. От тебя требуется только одно: вечером, в одиннадцать часов, запустить сигнальную ракету... Выбери самую яркую.

— Ты уверен, что вы в полной безопасности? — нахмурившись, спросил Казимир.

— Уверен.

— Сколько времени предполагаешь еще провести там?

— Думаю, еще дней десять.

— И все-таки, прошу тебя, будь осторожен... Если что с вами случится, планета их лопнет как мыльный пузырь.

— Не подозревал, что ты такой кровожадный, — улыбнулся Алек. — Но скажи, что у тебя?

— А что у меня может быть? — пожал плечами Казимир. — Скука смертная. Подумываю, уж не смонтировать ли Дирака-второго, а то и поболтать не с кем.

— Неплохая идея. Только не забудь демонтировать его к тому времени, как мы вернемся.

— А что?

— Ну как тебе сказать... Может быть, Дираку-первому будет неприятно увидеть свое второе «я».

Казимир засмеялся.

— Ты все такой же, — сказал он. — Передай привет Дираку. Может быть, среди этих гусениц у него развились чувства.

— Багратионов не исключает такой возможности...

— Не смеши меня!

— Я кончаю, Казимир, — сказал Алек. — Отныне будем поддерживать регулярную связь.

— Ты что, приглашен на банкет?

— Слава богу, эта беда меня миновала, — улыбнулся Алек. — В меню нет ничего, кроме хлорофилла. А иногда даже и он искусственный.

— Не позавидуешь тебе...

— До свиданья, Казимир!

Экран погас.

9

Алек сидел на своем мягком стуле без спинки и думал о том, насколько быстро приспосабливается человеческое сознание к самой странной обстановке. Теперь все ему представлялось естественным, и даже мохнатое лицо Лоса казалось почти человеческим. Все-таки он не мог сдержать улыбки, когда президент планеты Вар с удивительной ловкостью стал карабкаться по отвесной стене к одному из верхних шкафов библиотеки. Лос вернулся, держа в руках легкую металлическую пластинку, похожую на гравюру.

— Это первый Лос нашей планеты, — сказал он. — Его называли Лосом Философом.

Алек удивленно посмотрел на него.

— Дирак говорил мне, что у вас нет такой науки.

— Да, теперь и правда нет, — ответил Лос. — Три века назад она была отменена специальным указом Совета.

Алек усмехнулся.

— Это нельзя назвать свободой мысли.

— Не знаю, какой смысл вы вкладываете в слово «свобода», Алек. Для нас это отсутствие принуждения. У нас свобода каждому индивиду гарантирована в рамках наших законов и традиций.

— Для нас это значит несколько больше, — снова усмехнулся Алек. — Мы ни в коем случае не мешаем людям думать, о чем они хотят, а также излагать свои мысли в письменной форме.

Лос задумался.

— Не знаю, разумно ли это, — сказал он.

— И все же почему надо было запрещать философию?

— Она просто оказалась ненужной, — ответил Лос. — Наша философия пыталась открыть законы развития. Эти законы нам дала наука. А что касается самых общих закономерностей и самых общих целей, то мы пришли к выводу, что нет иных законов развития, кроме тех, которые предлагает сама природа: развитие индивида от низшей стадии к высшей.

— Все ясно и просто, — пробормотал Алек. — И все же, надо полагать, были и другие мнения?

— Были, конечно, — кивнул Лос. — Особенно сильным было монистическое учение, проповедовавшее взгляды, подобные вашим. Они считали, что природа разумного существа должна быть единой и неделимой и что наука должна стараться обеспечить это единство. К этой школе принадлежал самый известный их философ по имени Син Темный. Сейчас я вам его покажу.

Лос снова вскарабкался по полкам и принес тонкую книжку, отпечатанную на какой-то особенной бумаге. На титульном листе была помещена фотография, которая сразу приковала внимание Алека.

— Он, однако, не был лишен чувств, — задумчиво сказал Алек.

— Возможно, — неуверенно ответил Лос. — Он отличался особенно дерзким и беспокойным умом.

— Может, вы прочтете мне что-нибудь?

Лос нехотя открыл первую страницу и стал читать:

«Куда стремишься ты, слепое существо? К какому темному морю текут реки твоих желаний? У тебя нет глаз, они слепы к чудесам, что окружают тебя. У тебя нет слуха, и ты не слышишь глас истины. Синие льды полюсов навеки заморозили твое сердце. Для чего твой холодный разум и для чего твои мертвые руки, если все, что они создают, печально и бессмысленно?»

Лос внезапно смолк.

— Но это же не философия! — воскликнул Алек. — Это поэзия...

— Нет, нет, это не поэзия, — недовольно ответил

Лос. — Это просто мысли, дерзкие и необоснованные. Поэзию могут создавать только бабочки.

— Вы не могли бы показать мне что-нибудь из поэзии?

Лос с удивлением взглянул на него.

— Поэзия не записывается, — сказал он. — Это запрещено.

— Запрещено? А почему?

— Разве не ясно? У бабочек столь высокая поэзия, что она недоступна нашему пониманию. Кто не может ее воспринять, тот просто осквернит ее...

— Но что есть поэзия?

— Поэзия есть красота! — убежденно ответил Лос.

— И природа — красота...

— Нет, это красота их отношения к природе. Красота их отношения к любви. Не знаю, как это выразить точнее, Алек. Поэзия — это материализованный образ движения их души. Это кванты их духовной энергии, их непостижимого для нас счастья...

Алек молчал.

— Но разве их поэзия лишена мысли? — спросил он наконец.

— Конечно же, нет.

— А откуда же берутся мысли?

— Бабочки мыслят на основе знаний, которые они получили в своей предыдущей жизни, — ответил Лос. — Но это мысли, пронизанные светом, а их глубина, наверно, неизмерима.

Дирак беспокойно взглянул на часы.

— Пора идти, — сказал он.

Немного погодя они втроем поднялись на плоскую крышу резиденции. Океан был совсем близко, и возле освещенной пристани стояло несколько кораблей, широких и приплюснутых, словно черепахи. Фосфоресцирующие башенные краны бесшумно снимали с них какую-то студенистую массу. Соленый йодистый запах был сегодня сильнее обычного.

— Это морские водоросли, — объяснил Дирак. — Они извлекают из них хлорофилл.

Алек как будто не слушал его.

— Лос, не можете ли вы мне дать книгу Сина Темного? — спросил он вдруг.

— Нет, Алек, это запрещено выносить.

— Запрещено выносить в пределах планеты Вар. Но не на далекую, незнакомую Землю.

— И без того вы доставите на Землю чрезмерно много знаний...

— Но я хочу принести им мысли, Лос, — ответил человек. — Знания могут оказаться бесполезными. Ведь никто из нас не может с точностью утверждать, какие именно знания пригодятся земным людям. А вот мысли...

— Смотрите! — прервал его Дирак.

Они обернулись и посмотрели на черное небо. Почти в самом зените вспыхнуло облачко и быстро расплылось, словно фиолетовая медуза. Спустя несколько минут оно стало совсем прозрачным, сквозь него проступили неяркие звезды. Алек незаметно взглянул на Лоса; на его лице можно было прочесть странные, неподобающие ему мысли.

— Красиво, не правда ли? — тихо спросил Алек.

— Да, поистине, — ответил Лос.

Человек молча улыбнулся.

10

Они стояли на берегу озера Ин, неподалеку от серебристого корпуса ракеты. Поляна перед ракетой вся была синяя от бабочек. Снова звучала музыка, озеро волновалось как живое, ликующе шумели леса планеты Вар. Лос слушал перевод Дирака, он выглядел сосредоточенным и внимательным, но по выражению лица нельзя было понять, о чем он думает. Бабочки, как всегда, были необычайно возбуждены, волновались, как озеро, и ликовали, как леса. Только железное лицо Дирака было безучастным — он смотрел на ракету.

Наконец музыка кончилась, бабочки затрепетали нежными крыльями, и все вокруг снова заполнилось звуками, тихими и молящими. Но магнитофон молчал. Алек отдал его Дираку и спросил:

— Понравилось ли вам, Лос?

— Мне кажется, что вы меня понимаете, — задумчиво сказал президент.

— Правда, — улыбнулся человек. — Я понял, что иногда вы в самом деле печальны, Лос... Но никогда не чувствуете себя несчастливым.

Ничто не дрогнуло во взгляде Лоса.

— Но вот вы несчастливы, Алек! — ответил он. — Хотя у вас есть и сердце, и ум. Чего же вам не хватает?

— Я потерял близких, Лос.

— Но разве вы не вернетесь к ним?

— Не знаю. Мне кажется, это будут уже чужие люди.

Лос помолчал.

— Вы как Син, — сказал он. — Как Син Темный. Я принес вам его книгу.

Лос остался на берегу. Ракета медленно заскользила по воде, потом все быстрей и быстрей, мягкие волны плескались у его ног. Наступил момент, когда она взлетела и серебряной стрелой вонзилась в синюю плоть неба. Мгновение — и перед ними снова распростерлась величественная и страшная пустыня звезд и мрака.

ОДНАЖДЫ ОСЕННИМ ДНЕМ НА ШОССЕ

Белый стул был без спинки, и я почувствовал, что дрожу от напряжения. Я пробыл здесь уже почти час, и за все это время он ни разу не пошевелился на своем тесном ложе. Может быть, поэтому простыня была совершенно несмятой, как если бы под ней лежал не человек, а покойник.

— Нет смысла, — сказал он утомленно. — Ни малейшего смысла во всей этой истории...

Я хотел возразить ему, но почувствовал, что мне просто не справиться. Он немного помолчал, а затем снова заговорил, без всякой связи с предыдущим:

— Все, что мы называли субъективной жизнью, все это, в сущности, нечто нереальное... Как, например, нереальны облака, отражающиеся на глади озера. Когда ветер поднимет зыбь и отражение исчезнет, это ведь не значит, что исчезли и сами облака... Все, что в тот миг произошло на поверхности озера, смерть без смысла и значения...

— И все-таки надо жить, — возразил я машинально.

— Зачем?

— Потому что это естественно...

— Очевидно, ты прав, — сказал он неуверенно. — Естественно, но безрадостно. Появляешься из ничего, существуешь и снова превращаешься в ничто. Другое дело,

конечно, если достигнешь какой-то цели, в которой заключается весь смысл твоей жизни...

Я молчал. В комнате, большой, светлой, незаметно стемнело, откуда-то донесся далекий гул. Только его лицо оставалось все таким же белым, с чистыми, гладко выбритыми щеками и вздрагивающими рыжеватыми ресницами. Он перевел взгляд на окно и тихо сказал:

— Будет гроза, тебе надо ехать...

— Ничего, — ответил я. — У меня машина, ничего...

— Нет, ты иди... На шоссе будет скользко, это опасно...

Действительно, оставаться здесь дальше не было смысла. Я чувствовал, как начинает рушиться даже то немногое, что мне с таким трудом удалось укрепить в нем. Я встал и бодро протянул ему руку, но он вяло улыбнулся и не подал своей.

— Иди, иди!

Доктора Веселинова я еще застал в кабинете; он сидел, склонившись над рентгеновскими снимками. Один из снимков, который он держал в руках, неизвестно почему напомнил мне далекую, рассеянную в черном мраке галактику.

— Ну как, по-вашему, ему лучше? — спросил он, не поворачивая головы.

— Мне кажется, лучше, — ответил я.

— Необходимо все-таки ему внушить... Без операции я не гарантирую, что он вообще выживет.

— Да, понятно, — сказал я.

Доктор наконец оторвался от снимков и поднял на меня странные глаза оливкового цвета.

— Теперь остается рассчитывать только на вас, на ваше влияние. Его душевные силы на исходе...

У меня заболела голова — от волнения и больничных запахов. Когда я вышел на улицу, над горами действительно висели черные грозовые тучи, но в ту минуту я не обратил на них внимания. Нервные маленькие смерчи крутились по асфальту двора и разбивались в прах о мою машину. Едва я тронулся, как по стеклу застучали первые капли, крупные и стремительные, словно пули. Лишь тут мелькнула у меня мысль, что шины уже очень изношены. Но я особенно не встревожился — после такого тяжкого дня я чувствовал себя совершенно опустошенным. Дал задний ход, выбрался на дорогу и потащился неспешно в гору, не прибавляя скорости.

Буря застала меня уже на первых километрах. Это была, очевидно, одна из запоздавших сентябрьских бурь, но разразилась она с достойным грохотом и треском. Смотровое стекло заливали такие потоки воды, что пришлось остановиться. Я осторожно отвел машину на обочину и выключил мотор. Дождь лил с прежней силой, громовые разряды следовали непрерывно, один за другим. В Искырском ущелье я попал однажды в такую же грозу, и мне это даже понравилось. Все же на этот раз я хорошо сделал, что остановился: по асфальту, словно река, неслась черная мятежная вода, в которой время от времени отражались мертвенные отблески молний. Рядом, почти сразу же за асфальтом, ничем от него не отделенная, тянулась дышащая испарениями пропасть. Со своего места я не видел, насколько она глубока, но можно было не сомневаться, что моя машина, окажись она на дне, выглядела бы детской игрушкой.

Я приоткрыл боковое стекло и пересел подальше от руля, чтобы брызги не летели в лицо. Потом закурил сигарету и откинулся на сиденье. Чувствовал я себя скверно, мысль о смерти не оставляла меня. Я готов был примириться с ней, вот что самое страшное. Хотя трудно было понять, что значит примириться с мыслью о смерти — ведь никто живой не может ощутить саму смерть!

От моего костюма все еще исходил больничный запах и действовал мне на нервы. А что станет, если я вдруг двинусь прямо, к самой пропасти? Каждый назвал бы это безумством. Но в таком случае разве не безумство все, что мы совершаем в своей жизни? Вот о чем, может быть, размышляет в душе мой друг. По спине у меня пробежала легкая дрожь, и я торопливо поднял стекло.

Гроза как будто стала утихать. Дождь, мутный, серый, еще шел, но уже ослаб, его сносило ветром. Я снова включил мотор. Видимо, где-то далеко на западе в плотном слое облаков приоткрылось оконце, потому что на асфальте появились розоватые блики. Я снова двинулся по горной дороге, а затем постепенно стал прибавлять скорость. Я совсем позабыл про свои изношенные шины, колеса с приятным шелестом несли машину по влажному асфальту. Розовых отблесков становилось все больше, даже маленькие березовые рощицы, которые устроились на склонах гор, казались красными.

Я проехал, наверно, километра два, когда увидел на дороге человека. Заметил я его еще издали, он появился

откуда-то слева; брел, слегка горбясь, один в этом пустынном месте, и от всей его фигуры веяло унынием.

Пока я смотрел на него со спины, он казался мне человеком пожилым, даже старым. Сухощавый, плечи опущены, в морщинистой шее чувствовалось напряжение, как у вола, который терпеливо тянет куда-то свою повозку. Подъехав ближе, я увидел, что на нем изношенные штаны и грубая брезентовая куртка. Замызганный полупустой рюкзак болтался у него за плечами, словно незрелая, сбитая ветром груша. Я уже совсем проехал мимо, когда вдруг неожиданно для себя остановился. Раньше я часто брал в машину случайных попутчиков, но давно уже этого не делал — то ли стал равнодушнее, то ли просто обленился. Но тут все же затормозил. Колеса пробуксовали, однако снова я не придал этому никакого значения. Открыв дверцу, я посмотрел назад на старика. В сущности, стариком его назвать было нельзя — ему, наверно, не было и шестидесяти, хотя лицо действительно изборождено морщинами, с грубой, обветренной кожей, какая бывает у заядлых грибников, шатающихся по здешним лесам.

Человек мимолетно взглянул на меня, но продолжал свой путь, очевидно, не предполагая, что я остановился ради него. У меня мелькнула мысль, что он совсем не промок, видно, успел где-то укрыться от дождя.

— Садитесь, — сказал я. — Если, конечно, нам по пути...

Он с сожалением взглянул на свои грязные ботинки.

— Я вам тут наслежу...

— Ничего, садитесь...

Человек, явно колеблясь, подошел к машине. Я открыл заднюю дверцу, он сел, и опять я про себя отметил, что его просторная куртка почти сухая.

— Спасибо, — сказал он негромко.

Однако рюкзака не снял, может быть, опасался, что, когда выйдет из машины, забудет свои грибы. А может, вообще не привык ездить в машине...

— Куда держите путь? — спросил я от нечего делать.

Человек ответил не сразу:

— Да так, иду просто... Куда ветер дует...

Слова были простые, обычные, но голос его удивил меня. Такой хорошо поставленный, звучный голос мог принадлежать, скажем, бывшему учителю гимназии.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Я еду до Владо Тричкова...

— Да, я знаю, — проговорил он. — У вас там дача.

— Извините, может быть, мы с вами знакомы? У меня, к сожалению, неважная память на лица.

— Нет, нет, вы меня не встречали, — ответил он. — А я однажды видел вас, вы стреляли из духового ружья...

Я вспомнил об этом случае с досадой и странным ощущением вины. Действительно, года два назад я купил такое ружье для сына, но решил попробовать игрушку, и кончилось тем, что я перебил воробьев во всей округе.

— Да, правда, — пробормотал я недовольно. — Словно бес в меня какой вселился...

— Одна из страстей, которая исчезнет у людей в последнюю очередь, — обронил он негромко.

— Какая страсть?

— Да вот эта — убивать.

Голос его прозвучал мягко, в нем не слышалось никакого упрека.

— Ну, не все можно называть убийством, — возразил я обиженно. — Ведь это же охота.

— Ну да, охота, — согласился он. — Но в конечном счете гибнет живое существо...

Я обернулся и взглянул на него. Он показался мне усталым и грустным; сидел, рассеянно устремив взгляд куда-то сквозь стекло.

— Вы случайно не вегетарианец? — задал я дурацкий вопрос.

— Нет, — ответил он. — Не вижу в этом никакого смысла. Несколько лет назад, например, когда конь становился старым и не мог работать, его сдавали на бойню. И все же в стране было много лошадей. Теперь их сменили трактора... Что от этого выиграли лошади? Разумеется, ничего. Может быть, лет этак через двадцать кони останутся только в зоопарках...

— К сожалению, это так, — подтвердил я.

— Действительно, к сожалению... Блага, которые дает нам природа, оценить по достоинству бесконечно трудно.

Было очень неожиданным и удивительным услышать подобные мысли от такого простоватого на вид человека. И мне показалось странным, что я до сих пор ничего о нем не знал и не слышал. Если он здешний, то не мог

же он оставаться никем не замеченный. Во всяком случае, в нем было что-то загадочное.

— Вы живете где-то поблизости?

— Нет, не совсем, — ответил он уклончиво.

— Мне подумалось, что вы шли от какого-то дома...

— Почему?

— Ваша одежда была почти сухой, когда я остановил машину.

— Ах да, я и забыл, что вы интересуетесь криминалистикой, — ответил он шутливо.

Это было уже чересчур! Я снова обернулся к нему, и наши взгляды скрестились. Ни у кого не встречал я столь проницательного и твердого взгляда.

И вдруг что-то мелькнуло в этих глазах.

— Осторожнее! — воскликнул он.

Но в голосе его не слышалось испуга, и я не затормозил. Только в следующее мгновение стало ясно, что машину заносит. Я быстро повернулся, взглянул, что там впереди, но машина уже начала скользить вниз по длинному и крутому склону, который терялся где-то за поворотом. Теперь машина летела вниз, уже совершенно неуправляемая. Я даже не успел ничего предпринять. И ранее случалось мне впадать в полное оцепенение, как теперь; я просто бездумно держал руль и не ощущал ничего — ни ужаса, ни отчаяния. Осознавал только, что машина сорвалась и летит в пропасть.

Именно летит — это, пожалуй, самое точное слово. Я помню, что не успел даже зажмуриться в предчувствии страшного удара. И вдруг с изумлением заметил, что машина плавно, как птица, проносится над бездной, вместо того чтобы рухнуть вниз. Я только придерживал руль, машина развернулась сама, и колеса легко, почти без толчка, коснулись асфальта.

С минуту я сидел словно в трансе. Первой моей мыслью было, что все это происходит во сне. Но нет, на сон не похоже. Я хорошо помню все, четко вижу мокрые листья и грязь на асфальте, ручеек, стекающий по изборожденному дождевыми потоками обрыву. Вижу птиц, усевшихся на телефонных проводах, совершенно ясно слышу пыхтенье паровоза, ползущего где-то в горах. Но яснее всего вижу бездну справа от себя, с ее резкой глубиной, мутную, взбаламученную бурей реку. Не сон, но, может быть, галлюцинация? Правда, галлюцинациям

я не подвержен, тем более будучи в трезвом уме и здравой памяти.

Я совсем позабыл о человеке, сидевшем сзади. Неожиданно раздался его голос, по-прежнему ровный и негромкий:

— Не стоит так уж изумляться. Все, что произошло, — факт реальный и вполне естественный.

Я вздрогнул и обернулся. Он спокойно сидел на своем месте, словно бы ничего и не случилось.

— То есть как реальный?

— Абсолютно реальный! — ответил он серьезно. — Вы человек культурный, вы же знаете, как называется это явление.

— В том-то и дело, что такого явления не существует, — ответил я, все еще не вполне придя в себя. — Во всяком случае, ни один человек на свете этого не видел...

— Не стоит утверждать так безапелляционно... Разве вы ничего не слышали о левитации?

— Слышал, разумеется; но ведь это же какой-то факирский фокус... И кроме того, подобный фокус вряд ли можно проделать с легковой машиной.

Незнакомец улыбнулся.

— Да, с машиной несколько труднее... Но принцип тот же.

— Не хотите ли вы сказать, что знаете и умеете применять законы антигравитации?

— Да, что-то в этом роде...

— Но для этого нужен какой-то мощный источник энергии? — усомнился я.

— Понятие об энергии отнюдь не исчерпывается тем, что знают о ней люди...

Знают люди? Что он хочет этим сказать? Разве он не человек? Но какое бы значение ни крылось в словах, факт оставался фактом. Перед моими глазами все еще стоял грязный след от колес, оборвавшийся почти у самого края пропасти. И вместо того, чтобы лежать где-то там внизу со своей вдребезги разбитой машиной, я мирно сидел за рулем в нескольких метрах от возможной катастрофы. Я человек без предрассудков, я готов признать, что существует даже дьявол, но только в том случае, если увижу его собственными глазами. А человек на заднем сиденье мог быть похожим на кого угодно, только не на дьявола.

— Вы сделали это ради меня? — продолжал я задавать вопросы.

— Не совсем так... Ведь вы по моей вине чуть не попали в беду. Если бы я не сел в машину, этого бы не случилось. — Он откинулся назад и прибавил: — Ну поехали.

Я молча включил мотор и только теперь припомнил, что не выключал его. Я вел машину на небольшой скорости, руки у меня все еще слегка дрожали. Когда мы проехали сотню-другую метров, я снова подал голос:

— В сущности, каждый земной человек, кто бы он ни был, тайно верит в чудеса. И я только сейчас ясно осознал, почему. Потому что он никак не может примириться с мыслью о смерти.

— Вот уж что нельзя назвать чудом, — возразил он, — а также каким-то особенным благом. Бессмертие сознания не является проблемой в существующей и возможной жизни. Проблема совсем в другом...

— В чем именно?

— Много хотите знать, — шутливо сказал он. — Вообще проблема заключается в самом существовании...

— А вы земной человек? — спросил я внезапно.

Он промолчал.

— Интересно бы услышать ваше мнение...

— Мне это представляется совершенно невероятным, — ответил я. — То, что вы уже умеете, люди, наверно, смогут делать только спустя сотни лет...

— Оптимизм хорошая вещь, — сказал он. — И все же я не верю, что это будет так скоро.

— Отсюда следует, что вы посланец некой внеземной цивилизации?

— Вы мыслите логично! — ответил он.

— А разве это неверно?

— Доверяйте своей логике...

— А почему вы не отвечаете мне прямо?

— Очень просто, — сказал он. — Я обязан хотя бы формально придерживаться инструкций, которые мне даны.

— Ясно, — кивнул я.

Некоторое время мы ехали молча, но мысль моя продолжала напряженно работать. Любопытно все же, как легко, как быстро свыкается человек с самыми необычайными явлениями, стоит только ему однажды поверить в

них. Я, кажется, действительно поверил, хотя разум мой все еще сопротивлялся.

Дождь перестал, и впервые с тех пор, как началась гроза, мимо проехали два грузовика. Это словно бы придало мне храбрости, и я спросил осторожно:

— Куда же вы направляетесь?

— Я уже сказал — просто так, путешествую...

— Тогда, может быть, заедете ко мне?

— А почему нет? — ответил он. — Такому человеку, как я, некуда спешить...

Мы были уже недалеко от Владо Тричкова. Навстречу попадались люди, по обочине босой мальчишка тянул на короткой веревке большую белую козу. Как всегда, перед кафе стояло несколько грузовиков, из открытых окон слышался обычный гомон. Я свернул с шоссе на узкую ухабистую дорогу, и она привела нас к даче.

— Приехали! — проговорил я, вздохнув с облегчением.

Мы вылезли из машины и пошли по дорожке. У ворот я нарочно пропустил его первым. Мы шли вдвоем под нависшими ветвями деревьев, задевая влажную листву. Крупные дождевые черви, розовые, отмытые дождем, ползали повсюду, и я заметил, как он осторожно переступал через них. Господи, совсем обыкновенный человек. Все в нем было очень земным, очень будничным — стоптанные ботинки, брюки, уже изрядно поношенные, даже рюкзак, в котором он, наверно, прячет свои удивительные сокровища. Да мне бы и во сне никогда не приснилось, что я встречу такого представителя звездных миров!

В холле он снял рюкзак, я предложил ему мягкое кресло, а сам расположился напротив. В ту минуту я не чувствовал ни смущения, ни беспокойства, ни даже особой почтительности — словно бы ко мне в гости зашел один из старых друзей. Теперь я мог смотреть ему прямо в лицо, но это ничего не прибавило — и лицо было самым обыкновенным. Он выглядел человеком из плоти и крови — от седых волос в бороде до рыжеватых выгоревших ресниц.

Неожиданно меня охватило неприятное чувство, что я стал жертвой какой-то мистификации.

— Что-нибудь выпьете? — спросил я.

— Стакан томатного сока, если можно, — ответил он спокойно.

Томатный сок и правда был в холодильнике.

— Добавить немного водки?

— Нет, только сок...

— Вы знаете, что еще есть в холодильнике?

— Да, набит основательно, — шутливо отозвался он. — И кроме всего прочего, там блюдо мелкой жареной рыбы.

Это было верно. Несколько дней назад я наловил рыбы в верховьях Искыра. Я сам ее жарил, но поесть еще не успел.

— Кстати, — сказал я обрадованно, — хотите достану?

— Нет, нет, спасибо, я не голоден...

— В конце концов, ведь вы, в точности как я, из плоти и крови... И, конечно, можете испытывать голод...

— Не совсем верно, — возразил он. — Тот, кого вы видите перед собой, скорее великолепная имитация...

— Как это понять?

— Вот так!

Он сосредоточился на миг, потом вдруг взмахнул рукой и ребром ладони ударил по круглому столику, разделявшему нас. Но вместо того чтобы стукнуться о стол, рука прошла сквозь твердый материал, словно была бесплотной. Я был поражен. Неизвестно почему, это произвело на меня даже более сильное впечатление, чем фантастический полет моей машины над бездной.

— Теперь вы видите, сколь странными свойствами может обладать материя, — по-прежнему шутливо заметил он. — Не правда ли, с ней можно сделать все, что угодно...

— Я где-то читал, — пробормотал я в изумлении, — что просто... это абсолютно невозможно...

— И я тоже об этом читал, — усмехнулся он. — Для вас действительно невозможно. Так же как и наши возможности не безграничны. Но во вселенной возможно все. Невозможно только, разумеется, создавать субстанцию. Она существует, и этим все исчерпывается.

Я молчал — не мог собраться с мыслями.

— Ну а как насчет вашего томатного сока? — спросил он.

Я встал и так же молча пошел на кухню, открыл холодильник. Прежде всего мне бросилось в глаза блюдо с рыбой. Я взял две жестяные банки томатного сока, два чистых стакана и вернулся в холл. Незнакомец сидел

за столом все в той же позе и задумчиво смотрел в широкое окно. Пока я открывал банки с соком, он не произнес ни слова, и у меня было такое чувство, будто его вообще нет в этой комнате. Наконец я разлил сок и взял свой стакан.

— Давайте чокнемся! Хотя бы и томатным соком...

— Давайте чокнемся, — согласился он.

Стекло звякнуло, он поднес свой стакан к пересохшим губам. И как мне показалось, выпил с удовольствием.

— Позвольте задать вам еще один не слишком тактичный вопрос, — сказал я. — Насколько я понимаю, вы здесь, на Земле, не для того, чтобы своими знаниями помочь развитию нашей цивилизации. Тогда ради чего? Контролируете?

— Нет, конечно. Контролировать вас или помогать вам — значит вмешиваться в вашу жизнь. А мы никогда этого не будем делать. Я здесь в качестве обыкновенного наблюдателя от нашей цивилизации и беспристрастного информатора...

Не знаю почему, но это сообщение меня не удивило.

— Так я и думал, — пробормотал я.

Он с любопытством взглянул на меня:

— А именно?

— Логика очень простая, — ответил я. — Бесконечность вселенной предполагает неисчислимое множество форм материи. И разумеется, нельзя утверждать, что только здесь, на нашей маленькой планете, существует та единственная форма, которую именуют человеческим сознанием. По-моему, это абсурдно.

Он чуть заметно улыбнулся.

— Разве не так? — удивился я.

— Продолжайте, продолжайте...

— Итак, наша цивилизация существует всего несколько тысяч лет, и все же это единая развитая цивилизация. Скоро нога человека вступит и на другие планеты. А если бы она существовала несколько миллионов лет? Логика подсказывает вероятность существования во вселенной еще более развитой, могучей цивилизации; очевидно, для нее не представляло бы особой проблемы узнать о нас и войти в контакт с нами. Я не раз сам себе задавал вопрос, почему этого не происходит, почему так изолирована и одинока наша маленькая планета.

— Но я мог бы вам возразить, что время и пространство реально существуют, — ответил он спокойно. — И что масштабы, по которым живет ваша цивилизация, несоизмеримы с масштабами времени и пространства в нашей Галактике.

— Нет, такое утверждение представляется мне абсурдным, — сказал я. — Мне трудно поверить, что даже скорость света — предельная скорость, с которой мы можем передвигаться в пространстве. Все эти понятия крайне относительны. Абсолютна сама субстанция. И глубокое проникновение в ее сущность, наверно, откроет много возможностей для непосредственных контактов и обмена информацией. Тогда почему их нет? Очевидно, потому, что это не нужно и лишено смысла.

Я замолчал и посмотрел на него выжидающе.

Он тоже молчал и медленно, словно машинально покачивал головой.

— Следует признать, что ваши рассуждения отнюдь не лишены логики, — ответил он наконец. — И несмотря на это, они весьма произвольны. Приведу один простой пример. Если, как вы говорите, возможны любые комбинации материи, то разве нельзя предположить, что существует и такая комбинация — одна Галактика с одной человеческой цивилизацией?

— Почему же нет? — спросил я легкомысленно.

— Но тогда рушится ваша теория о непременных контактах.

Да, конечно, он был прав.

— И кроме того, — продолжал незнакомец, — не стоит приписывать всякому сознанию те качества, которые свойственны сознанию земного человека. Ведь возможно и такое сознание, которое отличается от вашего, и вы просто не заметите его, не обратите внимания. Или оно заметит вас, но окажется, что вы не находитесь в сфере его интересов. Разве вы замечаете муравьев, ползающих по вашему саду, хотя знаете, что это живые существа? И вы не стремитесь ведь чем-то помочь им?

— Но они же не разумные существа!

— А кто вам сказал? Может быть, это не столько абсолютно точный факт, сколько ваше о них представление? И, может быть, все совершенно не совпадает с вашей точкой зрения на то, что вы, люди, называете развитием? Кроме того, вы говорите о сознании вообще, в космическом масштабе, и не умеете отметить хотя бы од-

но постоянное и характерное его качество. Можно допустить, например, что самым существенным качеством сознания является недолговечность. Или самоуничтожение на определенном этапе развития. Тогда отпадает и ваш основной тезис о бескрайнем его совершенствовании на протяжении огромного периода времени.

— Да, вы правы, — ответил я смущенно. — Хотя сам факт вашего присутствия не говорит в пользу таких доводов.

— Я говорил сейчас не о фактах, а о вашей логике.

— Тогда я предпочел бы, чтобы мы поговорили о конкретных фактах.

Он снова покачал головой.

— К сожалению, конкретные факты мы с вами не будем обсуждать.

— Но почему? — спросил я с досадой.

— Я мог бы, конечно, вам объяснить... Но нужно, чтобы вы сами добыли свои знания. И своими собственными усилиями изменяли жизнь... Как вы не можете усвоить, что именно в этом смысл существования земного человека?

Голос у него был тихий, но глубокий, с каким-то странным тембром, и впервые мне пришла в голову мысль, что это не совсем человеческий голос.

— Вероятно, вы правы, — ответил я. — То, что вы сказали, я понимаю, но не могу вникнуть в сущность вашей нравственности. Ведь вот вы живете среди нас, видите страдания, ложь, насилие, видите, как, беспомощные, отчаявшиеся, бьемся мы иногда в заколдованном круге невежества. И в то же время хорошо знаете, как помочь укрепиться всему доброму и справедливому. Но не вмешиваетесь. Не искажает ли это смысл вашего существования?

Он взглянул на меня как-то особенно.

— Тогда вообразите себе, что в нашей нравственности намного больше разума, чем чувства.

— Трудно мне это понять, — сказал я. — Ваша цивилизация более совершенна, чем наша; значит ваша нравственность должна быть выше. И, вероятно, у вас вызывают ужас некоторые явления, с которыми мы свыклись. Войны, например. Представьте себе, что завтра перед нашим человечеством встанет угроза ядерного самоуничтожения. Неужели вы даже этому не помешаете?

— Нет, конечно, — твердо сказал он. — Вы обязаны

сами найти выход из кризиса. Если мы вам помешаем, вы не приобретете иммунитета и впоследствии погибнете от еще более страшной катастрофы.

— Да, вывод логичный! И тем не менее я не могу его принять. Почему вы не можете избавить нас от мук, в которых мы сами не повинны? Спасите хотя бы от рака... Или от туберкулеза.

— Ведь я уже объяснил вам, — ответил он, слегка нахмурясь. — Те, кто умнее меня, решили, как следует поступать, и я не имею права ничего изменить.

Внезапно мне пришла на ум спасительная мысль:

— Тогда помогите хотя бы моему другу. Согласитесь, что один-единственный случай вмешательства не изменит исторического пути развития человеческого общества.

Он молча откинулся назад. И мне показалось, что в тот момент он заколебался.

— Нет, я не имею права! — сказал он, опять нахмурившись.

— А почему же вы помогли мне? Почему избавили меня от смерти?

— Тогда я подумал, что это несчастье случилось по моей вине. А я не имею права быть виновным.

Меня вдруг охватило чувство безнадежности, и я замолчал. Молчали мы оба. На улице уже стемнело, но в комнате было все так же светло, как днем. Странно, в ту минуту на меня это не произвело особенного впечатления.

— И все-таки вы будете соучастником в наших делах, — сказал я. — Я опишу все, что сегодня случилось.

— Ну, это не проблема, — усмехнулся он. — Я в одно мгновение мог бы стереть в вашем мозгу все, что вы собираетесь запомнить.

— И вы действительно это сделаете?

— Да нет, конечно... Пишите что хотите. Все равно никто вам не поверит...

— Не поверят отдельному случаю, возможно, но поверят истинам, которые я выскажу.

— Эти истины давно известны людям, — ответил он. — Я не открыл вам никакой Америки.

Это были его последние слова, которые я помню. Проснулся я на рассвете одетый, в том же кресле, где сидел накануне вечером. Вернее, там, где меня усыпили. Незнакомец прикрыл меня легким одеялом и, разумеется, исчез.

Нет, я помнил все, он не посягнул на мою память. Я встал и открыл окно. Солнце еще не показалось из-за горной вершины, но весь двор передо мной был залит нежным светом. В глубине двора, словно маленькие планеты, белели хризантемы. Так тихо было, ни один лист не шелохнулся на деревьях. Бисеринки росы едва заметно переливались разными цветами. Не знаю, в каком мире живет он, но наш мир действительно прекрасен. И может быть, в его одиноких скитаниях это было единственной ему наградой?

Несколько дней я жил словно во сне. Естественно, я работал, но все, что ложилось на бумагу, казалось мне вялым и пресным, как трава. Потом я бросил работу и принялся читать. Но и это не помогало. Наконец воскресным днем я завел машину и осторожно спустился вниз по узкой проселочной дороге. Выбравшись на шоссе, я свернул налево по направлению к санаторию, хотя как будто и не думал туда ехать. Чем быстрее сокращалось расстояние, тем сильнее росла в душе тревога, и я чувствовал, как у меня начинают дрожать колени. Но несмотря на это, я все прибавлял скорость; машина неслась по шоссе на своих лысых, стершихся шинах. Вскоре я увидел место, где едва не произошла катастрофа, но не остановился. Я просто сгорал от какого-то внутреннего нетерпения.

Даже не помню, как добрался я наконец до санатория. Постучал в белую дверь кабинета доктора Веселинова и вошел, не ожидая приглашения. Врач сидел на своем обычном месте, разглядывая рентгеновские снимки. Он посмотрел на меня, на лице его было написано изумление:

— Это просто невероятно! — сказал он вдруг осипшим голосом.

Я почувствовал, как огромное облегчение, словно чужая горячая кровь, растеклось по моим жилам.

— Невероятно? А что именно?

— Ваш друг выздоровел.

— Как это выздоровел? — Я лицемерно изобразил удивление.

— А вот так. По-настоящему, абсолютно выздоровел. Вот его снимки — словно бы он никогда и не болел. Его легкие полностью обновились.

Я не стал смотреть снимки, мне незачем было их смотреть.

— Не может быть! — сказал я. — Наверно, просто перепутали снимки.

— Как то есть «не может быть»? — ответил он раздраженно. — Это факт! Перед вами уже вторые снимки, все было сделано под моим личным контролем.

Я счел благоразумным промолчать. Во взгляде доктора по-прежнему сквозило недоумение, он глуповато хлопал выгоревшими ресницами.

— Я сделаю завтра научное сообщение! — воскликнул он. — Мои коллеги будут потрясены!

— Не стоит делать никакого сообщения, — усмехнулся я.

— Почему? — удивился он.

— Потому что это невозможно обосновать научно. Вы просто сообщите об одном факте, которому не сможете дать научного объяснения.

Он нахмурился, но промолчал.

— И во-вторых, что очень важно, поймите, вам никто не поверит.

— Ну почему не поверят? — вспылил он. — Ведь есть же снимки!

— Снимки, снимки... Чепуха! Вы ведь видели по крайней мере двадцать снимков «летающих блюдцев», но не поверили?

— Да, но... существует этот выздоровевший человек...

— Смею утверждать, что и это вам не поможет...

— Вы что, не верите? — спросил он резко.

— Я-то, конечно, верю. Но другие не поверят. Вы научный работник, разве вы сами не понимаете? Это невозможно. Все ваши коллеги подумают, что вы или сумасшедший, или мошенник. Второе представится более вероятным, но и более печальным.

Теперь он перестал моргать, как будто протрезвел. Незаметно, молча наблюдал я, как мучительно он размышляет, его здоровый, свежий ум просто разрывался там, в черепной коробке!

— А знаете что, ведь вы совершенно правы, — наконец произнес он с облегчением. — Конечно же, единственный факт это еще не доказательство...

— А где он?

— Кто? — спросил он рассеянно.

— Мой друг.

— Встал, естественно. Понемногу гуляет в парке.

Всего несколько шагов отделяли меня от раскрытого

окна. Я сразу же увидел его — он стоял возле декоративного куста и держал в руках что-то белое, похожее издали на птичье яйцо. Он рассматривал предмет сосредоточенно, время от времени проводя по нему ногтем.

— Что ты там делаешь? — окликнул я его.

Он вздрогнул и обернулся. Лицо его неузнаваемо изменилось, оно не было похоже на лицо того человека, которого я навещал несколько дней назад.

— Ничего, — ответил он смущенно.

— А что ты держишь в руке?

— Улитку...

— Сейчас же положи ее обратно, — сказал я раздраженно. — Слышишь?

— Почему?

— Потому что я тебе это говорю!.. Идем, быстро!

Он не стал спорить, повернулся и начал бережно устраивать улитку на веточке. Но когда он отнял руку, она сорвалась и упала. Он нагнулся и поднял ее с земли.

АНТОН ДОНЕВ,

болгарский писатель

•

АЛМАЗНЫЙ ДЫМ

1

Согласно статистике, индивидуумы с одними и теми же качествами повторяются через каждые шесть поколений.

Статистика никогда не лгала, не солгала и на этот раз. Шерлок Холмс, правнук гениального детектива, снова встретился с доктором Ватсоном, правнуком бывшего военного врача. И хотя отец нынешнего Шерлока Холмса занимался производством синтетической колбасы, а отец нынешнего Ватсона специализировался по биофотографии, хотя деды обоих друзей увлекались соответственно микрокибернетикой и макробиологией, сейчас друзья сидели в уютной комнате и беседовали совершенно так же, как их предки несколько веков назад.

Но предоставим, как всегда, слово доктору Ватсону.

2

В камине нашей уютной холостяцкой квартиры на Бэкерстрит, 211-Б горел приятный синтетический огонь. На экране внешнего обзора виднелся неприятный желтоватый лондонский туман, заказанный Холмсом специаль-

но для этого вечера. Иногда сквозь дождь пролетали, жужжа, вертолеты. Несколько атомных микросолнц едва проглядывали в тумане типа «Л-14».

— Так вот, дорогой Ватсон, — говорил мой приятель, окутавшись ароматным дымом смеси из табака, петрушки и тимьяна, составленной согласно его последнему рецепту. — Очень часто самые запутанные тайны оказываются самыми скучными, а самые скучные случаи могут развиваться в события межпланетного масштаба. Такова, например, история с кривым когтем королевского динозавра, или, скажем, с похищением электронного счетчика, или невероятный случай с человеком, укравшим двенадцатибалльный ветер... Начинается так, а кончается совсем иначе. Как правильно заметил старик Гёте в своем третьем томе, страница 241, строка третья снизу: «Где стукнешь, а где трескается!» — Холмс подал мне магнитофонную катушку и добавил: — Сегодня утром я получил странное письмо. Поставьте его, я хочу прослушать еще раз.

Я вставил ленту в магнитофон, и оттуда раздался хрипловатый голос:

«Мистер Холмс, очень прошу вас уделить мне немного вашего драгоценного времени. Я нахожусь в очень тяжелом положении. Буду у вас сегодня вечером, в одиннадцать тридцать. Джозеф Килиманджаро».

— Итак, дорогой Ватсон, что вы об этом скажете?

— У этого несчастного ларингит! — вскричал я, радуясь, что могу проявить наблюдательность.

— Конечно, ларингит. Кто бродит так долго по спутникам Сатурна, тот обязательно его подхватит. Вы знаете, какие там азотные сквозняки.

— Вы с ним знакомы?

— О нет, но я заметил, как он удлиняет паузы после запятых. А это характерно для постоянных обитателей колец Сатурна. Но не будем гадать. Кажется, наш гость уже явился.

Действительно, за окном, музыкально жужжа, повис сине-черный вертолет. Холмс уплотнил воздух у камина, чтобы гость мог расположиться в тепле, потом открыл окно и приветливо пригласил его войти.

— Простите, что я вхожу таким необычным путем, — заговорил новоприбывший, — но боюсь, что за мною следят...

— Ничего, — успокоил его Холмс, подходя к ками-

ну. — Мы с моим другом и помощником, доктором Ватсоном, привыкли и к более странным явлениям.

Скафандр у нашего гостя был старомодный. У пояса висел лазерный пистолет калибра 7,65, а кислородный прибор был небрежно заброшен за спину.

— Мистер Холмс, меня зовут Джозеф Килиманджаро...

— Знаю, — прервал его мой гениальный друг. — Кроме того, вы занимаетесь астрохимией, прилетели прямо из системы Сатурна, но останавливались на Венере, где совершили прогулку по резервату в Новом Нью-Орлеане.

— Но откуда... — изумленно начал новоприбывший.

— Очень просто. Насчет Сатурна я уже объяснил моему другу. О том, что вы были на Венере и гуляли по парку, я догадался, увидев перышко венерианской ласточки на левом отвороте вашего скафандра. Этот же отворот говорит мне, что рост вашей приятельницы шесть футов три дюйма и что у нее старомодные понятия.

— Мистер Холмс! — Килиманджаро вскочил с места. — Я подозреваю, что вы читали Конан-Дойля!

— Случалось, сэр, но это не имеет ничего общего с моим дедуктивным методом. На вашем отвороте есть следы губной помады. Если прибавить сюда еще фут, то получится рост вашей приятельницы. А следы помады свидетельствуют о том, что она придерживается старомодных привычек: она красит губы, вместо того чтобы менять их цвет каждую неделю, как полагается всякой современной венерианке... Но перейдем к делу. Расскажите мне свою интересную историю.

Джозеф Килиманджаро тяжело вздохнул и заговорил:

— В сущности, мне нечего вам рассказать...

— Это уже много. Простите, что перебил вас.

— Я родился в...

— Это я уже знаю из своей видеотеки. Знаю также, что ваш отец полетел к Облакам Магеллана и еще не вернулся, что ваша мать самозаморозилась, ожидая его возвращения, и что ваш дядя пристрастился к курению горького перца. Простите, я опять перебил вас. Расскажите о последних событиях.

— Позавчера я, как обычно, прибыл в лабораторию около 8 часов по сатурнианскому времени. Перед этим

прошел небольшой метеоритный дождь, вокруг было сыровато. Что-то предостерегающе кольнуло меня в левое колено. А когда меня колет в колено, то либо разыграется астроревматизм, либо произойдет несчастье. С бьющимся сердцем я быстро вошел в лабораторию и увидел...

— Что увидели? — быстро спросил Холмс.

— Замирая от ужаса, я осмотрел лабораторию, но не нашел в ней ничего необычного.

— Ага. Тайна разъясняется. Скажите, пожалуйста, а кто еще там работает, кроме вас?

— У меня есть два робота типа «Зингер», кибераналитик типа «Считалка» и портативная ультрапишущая машинка «Континенталь».

— Ясно. Заметили ли вы какие-нибудь интимные отношения между кем-нибудь из роботов и пишущей машинкой?

— Что вы! Да они друг друга терпеть не могут! Мне приходится держать их в отдельных помещениях, так как рядом друг с другом они начинают ржаветь. Боюсь, мистер Холмс, что в колено меня кололо недаром. Мне угрожает какая-то неизвестная опасность!

Холмс встал и потер руки.

— Все ясно, мистер Килиманджаро. Возвращайтесь спокойно к своей венерианской приятельнице, а завтра в это же время приходите сюда. К тому времени мы с моим другом Ватсоном сможем утешить вас.

Когда гость ушел, мы надели скафандры и отлетели с первым же планетолетом, отправлявшимся с вокзала Паддингтон прямо на Сатурн.

3

Лаборатория Килиманджаро была полна какого-то синеватого дыма. Холмс принюхался и кашлянул с довольным видом.

— Так я и ожидал. Дело проясняется. Ватсон, вы лучше всего поможете мне, если останетесь на месте и не оставите никаких следов. И помолчите в течение двенадцати часов и трех минут.

Мой друг достал портативный микроскоп и принялся ползать по полу, потолку и стенам (не забывайте, что мы были в состоянии невесомости!). После этого, не

говоря ни слова, направился к астродрому. Только через два часа, когда мы снова были в уютной комнате на Бэкер-стрит и закусывали пилюлями «яичница с ветчиной», он разразился своим веселым смехом.

4

— Приготовьте оружие, Ватсон. Вечер может оказаться развеселеньким, — сказал Холмс, и почти тотчас же за окном появился знакомый сине-черный вертолет.

Вскоре мистер Килиманджаро уже сидел у камина.

— Ну? — хрипловато спросил он.

— Все ясно, сэр, — произнес Холмс и вдруг выпрямился. — Но вам меня не обмануть. Не пытайтесь убежать — двери охраняются.

— Что это значит? — Килиманджаро вскочил.

— Это значит, «Зингер 12-А», что вы убийца. Вы арестованы именем межпланетного...

Холмс не договорил. Мистер Килиманджаро, а точнее — робот «Зингер 12-А» жалобно скрипнул и распался на мелкие детали. Гайки и винтики запрыгали по всему полу, а одна шестеренка закатилась под любимое кресло Холмса.

— Дело было ясно с самого начала, — приступил к объяснениям мой друг. — Самый факт, что не случилось ничего, подготовил меня к тому, что что-нибудь случится только сейчас. А оказалось, что, вопреки всем моим предположениям, оно уже случилось. Вступив в заговор с пишущей машинкой, «Зингер 12-А» убил достойного мистера Килиманджаро еще в прошлый понедельник, в десять тридцать по местному времени. Пользуясь имевшейся аппаратурой, он превратил свою жертву в кристаллики углерода, в тот, я сказал бы, алмазный дым, который мы нашли в лаборатории. А у меня, как вам известно, есть одна скромная монография о различных видах дымов и туманов... Робот и машинка находились в длительной и несчастной любовной связи. Несчастной потому, что Килиманджаро из ревности не позволял им часто бывать вместе. Это и явилось причиной дальнейших событий. Роботы ржавеют не от ненависти, а от взаимной любви. Вторым звеном в цепи был голос мнимого химика. Вы, дорогой Ватсон, ввели меня в заблуждение. Это был вовсе не ларингит, а всего лишь скрип давно несмазан-

ной дыхательно-речевой системы. Но я продолжу. Робот и машинка сговорились бежать вместе на Меркурий. Они рассчитывали собрать алмазный дым и использовать его там как валюту. Но робот сначала пытался замести следы. С помощью видеопластической установки, спрятанной у него под левой мышкой, он принял вид своей жертвы, побывал на Венере, повидался с приятельницей химика, чтобы проверить качество своего преображения, а потом явился ко мне, дабы создать себе алиби. Через два дня он исчез бы, и тогда ищи ветра в поле.

— Но все-таки откуда вы узнали все эти подробности?

— Часть открыл путем дедукции, а остальное вышептала мне сама пишущая машинка.

— Что такое? Машинка, сама замешанная в...?

— Чувство разочарования, Ватсон, чувство разочарования. Во-первых, ее «Зигнер 12-А» стал очень редко менять машинное масло, а она терпеть не могла прогорклого запаха. Во-вторых, его коллега «Зингер 12-Б» относится к более новому типу. В-третьих, после свершившегося преступления она испугалась... Эх, Ватсон, Ватсон, как плохо вы знаете женщин!

Холмс тихонько засмеялся и снова погрузился в размышления и табачный дым.

ФРИДЕШ КАРИНТИ,

венгерский писатель

СЫН СВОЕГО ВЕКА

Сегодня я снова предпринял небольшую прогулку в машине времени. На этот раз решил заглянуть в прошлое. Ровно в полдень я включил мотор и помчался в глубь веков со скоростью шесть месяцев в секунду; спустя четверть часа я уже был на месте.

Датометр показывал 8 февраля 1487 года.

Машина финишировала на придунайском холме — там же, откуда взяла старт.

Я оглянулся. Невдалеке плотники возводили мост под надзором солдат в железных латах. За Дунаем, в Буде, поблескивали кольчуги и длинноствольные ружья воинов, которые в походной колонне двигались к крепости.

Выпрыгнув из машины, я подошел к стражнику у моста.

— Скажите, пожалуйста, что там за армия? — вежливо спросил я.

— Протри свои очи, — ответил он выспренно. — То войско из Вышеграда под водительством славного Матиаша.

Ну разумеется, ведь сейчас здесь правит король Матиаш. Но почему он оставил свой Вышеград? Должно быть, тут что-то готовится?

— А зачем собралась такая армия? — продолжал я любопытствовать.

— Идем в поход на турок, — ответил воин.

Ого, значит, война! Это становится интересно. В моем мозгу мгновенно пронеслась уйма блестящих идей: стоит мне воспользоваться хоть малой толикой знаний, принесенных с собой из XX века, как я войду в историю величайшим человеком, стану гением той далекой эпохи. Известно, что король Матиаш был неглупым малым. Он, несомненно, извлечет пользу из тех открытий и изобретений, которыми я, человек XX столетия, с ним щедро поделюсь. Что для него Вена! Вооружившись моими знаниями, он сможет завладеть Парижем и Лондоном, завоюет весь мир и прославит мое отечество на века, превратив его в величайшее государство земного шара. Мировая история будет изменена. Более того, придется перекроить курсы истории в университетах. Вот поднимется кутерьма!

Не хочу утомлять читателя излишними подробностями. Буду краток: через два часа благодаря принятым энергичным мерам я добился аудиенции у монарха.

Его величество производил впечатление весьма симпатичного, толкового и светского человека. Говорили, что у него орлиный нос. Ничего подобного, нос как нос, вполне обычный.

Он обратился ко мне по-латыни. К сожалению, я кончил гимназию, что на улице Марко, и посему попросил его объясняться по-венгерски. Он соизволил дать милостивое согласие, и я коротко ему изложил, что, узнав о его военных намерениях, добился аудиенции, дабы поведать его королевскому величеству о некоторых выдающихся изобретениях, с помощью которых он сможет за несколько дней вдребезги разбить турецкую орду. Я только просил предоставить в мое распоряжение известное количество стройматериалов и сотню-другую рабочих рук, после чего я берусь изготовить такие вещи, о которых он не смел и мечтать.

Его величество благосклонно выслушал мою пылкую речь, а потом проводил в большую мастерскую, где мне дали рабочих. Монарх пожелал лично наблюдать за моими усилиями и велел поставить свой трон в центре мастерской.

— Первым делом, — начал я, — мы сконструируем такое ружье, которое способно в одну минуту сделать

шестьдесят выстрелов. С его помощью можно косить ряды врагов, как траву в поле. Это изобретение называется ружьем-автоматом.

Мастеровые слушали меня затаив дыхание и ожидали распоряжений.

— Итак, — сказал я, — прежде всего возьмем эту... как ее... («Ай-яй-яй... как же делают автоматы?»)

— Значит, — глубоко вздохнул я, — мы берем эту самую... что называется...

Нет, черт подери, ведь я, оказывается, не знаю, как делают автоматы. Помню только, что-то надо крутить и вертеть... Однажды в газете, в разделе «Всякая всячина», я читал, как их делают, но это было очень скупое описание, без единой схемы и без чертежей.

Я почувствовал, как кровь прилила к щекам.

— Вообще говоря, — непринужденно перебил я сам себя, — автомат не самое важное. Давайте лучше соорудим аэроплан, на котором можно летать над войском противника и сбрасывать бомбы. За какой-нибудь час мы разгоним всех турок.

Меня слушали не дыша. Я старался говорить конкретно.

— Аэроплан делают так: берут два больших куска парусины, складывают наискось, вот так, как я показываю, потом привинчивают к нему пропеллер, который и приводится в движение мотором...

— Постой, мой друг, — благосклонно прервал меня его величество король, — что ты называешь мотором?

— Мотор — это пустяк, — опрометчиво выпалил я. — Одним словом...

В конце концов, что он ко мне пристал? Почему я должен знать, как делается мотор? Ведь я не инженер и не механик, я всего-навсего журналист.

Как теперь выкрутиться? Дело нешуточное, этим людям надо показать что-то конкретное... Вот тот детина со злым, багровым лицом (наверное, какой-нибудь полководец!), почему он так подозрительно поглядывает на меня? Стой! Я спасен! Покажу им, как наладить телеграф, и они от изумления ахнут.

— Прежде чем заняться аэропланом, — быстро переменил я тему, — предлагаю соорудить приспособление, с помощью которого можно вести переговоры на сотни километров... Наши передовые отряды смогут сообщать обо всех передвижениях вражеских войск... Понимаете?

— Понимаем! Делай хоть что-нибудь, черт возьми, — изрек краснолицый полководец, явно без особого расположения ко мне.

— Да, разумеется... — ответил я почему-то задрожавшим голосом. — Единственное, что мне нужно, это, как вы понимаете, электрический аккумулятор...

— Само собой... Валяй! — прорычал краснолицый.

Нет, он был мне решительно несимпатичен. Во-первых, на каком основании он говорит мне «ты»? Какое он имеет право «тыкать»?! Впрочем, главное сейчас сделать аккумулятор... Только бы знать, из чего он состоит. Черт побери, ведь в школе мы это проходили, но я, помнится, в тот день не выучил урока, да-да, меня даже вызывали к доске... Уф...

Я несколько раз открывал рот и тут же его захлопывал. Какое унижение! Краснолицый взглянул на короля. Его величество — на краснолицего.

— Думается мне, государь, — проговорил царедворец, — что этот словоблуд ни на что не годен и просто издевается над твоим величеством.

Король вспыхнул, поднялся с трона и, ни слова не вымолвив, удалился.

Краснолицый кивнул страже.

— Вздернуть, — приказал он.

Через две минуты я убедился, что во времена короля Матиаша вешать умели не хуже, чем в наше время. Меня успокаивало лишь одно: в конце XIX столетия я все равно опять появлюсь на свет божий и благодарное отечество воздаст мне за то, что в 1487 году я не помог королю Матиашу в борьбе против турок, ибо в мое время они стали нашими верными союзниками и друзьями.

ПИСЬМА В КОСМОС

2 января

Братья! Счастлив и горд доложить: я прибыл на Землю!

Мой путь на ракетном корабле длился около трех месяцев, и вот вчера, на закате солнца, я приземлился вблизи большого холма, у подножия которого раскинулся незнакомый город. Сейчас я дам себе небольшой от-

дых, а потом — за работу, за необыкновенную, прекрасную, благородную работу! Свое краткое сообщение я пишу с места посадки, завтра я — первый человек из космоса — войду в город, где живут люди Земли. Какая это будет великая минута в истории вселенной! Я раскрою перед жителями Земли тайну своего существования, я расскажу им о том, что прибыл с планеты Марс, для того чтобы две человеческие цивилизации все узнали друг о друге. Что это будет за зрелище! Дух захватывает при одной мысли об этой минуте! Я вижу огромную, ликующую толпу, которая жадно ловит каждое мое слово; я расскажу им о великих открытиях, об истории Марса, о наших идеях, которые обогатят детское сознание обитателей Земли, более молодой по сравнению с нашей планетой. Заверяю вас, дорогие братья марсиане, что ваш посланец окажется достойным великой миссии, выпавшей на его долю.

3 января

Город, где я приземлился, называется Капиталистбург. Своей миссии я пока что не выполнил. Просто не было возможности. Появление мое не вызвало того энтузиазма, на который мы рассчитывали. Правда, несколько человек на улице обернулись мне вслед, но тут же торопливо продолжали свой путь. Я остановился на довольно просторной площади и произнес речь. Меня действительно окружила небольшая толпа, но вскоре подошел какой-то человек в синей форме и блестящей металлической каске и пригласил следовать за ним. Вся беда, наверное, в том, что я еще не овладел их языком; я пытался объяснить жестами и мимикой, что отлично знаю людей Земли, ибо мы на Марсе вот уже более двух тысяч лет наблюдаем через специальные телескопы за жизнью людей и нам они хорошо известны. Однако меня, как видно, не поняли. Позднее, когда я снова вышел на улицу, то в ближайшем книжном магазине купил грамматику. До тех пор, пока не выучу их языка, писать вам больше не буду.

5 февраля

Уже довольно прилично изъясняюсь на капиталистбургском языке. Многое для меня прояснилось. Например, нельзя говорить вслух, что думаешь, иначе, как

здесь выражаются, «посадят». Но зато не возбраняется развешивать по городу глупые афиши, объявляющие о публичной лекции «Есть ли жизнь на Марсе?», которую прочтет марсианин.

Вот только маленькая загвоздка: афиши печатают здесь в обмен на какие-то кругляшки из металла, которые называются «день-ги». Нельзя ли как-нибудь прислать такие кругляшки?

20 марта

Ура! С превеликими трудностями, но все же прочел публичную лекцию в малом зале «Ройял». Жаль, слушателей почти не было и успех оставлял желать много лучшего. Это неприятно, ибо не могу расплатиться за рекламу.

Задумываюсь, не съездить ли домой, чтобы раздобыть немного этих... денег, но, как ни прискорбно, ракетный корабль я вынужден был заложить в ломбард. Мой доклад, говорит некто Шварц, не удался, так как я объявил аудитории, что прибыл прямо с Марса. Он считает, что умнее было бы представиться просто ученым, приват-доцентом, имеющим некоторые оригинальные мысли о жизни на Марсе. Кто знает, может быть, он и прав?

15 июня

Нашел способ добыть кругляшки — взялся за литературный труд. Отправился к книгоиздателю, как посоветовали в редакциях газет, где сочли мою рукопись о Марсе слишком серьезной. Этот Шварц говорит, чтобы я запасся терпением, так как дело быстро не пойдет. Нельзя ли прислать этих кругляшек? Накопилось слишком много долгов...

4 июля

Этот Шварц поделился идеей: мне следует выступить в варьете в костюме марсианина. Текст и музыку он берет на себя. Мотивчик довольно игривый: каждый куплет кончается припевом «Я марсианин, я марсианин!» Идея, пожалуй, недурна. Неужели это выход? Немного еще подожду... Авось...

18 июля

Вчера была минута, когда я подумал: наконец-то поняли, кто я такой! Поняли, какое поистине вселенски-историческое значение имеет мое прибытие на Землю! Я сидел в кафе, как вдруг под окнами увидел большую толпу: возбужденные люди показывали на меня пальцами. Сердце мое радостно заколотилось, я встал, чтобы начать речь, ибо толпа все росла и росла... В эту минуту подошел Шварц и сказал, чтобы я не валял дурака и воспользовался случаем: по городу распространили слух, что прибыл сам Макс Линдер. Оказывается, меня приняли за него. Прошу немедленно сообщить, кто такой Макс Линдер. Не обитатель ли он Меркурия? Срочно выясните?

4 августа

Принял ваше сообщение о том, что Макс Линдер не с Меркурия. Это меня сейчас мало волнует: мне нужны деньги, иначе я пропал!

5 сентября!

Срочно пришлите денег!

10 сентября!

Устроился в варьете, так как мой ракетный корабль уже не вернешь. Надежды больше нет. (Между прочим, куплеты имеют успех!)

18 ноября

Что? И думать не смейте! Сидите себе на Марсе и радуйтесь! Обо мне не беспокойтесь: тяну. Исполняю новые куплеты — о Максе Линдере. Вечером добираюсь до дому пешком. Прихварываю. Будьте счастливы!

Не поминайте лихом! Чао!

ЙОЖЕФ ЧЕРНА,

венгерский писатель

•

ПЕРЕСАДКА МОЗГА

Хотя я начинаю свой дневник в связи с чрезвычайно важным событием в первый день нового 101 года по теперешнему летосчислению (по-старому 17 ноября 2018 года), необходимо припомнить и о делах, которые произошли значительно раньше. Быть может, мне трудно будет объяснить, почему я всегда относился отрицательно к писанию дневников — вероятно, меня отпугивало позерство, которое, как мне казалось, за этим таится. Однако нынешняя ситуация объяснит будущему читателю, если таковой найдется, что ведение этого дневника по праву можно считать первостепенным делом, а не рисовкой.

Если я напишу, что мое имя известно всему миру, это не будет дешевой похвальбой, тем более что именно из-за своей популярности я попал в положение, которого не знало человечество за всю свою историю.

Одной из важнейших проблем науки была регенерационная способность нервных клеток, а точнее — отсутствие этой способности. Как известно, при повреждениях не все составные части человеческого организма способны возрождаться. Многие клетки в течение определенного времени обновляются — в одних органах медленнее, в других быстрее, — исключением являются нервные

клетки, которые, не изменяясь, служат до самой своей гибели.

Однако именно в этой области получило мировую известность мое — далеко не первое — биологическое открытие, заключающееся в том, что в результате тысячекратных опытов с ферментами зачаточного эмбриона, развивающегося из яйцеклетки, я наконец обнаружил агент для роста нервных клеток; многочисленные дальнейшие опыты привели к открытию антител, формирующихся в период полного развития нервной клетки, заключающих ее эволюцию и тем самым обеспечивающих консервацию. Все. это дало науке возможность заняться грануляцией нервной клетки и фиксированием данного явления. Благодаря открытию мое имя было записано на скрижалях науки в одном ряду с именами Пастера и Павлова.

Это объясняет и мое особое положение в общественной жизни нашей страны. Всем известны мои левые убеждения и политическая роль, которую я играл до того, как власть захватили представители нынешнего государственного строя. И все же главари нового режима, полностью противоречащего моим взглядам и убеждениям, не только оставили меня на должности руководителя уже тогда пользовавшегося всемирной известностью Института регенерации нервов, но и, предоставив крупную государственную субсидию, дали возможность мне и моим сотрудникам усовершенствовать наш институт и сделать его самым крупным и самым авторитетным в мире учреждением подобного рода.

А вчера в четверть четвертого дня в институт привезли президента страны, диктатора, у которого во время автомобильной катастрофы был серьезно поврежден головной мозг. Президента доставила свита взволнованных адъютантов и генералов, глядевших подозрительно и враждебно.

Я был дома, когда меня срочно вызвали в институт. Там я застал заместителя диктатора, офицера с военной выправкой, который носил кличку «Дикий кабан». Он заявил, что я и весь персонал института головой отвечаем за президента. Я только рукой махнул и тотчас поспешил к больному. Дежурные сотрудники доложили мне, что повреждение тяжелое, сознание полностью потеряно, тем не менее непосредственной угрозы жизни больного нет, а первая помощь ему уже оказана. Осмотрев президента, я вернулся к нетерпеливо ожидавшему меня

дикому кабану. Не стану подробно описывать, что я ему сказал, но смысл был примерно таков: человеческий организм, в особенности нервная система, отличается от военной службы. В армии стоит только прозвучать словам команды, как солдат бросается ее выполнять, хотя отступления от правил случаются и на военной службе... Тут Кабан бросил на меня злобный взгляд, но я не реагировал. Медицинская наука не всесильна, продолжал я, он и сам прекрасно знает, что против смерти нет лекарств. Я врач, и меня связывает клятва сделать ради спасения жизни и здоровья больного все, что возможно, невзирая на то, нищий он или император... Но когда силы природы оказываются сильнее, приходится сдаваться. Если мне не доверяют, в столице есть другой — и не один! — клинический институт, можно отвезти туда президента, жизни которого, впрочем, в данный момент не грозит непосредственная опасность.

Весь обвешанный орденами заместитель диктатора гневно завращал глазами и удалился, заявив, что мы еще с ним встретимся! Один из членов свиты остался у постели больного, несмотря на все наши протесты. Я решил не обращать на него внимания. Уходя из института, я видел, как личная охрана диктатора занимала все входы и выходы, а тем, кто пытался войти, предлагали удалиться. Вокруг стояли вооруженные часовые, а в один из павильонов вселялся целый отряд солдат.

В этот же день, несколько часов спустя, меня пригласили на созванное в спешке чрезвычайное заседание государственного совета. По дороге мне бросилось в глаза, что на улицах необычно много полицейских, тут и там встречались группы слоняющихся без дела людей. Когда я вошел в сопровождении присоединившихся ко мне в воротах охранников, шум смолк. Члены совета глазели на меня, не скрывая неприязни. После нескольких мгновений неловкой тишины мой утренний партнер по переговорам предложил мне сесть рядом с ним и, поднявшись, сообщил точку зрения правителей. Он не скрыл, что я известен им как явный враг режима и, разумеется, самого президента, и они предполагают, что, если бы предоставилась возможность, я не только утопил бы президента в ложке воды, но и с радостью приветствовал падение режима в целом. Следовательно, они будут следить за мной с особой бдительностью и для контроля за лечением президента назначат одного из самых

выдающихся профессоров-хирургов. В продолжение его речи я согласно, даже одобрительно кивал головой, а потом попросил, чтобы профессора срочно вызвали во дворец, так как положение требует немедленной консультации.

Затем я обратился к присутствующему на совете главному идеологу банды, которого знал по портретам. Этот интеллигентный дьявол, «серый кардинал» диктатора, несмотря на всю свою гнусность, обладал весьма привлекательной внешностью и приятными манерами и, видимо, пользовался у остальных большим авторитетом. Ходили слухи, что разумную сдержанность, которая проявлялась последнее время в мероприятиях режима и предотвратила — по крайней мере временно — взрыв народной ненависти, надо приписать его влиянию. Поэтому я обратился прежде всего к нему.

— Полагаю, мои слова о врачебной этике для вас мало значат, — говорил я. — Но хочу обратить ваше внимание вот на что. Да, я считаю ваш режим в основе своей крайне отрицательным явлением, в борьбе с ним кровно заинтересован весь народ, однако бывают в истории моменты, когда попытка свержения существующего строя может принести больше вреда, чем пользы. Мало того, сейчас, например, переворот имел бы гибельные последствия для внешней политики страны и нанес бы ущерб движению, посягнувшему на режим. Я не фанатик, который глух и слеп ко всем внешним и внутренним факторам и ради немедленного проведения в жизнь идеи способен рискнуть полным разгромом движения. Цели, которой мы служим, не благоприятствует провал внешней политики президента.

Очкастый плут-идеолог слушал меня серьезно, а когда я кончил, встал, заявил, что он мне доверяет, и предложил членам совета последовать его примеру. Дикий кабан ерзал и крутился, но возразить не осмелился, остальные молчали. Между тем прибыл профессор Корнелиус. Ему сообщили, чего от него хотят. Он тотчас протестующе поднял руку и сказал, что считает подобное требование не только недостойным наскоком на медицинскую науку, но и недопустимой несправедливостью по отношению лично к профессору Клеберу, его авторитету и репутации возглавляемого им института. Он отказывается принимать в этом участие. Обратившись ко мне, он выразил свое сожаление по поводу данного

инцидента и заверил меня в своем глубоком уважении. Мы пожали друг другу руки, а вся их компания во время этой сцены смущенно крякала. Затем я попросил совет для обеспечения нормальной деятельности института ограничить военную охрану комплексом зданий, включающих в себя палату, где лежит президент, и удалился, разумеется, в сопровождении почетного эскорта.

Всего этого, однако, было бы мало, чтобы заставить меня писать дневник. Прошлую ночь я мало спал, но не потому, что волновался за судьбу диктатора — он был в верных руках моих сотрудников. Особенно я доверял своему первому помощнику и заместителю — доктору Маттиасу Фельсену, который в результате долгих лет работы располагал по крайней мере таким же опытом, как и я. Совсем иное тревожило меня, мешало спать: голова разрывалась от одной мысли, одной идеи. Чтобы понять ее, надо вспомнить о нескольких медико-физиологических проблемах, возбудивших в прошлом большой шум, и о связанном с ними открытии.

Мы знаем, каким важным фактором в практике переливания крови было определение групп крови и какую огромную, неодолимую трудность в области пересадки и замены органов представляла индивидуальная специфика белка: она не допускала присутствия в организме инородного белка. Я не хочу ссылаться на те, кстати, ныне уже известные эксперименты — большая часть их проводилась при моем непосредственном участии, — которые в конце концов разрешили проблему, привели к успеху и внедрению ранее немыслимых методов.

Однако есть в этой области нечто, еще неизвестное миру, о чем знаем лишь мы с Фельсеном. В результате долгих исследований и серии опытов в прошлом году нам удалось разгадать — ради общедоступности я выражаюсь популярным языком — изотопные импульсы нервных проводников. Попытаюсь объяснить суть этого явления, пользуясь весьма приблизительными сравнениями. Наверное, все видели, как укладывают и чинят телефонные провода. Кабель состоит из пучка проводов в изоляционной оболочке различных цветов. Если, скажем, подключить ток к одному концу красного провода, раздражение от этого тока можно наблюдать на противоположном конце красного провода этого кабеля, то есть, когда я набираю номер, мне отвечает именно нужный мне абонент, сколько бы других проводов не было в пучке...

И вот мы применили метод, используемый в телефонном кабеле с разноцветными проводами. Облучая с микроскопической точностью всякого рода изотопами нервные окончания, находящиеся в различных точках организма, нам удалось заставить их направлять все эти изотопы в центр нервной системы. За довольно короткое время они так насыщаются изотопами, что, например, пересекая нервное волокно, объединяющее множество нервных клеток, и подвергаясь уже упомянутой регенерационно-грануляционной обработке, отдельные перерезанные нервные окончания вновь срастаются с другими нервными окончаниями, но лишь с теми, которые пропитаны тождественными изотопами, как — я вновь обращаюсь к приблизительным сравнениям — в поврежденном телефонном кабеле конец красного провода соединяют с другим концом того же красного провода.

После многочисленных опытов на собаках с очень развитой нервной системой, во время которых нам удалось произвести полную пересадку мозга, три месяца назад мы были вынуждены применить наш метод на людях. В институт доставили двух пострадавших — это были жертвы железнодорожной катастрофы, — для спасения их жизни требовалось немедленное хирургическое вмешательство. У одного был настолько тяжело поврежден головной мозг, что жить ему оставалось считанные минуты, прочие раны не были опасны для жизни. У другого повреждение мозга было не столь сложным, хотя и критическим, но можно было надеяться, если бы речь шла только об этой травме, что он выживет после применения к нему методов лечения, апробированных в нашем институте. Однако у этого несчастного была так серьезно поранена грудная клетка, что состояние его признали безнадежным — он тоже мог прожить весьма недолго.

Фельсен и я находились в институте, когда пострадавших внесли на носилках. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы мы поняли: вот он, долгожданный момент! Мы велели тотчас же доставить больных в мою тщательно изолированную специальную экспериментальную лабораторию, оснащенную самыми современными кибернетическими приборами — здесь мы ставили упомянутые мною опыты. Оборудование лаборатории давало возможность без помощи подсобного персонала, вдвоем — а при желании и одному — проводить самые сложные

операции. Так, «грубую» работу по вскрытию черепной коробки вместе со всеми необходимыми побочными операциями с величайшей точностью выполняла кибернетическая операционная машина. Это достигалось всего лишь установлением индексов, поворотом рукоятки и нажатием кнопок.

В лаборатории, обменявшись несколькими словами, мы установили, что есть лишь одна возможность: надо заменить мозг, чтобы хоть одного больного, у которого меньше телесных повреждений, вызволить из лап неминуемо приближавшейся клинической смерти. Быстро введя раненым препараты, поддерживающие и возбуждающие жизненный процесс, мы почти одновременно с этим начали объединенную регенерацию нервов и насыщение нервных окончаний изотопами. Шли минуты, казавшиеся часами, пот лил с нас градом...

Когда наступил момент для помещения обоих раненых в параллельные автоматические конструкции для черепных операций, человек с поврежденной грудной клеткой умер. Надо было спешить, чтобы произвести замену, уложившись в «срок», допустимый после клинической смерти. Никогда в жизни я так не волновался: ведь в наших руках была не только возможность спасти одну человеческую жизнь, но и судьба величайшего открытия!

Машина в течение нескольких секунд выполнила задание: она не только вскрыла черепные коробки, но почти одновременно с этим перерезала ведущие к мозгу кровеносные сосуды, нервные сплетения и давно известными хирургическими методами обработала нервные окончания. В момент отъединения нервных связей оба тела вздрогнули: то, у которого была поражена грудная клетка, лишь чуть-чуть, сигнализируя о наступившей клинической смерти, другое сильнее — здесь клиническая смерть должна была последовать лишь теперь, вследствие отсоединения от нервного центра. Мы торопились как можно скорее восстановить жизненный процесс, не нанеся «новому» мозгу больших травм. Вынув два дрожащих мозга, мы поменяли их местами и снова привели в действие машину, которая теперь сращивала и соединяла сосуды и нервы. Для чрезвычайной чувствительности машины характерно, что, если при замене обнаружится разница в размерах мозга, она способна — до определенной степени — произвести коррекцию, отрегулировать объем и давление мозговой жидкости и так далее. Окончив опе-

рацию, мы с помощью механизмов переложили на носилки оба тела, которые казались одинаково безжизненными. Только опытный взгляд врача мог заметить разницу: больной с повреждением грудной клетки был на самом деле мертв. Растроганные, мы прикрыли его, отдавая дань невольной услуге, оказанной беднягой человечеству. Затем сели возле второго больного и, не глядя друг на друга, стали ждать воздействия процесса оживления, начавшегося до того, как тело было вынуто из машины.

Как я уже писал, процесс регенерации нервов развивался довольно быстро. И несмотря на это, нам пришлось просидеть около полутора часов, трепеща и замирая. И вот наконец сердце больного без всякого искусственного вмешательства начало нормально работать, и лицо его исказилось от боли. Мы тотчас же ввели ему болеутоляющее лекарство и снова принялись ждать...

Я не знаю — и тогда не знал, сколько прошло времени, пока больной открыл глаза. Мы одновременно спросили:

— Как вас зовут?

— Фишер, — ясно произнес он, но вдруг захрипел, глаза у него запали. Мы применили возбуждающие препараты, и наши усилия не оказались тщетными. Агония продолжалась несколько минут, а потом сердечная деятельность возобновилась вновь. Медленно и слабо, но сердце билось.

Измученные и усталые, мы сидели друг против друга, но неожиданно Фельсен вскочил.

— Какое имя он назвал? — закричал он так громко, что я вздрогнул. — Не Фишер?

— Да, — машинально ответил я, не понимая, в чем дело.

Фельсен наклонился, обшарил одежду больного — из-за необходимости срочного хирургического вмешательства у нас не было времени раздеть раненых — и вскоре вынул из верхнего кармана удостоверение железнодорожника. Оно было выдано на имя Вейлера. Фельсен посмотрел на меня, быстро подскочил к трупу, накрытому простыней, обыскал его карманы, затем начал рыться в бумажнике. Он вытащил оттуда несколько документов, заглянул в них и с неописуемым волнением протянул мне. Говорить он не мог. В документах стояло имя Эрнесто Фишера.

Мы оба разом рухнули на стулья, и в тишине я услышал, как Фельсен выдохнул:

— Удача!..

Измученные, мы вышли из лаборатории, предоставив живого и мертвого попечению наших сотрудников...

На другой день утром мне на квартиру позвонил Фельсен и сообщил, что переживший операцию, несмотря на все усилия и уход наших сотрудников, в три часа утра скончался. Немедленно произведенное вскрытие показало, что смерть наступила в результате повреждения мозга.

— Да, — ответил я. — Да. Жаль беднягу.

И вот в ночь после несчастного случая с диктатором я почти не спал. Все время думал о Вейлере-Фишере. Меня и теперь мучает эта мысль, я не могу от нее отделаться. Диктатор-президент лежит без сознания в институте, и шансы на его спасение весьма сомнительны. Во время заседания государственного совета я говорил откровенно, ибо настолько не уважаю эту банду, что не считаю нужным притворяться перед нею. Смерть ее вожака или хотя бы снижение его дееспособности и, что еще существеннее, духовной энергии были бы чреваты бесчисленными последствиями. Я ненавижу и презираю диктатора за подлость и множество злодеяний, которые совершили против моих товарищей и других людей демократических взглядов его палачи во главе с Диким кабаном.

18 ноября. Продолжаю дневник, датируя его для удобства по старому летосчислению. Так привычнее.

Диктатор все еще без сознания.

Не нахожу покоя. Мысль точит, грызет меня, перед глазами пляшут черные круги, хотя выгляжу я спокойным. Не знаю, что делать, меня охватывает тревога: состояние президента в любой момент может стать критическим, и я опоздаю. Весь государственный совет днюет и ночует в институте, они заняли самую большую аудиторию и прилегающие к ней помещения. Сегодня к вечеру с немалым трудом мне удалось проникнуть туда и вызвать для переговоров главного идеолога и заместителя диктатора. Общеизвестно, что оба являются главной опорой и приближенными диктатора; один представляет грубую скотскую силу, другой олицетворяет хитрую осто-

рожность. Говорят, диктатор поддерживает равновесие, опираясь на две эти противоположные силы, что, во всяком случае, свидетельствует о его недюжинном политическом таланте.

Мы уселись в одном из соседних помещений. Прежде всего я попросил строжайшего соблюдения тайны, в чем оба меня тотчас заверили. Постараюсь по возможности буквально воспроизвести наш разговор.

— Господа, — сказал я, — в данный момент состояние президента страны стабильно, но в любую минуту оно может измениться к лучшему или к худшему. Мы сделаем все, что можем, но в интересах излечения я должен обратиться к вам с небольшой просьбой.

Оба внимательно слушали, руководитель пропаганды сделал рукой знак, призывавший меня продолжать.

— Хотя вы и не специалисты, но, вероятно, слыхали об отрасли науки, занимающейся процессом регенерации нервов. — Оба подтвердили, Кабан несколько нерешительно и с опозданием. — Суть этого явления, — продолжал я, — заключается в том, что до определенной степени мы способны побуждать нервную систему создавать новые клетки. Однако эти новые нервные области пусты, в них отсутствуют тот опыт и те знания, которыми заполнялись старые области с самого начала нашей жизни. Разумеется, мы не в состоянии дать новое содержание, но можем регулировать определенным образом тональность, характер сознания, «частоту колебаний», если позволено так выразиться — это наиболее близкое сравнение. Но для этого абсолютно необходимо детальное знание прошлого.

— Что вы имеете в виду? — спросил руководитель пропаганды.

— В этом и заключается моя просьба: я должен знать самым подробнейшим образом личную жизнь президента.

— Это немыслимо! — побагровев от гнева, прохрипел Кабан.

Очкастый теоретик успокоительно поднял вверх руку.

— Я думаю, вы понимаете всю трудность выполнения вашей просьбы, поэтому прошу мотивировать ее как-то более понятно, а не столь теоретически.

— Охотно, — ответил я. — Думаю, вы меня легко поймете. Вероятно, все мы бывали под хмельком, и нам знакомо это состояние.

Оба кивнули.

— Ну-с, мы также имели возможность заметить, как различно проявляется это состояние у отдельных людей. Один озлобляется, становится хамоватым, другой просто засыпает. Один становится милым, болтливым, другой мрачным и молчаливым и так далее. Есть масса всяких вариантов. И все же несколько главных типов можно перечислить в соответствии с их «частотой колебаний». Ясно?

Они снова наклонили головы, заместитель тревожно, идеолог с выжидательным интересом.

— Если человек находится в бессознательном состоянии, частоту колебаний нельзя установить никакими исследованиями или анализами. Вывести о ней заключение — и то лишь до некоторой степени — можно только с помощью исчерпывающего знания окружающей его обстановки и непосредственной среды.

Тут заместитель снова сделал протестующее движение, и ордена, покрывавшие его мундир, зазвенели. Я понял, в чем дело: уже долгое время темой разговоров служили своеобразные отношения, сложившиеся между ним, диктатором и любовницей диктатора, официально — «домоправительницей» президентской резиденции. По мнению одних, дама была близкой родственницей Кабана, другие считали ее бывшей возлюбленной заместителя, которую диктатор отбил у него, пользуясь своей властью. Как бы там ни было, но чему-то в этом роде заместитель был обязан своим положением... На лице могущественного идеолога промелькнуло ехидное выражение, словно подтверждавшее гривуазные слухи, однако оно свидетельствовало и о том, что оба правителя яростные соперники и смертельные враги и лишь жестокая и безжалостная рука диктатора удерживает их от того, чтобы они не вцепились друг другу в глотку.

Руководитель пропаганды искоса взглянул на заместителя диктатора. Потом он сказал:

— Признаю, тут ничего не поделаешь... А когда вы собираетесь этим заняться, господин профессор?

— Чем раньше, тем лучше, — ответил я, и мы договорились завтра рано утром — сегодня было слишком поздно — втроем поехать во дворец президента. Заместитель удалился с кислой физиономией.

Это произошло сегодня. Еще до начала переговоров я вновь осмотрел президента и пришел к убеждению, что

диктатор, собственно говоря, безнадежен и через очень короткое время все наши усилия окажутся тщетными. Следовательно, надо торопиться.

19 ноября. Сегодня утром в сопровождении броневиков мы отправились во дворец. В городе чуть ли не на всех перекрестках стояли танки, а уличное движение почти замерло. Прибыв во дворец, также окруженный плотным кольцом танков, мы направились в личные покои президента, где я прежде всего обратил внимание на мелкие, личного обихода предметы, а затем принялся расспрашивать обслуживающий персонал о привычках высокопоставленного хозяина, стараясь во время разговора запоминать лица людей. Люди отвечали стесненно, мне не раз приходилось повторять, что я врач, которому надо все знать в интересах больного. Несмотря на это, они рассказывали о наиболее интимных вещах только по настоянию главного идеолога. Сколько президент курит, что пьет, часто ли бывает гневен, безжалостен, быть может, груб. Что любит слушать по радио и что смотреть по телевизору. Я поинтересовался оборудованием ванной комнаты, узнал, сам ли президент бреется. Расспросил сначала его парикмахера, потом повариху; кухарка рассказала о его любимых блюдах, лакей — о характерных привычках. Заглянул я в спальню, просмотрел библиотеку и так далее. Затем обратился с вопросами к двум государственным деятелям. У них я хотел узнать о поведении диктатора во время решения государственных дел. Разумеется, мой интерес касался не государственных тайн, а мелких индивидуальных особенностей, склонностей.

Наконец настало время наиболее щепетильной части моего визита. Я спросил, можно ли мне повидаться с домоправительницей. Она пришла, и первое мое впечатление было двойственным и странным. Это была чрезвычайно эффектная зрелая красавица-брюнетка, но в ее сдержанных придворных манерах, движениях, голосе — одним словом, во всем ее физическом облике было что-то неприятное. А при мысли о возможности более близких отношений с ней я почувствовал чуть ли не отвращение. Мысленно сопоставив ее с Кабаном, я решил, что они вряд ли родственники... Объяснив, о чем пойдет речь, я сослался на врачебную этику и попросил обоих заме-

стителей оставить нас вдвоем. Было видно, что Кабану стоило огромных усилий побороть себя и выполнить мою просьбу.

Об интимных подробностях беседы я писать не хочу. С полученными во дворце хаотическими сведениями я вернулся в институт и еще раз осмотрел диктатора. В состоянии его перемен не было.

Вечером я информировал Фельсена о своих дворцовых впечатлениях. Он с удивлением спросил, зачем мне все это понадобилось. Я ничего не мог ему ответить, так как и сам действовал под влиянием каких-то смутных, сумбурных побуждений.

20 ноября. В полдень ко мне ворвался Фельсен и сказал, что состояние диктатора ухудшилось.

Начиная с этой минуты меня охватило странное душевное состояние. Словно прорвалась какая-то плотина и меня понесло неудержимым потоком активности. Я действовал будто по плану, детально разработанному в глубинах сознания. Я говорил почти бессознательно, но с механической точностью, а сейчас мне вспоминаются только отдельные отрывки. Прежде всего я отдал распоряжение перенести диктатора в мою специальную экспериментальную лабораторию и сам поспешил туда же, таща за собой упиравшегося, испуганного до полусмерти, онемевшего Фельсена. По дороге я заметил, что у дверей лаборатории тоже поставили вооруженного стража, но значения этому не придал...

Когда умирающего диктатора вкатили на носилках и по установленному у нас порядку все посторонние ушли из лаборатории, я усадил ошеломленного Фельсена и, стоя против него, высказал ему все. Сначала я напомнил ему о нашем разговоре относительно того, что сохранение жизни диктатора в данный момент совпадает с интересами страны.

Однако диктатор безнадежен, он может прожить еще несколько минут, времени для колебаний нет.

— Что вы задумали? — с тревогой спросил Фельсен.

— Повторить операцию «Фишер-Вейлер», — кратко ответил я.

Фельсен вскочил и как безумный заметался по тесному помещению. Я поймал его за руки и, нажав на

плечи, заставил опуститься на стул. Потрясенный, он простонал:

— Но кто же второй?

— Я!

Мне кажется, какой-то внутренний инстинкт диктовал мне все более быстрый темп, поэтому я частил скороговоркой, чтобы поскорее преодолеть зиявшую передо мной пропасть страха: он возник при мысли о том, что через несколько минут мое физическое существо станет просто безжизненным телом.

Фельсен не мог произнести ни слова.

— Поймите, другого выхода нет, — заключил я, тряхнув его, и голова Фельсена замоталась из стороны в сторону.

— Проф, — простонал он наконец. — Вам, отцу науки, рисковать собой ради такого негодяя?!

— Не ради него, ради всех нас, ради всего будущего, а для этого есть лишь одна возможность: он должен жить! И подумай еще об одном, — не знаю, как мой язык повернулся, и я назвал его на «ты», раньше подобного не случалось, — подумай, что в святая святых самого главного врага проникнет наш человек, который попытается изнутри ослабить этот проклятый режим, чтобы он пал, не причинив нам гибели. Разве не стоит рискнуть ради этого жизнью?

— Но почему именно вы, проф?

— А кому же доверить? Чем мы гарантированы, что не променяем кукушку на ястреба?! Да и времени уже не остается. — Указав на явно слабевшего президента, я прикрикнул, уверенный в хорошей изоляции дверей. — Быстрее!

Это, видимо, подействовало, Фельсен поборол свой ужас и, побледнев, выдавил из себя:

— Я буду донором президента!

— Нельзя, сынок. — Я прижал его к себе, как мать плачущего ребенка. — Я все разузнал, ознакомился с окружением, с персоналом, с обстановкой, и это, вероятно, поможет в первые мгновенья, чтобы никому ничего не показалось странным, чтобы волчьей стае не представилось повода первым долгом разорвать своего вожака... Я старше тебя, опытнее. Да и в политике ты еще неискушенный ребенок, наивный ученый. Это было бы бессмысленной жертвой с твоей стороны, да и с моей тоже. В науке ты представляешь будущее, а я до некоторой

степени прошлое... Начинай! — закричал я, заметив последние судороги президента.

— Но... — заикнулся было Фельсен.

Я выхватил пистолет, который, повинуясь какому-то инстинкту, взял с собой из дому утром, прицелился в своего ученика и от громадного волнения, кажется, довольно бестолково заорал:

— Немедленно убирайся отсюда, или я пристрелю тебя как собаку! Тебе нельзя больше доверять!

Он еще больше побледнел, попятился.

— Операцию я проведу сам. Через десять минут ты войдешь и, чтобы не осталось никаких следов, возьмешь железную перекладину от верхней поддерживающей конструкции, которую сейчас снимешь, и голову... — Тут я запнулся. — Вытащишь меня из машины и положишь сюда, — я указал место. — Постарайся размозжить мне голову одним ударом, а потом позови на помощь, выбеги и скажи, что во время операции верхняя часть конструкции упала на профессора. Это ты должен сделать сразу же после операции, а не то следствие, если его начнут, может установить, что смерть наступила раньше... Понял?.. А если я буду вынужден сейчас тебя пристрелить, то перед началом операции дам из машины тревожный сигнал, и, когда люди войдут, они увидят трупы двух врачей и президента, который, надо надеяться, будет жить, ибо, пока они сумеют войти, операция уже осуществится. А когда президент придет в себя, он все им объяснит, заявив, что был в сознании... Ну, уходи отсюда...

Фельсен встряхнулся, проглотил комок в горле и заговорил:

— Я не уйду, проф. Я согласен сделать операцию и все, что надо потом. — По его бледному как смерть лицу текли слезы, губы дергались. Он выпрямился и начал демонтировать верхнюю часть конструкции.

— Быстрее, — торопил я, — быстрее! — и чем мог помогал ему.

При мысли, что через несколько минут это железо разнесет на куски мой череп, у меня по спине пробежали мурашки... Наконец мы сняли и положили на пол тяжелый инструмент.

— Начинай, — сказал я Фельсену, забираясь в машину, которая со времени операции «Вейлер-Фишер» претерпела много изменений и усовершенствований. Теперь, когда ее включали, она автоматически направляла изо-

топы, могла даже сама провести замену мозга, хотя мы считали, что столь деликатную операцию лучше делать вручную. Лежа навзничь, я посмотрел на Фельсена: меня растрогало его залитое слезами лицо. Мы обменялись рукопожатием, и я заметил, как он потянулся к кнопке усыпления. И вот в последний момент я вдруг схватил его за рукав, чтобы он не мог дотронуться до кнопки, и, напружинив все тело, попытался выбраться из машины, крича отчаянным, жутким голосом:

— Не хочу!.. Не хочу!

Фельсен резким движением отстранился, быстро нажал кнопку, потом, положив обе руки мне на плечи, всей тяжестью навалился на меня, затолкав обратно в машину...

Я сжимаю в руках рычаги управления танка и одновременно держу пистолет. Справа от меня Кабан нащупывает затвор пулемета, и я знаю, что чуть повыше, за нами, очковая змея пропаганды устанавливает прицел пушки. Гусеницы бесшумно крадутся по мостовой темной улицы, нигде ни света, ни человеческой души. На мне плотно сидит мундир диктатора и, хотя я не вижу, но чувствую, как ярко рдеют на нем генеральские лампасы. Ногой в лаковом сапоге я жму на педаль, улица становится все уже, танк почти касается стен... Вдруг впереди возникает густая толпа во всю ширину улицы. Люди словно впрессованы друг в друга. Над ними развеваются алые знамена такого же цвета, как лампасы на моих брюках. И в мертвой тишине в первом ряду мои отец и мать. Не понимаю, как же это? Ведь они давно умерли! Напрягая силы, я стараюсь остановить танк, но он все идет вперед. Кабан злорадно ржет, очковая змея, ухмыляясь, подмигивает мне, а машина все движется вперед. В последний момент мне удается круто повернуть рычаги управления, танк сворачивает в сторону и продолжает нестись вперед, одной гусеницей сметая дома, которые рушатся на мостовую позади нас...

Я прихожу в сознание на полу, весь мокрый от пота.

Прямо надо мной сияют знакомые верхние лампы специальной лаборатории, вокруг все лязгает, звенит. Я пытаюсь сообразить, в чем дело. Да ведь это сигнал, который означает, что установленное время истекло. На груди у меня лежит лист бумаги с наспех набро-

санными кривыми буквами. Машинально беру лист и читаю: «Проф, заканчивайте операцию!» В голове ни единой мысли, взгляд падает на кибернетическую машину, и тут я вскакиваю и с нечленораздельным воплем бросаюсь к ней. Стрелки показывают, что вскрытие черепных коробок уже произведено и сосуды и нервы перерезаны...

От горя я едва не грохаюсь на пол. Фельсен обманул меня! Когда я потерял сознание, он вытащил меня из машины, сам занял мое место и включил автомат... Стрелки показывают, что прошло несколько секунд с тех пор, как исчез пульс в обоих телах. Ничего не остается, как немедля приступить к действиям. Мною руководит навык, я ни о чем не думаю, внутри меня все словно вымерзло. Поменяв местами мозг, делаю президенту регенерационную операцию. Безжизненное тело Фельсена выволакиваю из машины, тащу его к тому месту, на которое приказывал положить себя, поднимаю тяжелую перекладину; движимый мелькнувшей мыслью, тщательно стираю с нее следы его пальцев, затем, взяв железину обеими руками, обрушиваю сокрушительный удар на голову своего самого любимого ученика и сотрудника.

Я думал, что благодаря врачебной привычке окажусь нечувствительным к зрелищу смерти, виду крови. Но я ошибался. Мир перевернулся во мне, а одновременно и желудок — ничего не поделаешь, палачом я никогда не был! Меня хватило лишь на то, чтобы нажать сигнал тревоги, отворить дверь и закричать, вернее, прошептать о помощи.

Когда я пришел в себя, возле моей кровати собрался, как говорится, весь институт. Заметив, что я очнулся, сотрудники быстро вытолкали друг друга из комнаты, остались лишь мой второй заместитель и старшая сестра. Прежде всего я спросил: что с Фельсеном? Видимо, врачу не хотелось отвечать, он промямлил, что на Фельсена упала, надо полагать, расшатавшаяся часть поддерживающей конструкции.

— Но что с ним? — повторил я, дрожа от нервной лихорадки, ибо передо мной вновь возникло кошмарное зрелище.

— Умер, — ответил врач.

После того как машина автоматически закончила все операции, диктатора в огромном белом тюрбане отвезли в палату, где установили кровать и для меня, так как я сам пожелал наблюдать за его состоянием, а всем прочим

временно запретил там находиться. Даже старшая сестра могла входить лишь по моему специальному вызову.

22 ноября. За последние два дня ничего существенного не произошло. Состояние президента без перемен, сознание к нему не возвращалось, но по отдельным мелким признакам заметно, что улучшение началось, и операция, наверное, окажется удачной. Однако я нервничаю.

В том здании института, где лежит диктатор, прекратилась нормальная работа. Государственный совет оккупировал помещение, я не успеваю отгонять любопытных от дверей больного. Несколько раз мелькала красная рожа Кабана...

23 ноября. Фельсена похоронили. Состояние президента колеблется, есть слабые признаки улучшения. Пока никого к нему не пускаю, никаких исключений не делаю. Пыталась проникнуть домоправительница. Очень вежливо отбил ее атаку.

24 ноября. Сегодня президент открыл глаза. Я стоял у его постели и наблюдал, как жизнь медленно возвращается к нему и небритое, заросшее лицо начинает розоветь. Когда он моргнул несколько раз и пристально уставился на меня, мне показалось, что сердце у меня выскочит. С усилием ворочая полупарализованным языком, он произнес:

— Проф...

Я вздрогнул. Меня диктатор не знал, моей работой никогда не интересовался, а в институте один только Фельсен называл меня так, да и то когда мы бывали вдвоем! На несколько мгновений я замер, потом сразу выслал находившуюся в палате сестру и, повинуясь внезапной мысли, склонился над ним. Раздельно, отчетливо, чтобы он мог понять по движению губ, я спросил:

— Как вы себя чувствуете, ваше превосходительство?

Взгляд его стал еще более пристальным. Я тут же поправился и несколько раз подряд произнес:

— Как вы себя чувствуете, господин президент?

С каждым разом мой голос становился взволнованнее.

— Но проф... — снова заговорил он, повел вокруг удивленным взглядом, потом вопросительно посмотрел на меня.

Я не знал, что делать. Я опустился на стул, зубы у меня стучали. Охотнее всего я бы выбежал из палаты.

Не знаю, сколько времени я просидел, как вдруг насторожился. Диктатор повернулся в мою сторону. Делать было нечего, я встал и подошел к нему.

— Как поживаете, проф? — спросил он ласково — так обычно по утрам приветствовал меня Фельсен. Я попятился и чуть не упал, зацепившись за стул. — Вам плохо? — воскликнул он характерным, столько раз слышанным мною по радио глубоким баритоном диктатора. Он хотел было подняться, но опрокинулся навзничь.

— Осторожнее! — закричал я. — Вам еще нельзя двигаться!

Поборов себя, я сел на край его постели. От недавнего порывистого движения больного одеяло соскользнуло и пижама расстегнулась. Под ней виднелась могучая мускулистая грудь диктатора, поросшая шерстью. Невольно мне представилась мальчишески изящная, спортивная фигура Фельсена...

— У меня все нормально, — произнес я, но голос мой прервался. Я глубоко вздохнул. — Но вот как вы себя чувствуете? — Я поостерегся называть его по имени. — Вы знаете, где находитесь?

Он сделал движение, словно спрашивая: «А правда, где я?» — задумался и в замешательстве пожал плечами.

— Что вы помните? — спросил я и как бы мимоходом добавил: — Специальная лаборатория... Машина для черепных операций...

— Погодите! — вскричал он. — Проф, я влез на ваше место!

Казалось, он считает, будто все в порядке вещей.

— А потом?

— Что потом? Потом я проснулся здесь, в отдельной палате, — он поморгал. — Фу, как я мерзко оброс волосами, — сказал он, проведя руками по груди. — И меня раздражает какой-то скверный запах... Это от меня так воняет?

— Не воняет, — перебил я, — это запах вашего тела. Каждый индивидуум обладает своим, отличным от других запахом.

— Но я никогда этого не ощущал! — взволнованно проговорил он.

Шутливым тоном я сказал:

— Рыба собственной косточкой не давится!

Он насторожился и, казалось, начал что-то понимать.

— Вы забрались в машину и включили ее... В параллельной конструкции лежал диктатор, помните?

На лице его отразился ужас, он отвернулся. Другого пути не было: пришлось прыгать головой в воду. Сняв висевшее над умывальником зеркало, я поднес его к постели. Он бросил мгновенный взгляд на свое изображение и с душераздирающим криком — не думаю, что диктатору доводилось когда-нибудь испускать такой вопль — закрыл лицо руками и потерял сознание.

Когда я привел его в себя, он разрыдался. За свою врачебную практику я видел много отчаяния, еще больше слышал плача, но так рыдать может лишь тот, кто потерял больше всего на свете — самого себя... Собственно говоря, лишь сейчас я вдруг осознал, что произошло, что мы сделали, точнее, что сделал я. Ведь это моя не продуманная до конца идея рикошетом ударила в другого человека...

Наконец, применив сильнейшие средства, мне удалось его успокоить, усыпить. Сам смертельно измученный, я повалился на кровать...

25 ноября. Сегодня, к счастью, я проснулся, вернее говоря, очнулся раньше, чем он. Я пишу «он», потому что не знаю, каким именем его называть. Сидя возле его постели, я ждал. Когда он пробудился, я поздоровался:

— Доброе утро, господин президент! Как вы себя чувствуете? — Лицо его исказилось, я понял, что он снова может потерять сознание. Самым ласковым тоном, на который только был способен, я продолжал: — Выслушай меня, сынок! Выслушай очень внимательно и подумай о том, что я тебе скажу. — Я говорил тихо, но с гипнотизирующим спокойствием и решимостью. А его взгляд теперь стал ясным и осмысленным. Думаю, диктатор с момента своего рождения никогда так не глядел на мир...

— Мати... — Кажется, я впервые назвал Фельсена по имени, и он слегка повернул ко мне голову. — Не только я, ты и сам знаешь, кто ты. Один из лучших, а может быть, самый лучший нейрохирург мира. Ты обладаешь энергией молодости. — Тут он поднял руку и сделал отрицательный жест, но слушать продолжал. — Если кто-либо способен видеть вещи насквозь, разгадывать, что

скрывается за внешним, ухватывать суть дела, то это мы, именно мы. Это побудило нас взяться за самое великое, что может сделать человек. — Он слушал меня, не прерывая и не пропуская ни единого слова. — И если уж мы взялись, то должны принять на себя и последствия. — Тут мое сердце сжалось. — Я в последний раз называю тебя Фельсеном, последний раз произношу имя Мати. С этого момента ты президент страны Хавер Фелициус и никогда не был никем иным! Сначала будет тяжело, тебе придется привыкать даже к собственному запаху, к множеству вещей, но все наладится. Со временем ты почувствуешь себя в новой коже, как рыба в воде, — пошутил я.

Он не улыбнулся.

Я сообщил представителям совета, что двух его членов через два-три дня президент сможет принять на несколько минут, но никаких вопросов задавать ему нельзя, так как это может помешать начавшемуся выздоровлению. Абсолютное спокойствие очень важно для полного излечения.

Вечером мне почудилось, будто я слышу орудийный грохот. Мы почти герметически отрезаны от мира, всем необходимым нас снабжают самые доверенные сотрудники института, молча хлопочущие в палате.

27 ноября. В прошедшие два дня состояние больного то резко ухудшалось и грозило гибелью, то вселяло надежду. Эти дни принесли множество волнений, что могло окончиться для меня полным нервным истощением. Надеюсь, в моей жизни ничего подобного больше никогда не повторится.

Вчера утром диктатор казался спокойным, но я заметил, что в нем что-то происходит. Он лежал неподвижно и на мои вопросы отвечал легким покачиванием головы. Я старался незаметно наблюдать за ним, не раздражая откровенной слежкой. Принесли газеты и, чтобы вывести его из оцепенения, я положил их ему на одеяло. Однако результат был непредвиденным. Сначала он машинально перелистывал иллюстрированный журнал, а потом неожиданно издал отчаянный крик и разразился рыданиями. Оказывается, ему на глаза попалось извещение о похоронах Фельсена. С великим трудом мне удалось кое-как его успокоить и усыпить.

Я дежурил возле его постели, и попеременно бурный водоворот мыслей сменялся звенящей душевной пустотой, пока больной снова не очнулся. Он тотчас сказал:

— Проф, сделайте все обратно!

Я взял его голову обеими руками, спросил, слышит ли он меня, следит ли за моими словами. После небольшой паузы он ответил утвердительно.

— Сынок, — произнес я нетвердым голосом, — то, чего ты требуешь, сделать невозможно. На кладбище похоронили не тебя, ведь ты знаешь, чувствуешь, что находишься здесь. Правда? — И я легонько потряс его. — Ты полновластный президент страны. В этой стране твое слово закон, ты распоряжаешься жизнью и смертью каждого, так неужели же ты себя не можешь взять в руки? Разве ты не чувствуешь ответственности, огромной ответственности, которая на тебе лежит? Ты отвечаешь за жизнь всех нас, за судьбу нации!

На мгновенье проблеск разума мелькнул в его глазах, затем снова погас, и прежнее состояние овладело им.

— Проф, сделайте обратную операцию! — трогательно умолял он.

На минуту я потерял линию неумолимо логичного, сознательного, твердого и решительного поведения — единственное, что могло помочь в данной ситуации, — и заговорил другим тоном.

— Невозможно, сынок, — вздохнул я, и голос мой прервался. — Нельзя! Я не могу этого сделать. Видишь, что ты натворил, когда обманул меня и занял мое место? А все потому, что в последний момент я испугался. Но это была физическая слабость, минутное «короткое замыкание», ты врач, должен был понимать... Меня жизнь закалила больше, я сознательно брался за эту роль, понимаешь, роль! — Я снова потряс его. — Ее надо играть в костюме и гриме диктатора, как играют роли актеры, вне зависимости от того, симпатизируют они своим персонажам или нет... Я эту роль выучил, хорошо ли, плохо ли — другой вопрос, но раз уж ты, пожалев меня, без всякой репетиции ввел себя в спектакль, так играй и не жалей себя!

Нахмурив лоб, он долго молчал, потом сказал:

— Хорошо!

Вскоре после этой сцены меня позвали на консультацию по поводу тяжелого повреждения мозга. Не знаю, какой инстинкт подсказал, но я подошел к ночному сто-

лику и вынул из него пистолет, который положил в ящик, когда переселился в палату президента. И правильно поступил, ибо, когда я вернулся, он, еле держась на ногах, стоял у ночного столика и шарил в ящике. Мы ничего не сказали друг другу, он поплелся обратно в постель, лег и натянул одеяло на голову.

Наш спор возобновлялся трижды, суть его не менялась, но резкость постепенно исчезала. Все время я не переставал волноваться, так как каждый новый взрыв мог оказаться смертельно опасным.

Последний приступ произошел сегодня вечером и закончился поистине неожиданным аккордом. Когда я вновь повторял, какую огромную ошибку совершил он, из жалости ко мне взяв на себя трудную роль, он, немного помолчав, заговорил. В выражении его лица проглядывала какая-то доселе не свойственная ему стальная воля.

— Это не из жалости к вам. — Я был ошеломлен. — Я... — тут он запнулся, — я хотел стать диктатором! — заявил он твердо и решительно. — Мысль действительно возникла у меня внезапно: я моложе и, вероятно, лучше перенесу замену и душевное напряжение, связанное с ролью. Но решающий толчок дал инстинкт, отбросивший все второстепенное, — жажда власти... Вот вам правда!

Сначала я был поражен, но потом ощутил глубокое облегчение.

Сев к нему на постель, я сказал:

— Ну чего же ты тогда хочешь? Ты президент, всесильный властитель страны. Веди себя, как подобает в твоем положении. — Он лежал и не двигался. Я встал и поклонился: — Как вы себя чувствуете, ваше превосходительство? Завтра я дам разрешение двум членам государственного совета навестить вас. Вы согласны? — И я подмигнул ему.

Он выпрямился.

— Если вы, проф... простите... Я не знаю вас и понятия не имею, кто вы, но, очевидно, вы здесь распоряжаетесь... Если вы находите это нужным, у меня нет возражений, — ответил он и тоже подмигнул.

С моей души свалился камень. О том, что я чувствовал, не хочу, а быть может, и не мог бы написать. Все, все смела полуторжествующая, полутревожная уверенность в том, что операция удалась...

28 ноября. Утром президента постригли, причесали, побрили. Собственно говоря, только теперь я заметил, какой он статный и видный мужчина. Затем мы вдвоем держали «военный совет». Я предупредил его, как надо себя вести. Вечером он хорошо начал, нужно так продолжать. Во время разведки во дворце я убедился, что диктатор человек простой, но жестокий и хамоватый. Поэтому нельзя держать себя чересчур вежливо и деликатно. Не беда, если он многого не сможет вспомнить или не узнает людей из своего ближайшего окружения. Пусть спокойно спросит у любого, кто он, чем занимается, а получив ответ, естественным тоном скажет: «Да, да, конечно». А я всем объясню, что в таких случаях выпадение памяти закономерно и вскоре пройдет, исчезнет вместе со многими подобными явлениями. Одного нельзя забывать ни при каких обстоятельствах: того, что он всесильный диктатор. Если он совершит эту ошибку и волчья стая учует вдруг его колебания, я не дам за его жизнь ломаного гроша. Если они почувствуют, что стальная хватка слабеет, они разорвут его, словно слабую овечку!

Я же, несмотря на все «протесты» диктатора, заставлю его приверженцев согласиться на мое пребывание во дворце после институтского лечения, ибо должен находиться в непосредственной близости от президента до его полного выздоровления. Договорившись, мы пригласили представителей государственного совета.

Посещение президента делегацией государственного совета прошло без всяких недоразумений. Он отнесся к ним с высокомерием, приличествующим настоящему диктатору, и с моего разрешения согласился, чтобы завтра к нему явились его заместитель и главный идеолог. Признаюсь, предстоящая аудиенция меня тревожила. Мы снова детально обсудили, как ему себя держать. Самоуверенность диктатора возросла, мне пришлось призвать его к осторожности. Как бы он не зарвался и не совершил непоправимой ошибки. Но он не принял близко к сердцу моих увещеваний. Он начинал входить во вкус...

29 ноября. Однако я рано расхвастался. Спустя несколько минут после полуночи я пережил такое волнение, которого не забуду, пока жив. Я проснулся от звука, который чуть не остановил мое сердце, сел в постели и в полумраке увидел, что президент... даже сейчас не знаю,

как его называть... лежит на полу, хрипит, кричит и бьется. Я быстро вскочил и попытался усадить его. Мне удалось только прислонить его к кровати. Я звал его, бил по щекам, но он смотрел на меня стеклянным взглядом, хрипел и заикался. Наконец я понял, что он бормочет.

— Не хочу... я не выдержу, проф, помогите! — повторял он.

Я тряс и раскачивал его, пока — очень нескоро — он не замолк. Я помог ему лечь в постель, и тогда он расплакался.

— Проф, помогите! — стонал он.

— Вам приснился плохой сон? — спрашивал я, но он не отвечал и вздрагивал.

Прошло добрых полчаса, пока он унялся настолько, что прислушался к моим словам, доводам и наконец уснул. Мне это стоило большого труда, как подумаю, так и сейчас в пот бросает.

Утром, к счастью, и следа не осталось от ночного приступа. В условленное время явились оба заместителя. Постараюсь с наибольшей точностью передать состоявшуюся беседу.

— Прежде всего, господа, — начал диктатор, но, заметив недоумение на их лицах, немного помолчал и спросил: — Скажите, где я нахожусь?

Оба негодяя с удивлением поглядели на меня. Змей-пропагандист заворчал:

— Господин президент не знает, где он находится? Вы ему не представились?

— Состояние господина президента не требовало этого, а сам он не интересовался, вот я и молчал. Не знаю даже, правильно ли будет рассказать ему об этом сейчас.

— Почему? Где я нахожусь? — трескучим голосом перебил диктатор.

— В Институте Клебера, — ответил, помедлив, главный идеолог.

Диктатор наклонился вперед и, не мигая, уставился на обоих государственных деятелей.

— Почему? Как я попал в это чертово логово? Кто меня привез сюда? — с угрозой вскричал он. — И кто он такой? — презрительный жест в мою сторону.

Руководитель пропаганды хотел было ответить, но я опередил его.

— Ваше превосходительство! Разрешите мне все объяснить — господа находятся в более затруднительном по-

ложении. (Он молча нахмурился.) Я профессор Клебер, — продолжал я. — Вам, ваше превосходительство, очевидно, неизвестно, что вы стали жертвой автомобильной катастрофы. Ранение ваше было такого рода, что эти господа вынуждены были доставить вас сюда. — Он казался изумленным. — Они боялись за вас и угрожали мне, но я заявил, что сделаю все возможное для спасения вашей жизни. Кроме того, я им кое-что объяснил. Могу сказать об этом и вам, но считаю не совсем удобным. Вы скорее этому поверите, если услышите не из моих уст... Ну а доказательством того, что господа доверили мне не напрасно, служит наш разговор. Он мог бы и не состояться... — Я значительно посмотрел ему в глаза. Он ответил строгим взглядом и опустил веки. — Впрочем, — продолжал я, — для меня теперь это столь же чертово логово, как для вас, господин президент.

Он вопросительно поднял бровь, и я попросил Кабана распахнуть дверь. Когда диктатор увидел стоявшего на часах солдата с автоматом, он улыбнулся.

— Вы хорошо ответили, профессор. — Он прислушался к тому, что творилось снаружи. — Что за шум? — сердито спросил он.

— Части безопасности наводят порядок в поселке Иоахим...

— Пушками? — ледяным тоном спросил диктатор у своего заместителя.

— Пришлось, было необходимо, — выдавил тот.

— Говори! — грубо закричал диктатор, и заместитель встрепенулся. Но прежде, чем он ответил, могущественный властитель, словно неожиданно заметив меня, недовольно махнул рукой: — А, ладно, потом... Но не вздумай чего-нибудь упустить! — и мановением руки положил конец аудиенции.

После того как заместители удалились, я задумался. Диктатор сидел с мрачным видом.

— Над чем ломаете голову, господин профессор? (Я вздрогнул: президент искоса наблюдал за мной с легкой улыбкой на губах.) Вы мною довольны? — и он протянул мне руку.

Я пожал ее и в замешательстве сразу вышел.

1 декабря. Он быстро поправляется не только физически, но и духовно. Сегодня мне вообще уже не казалось,

что глазами диктатора на меня смотрит Фельсен. Это был решительный, энергичный взгляд. Я предложил дня через два-три переселиться во дворец. На мгновенье он как будто оробел, но тотчас оправился, потребовал к себе заместителя с докладом о военном положении. Из доклада он узнал, что восстание задушено. Он отдал приказ все подготовить к его возвращению домой — спустя три дня он вернется во дворец. Затем отпустил переминавшегося с ноги на ногу заместителя, а когда тот ушел, сделал вид, будто лишь сейчас заметил меня, и спросил:

— Все в порядке, господин профессор?

Что я мог ответить? Развел руками и все. В его голосе звучала непривычная твердость.

3 декабря. Сегодня рано утром в сопровождении чуть ли не всей армии мы направились во дворец. Президент просто-напросто велел мне следовать за ним. Пришлось прямо как был, в белом халате сесть в пуленепробиваемый автомобиль. У входа в апартаменты диктатора нас встретила домоправительница. У меня мороз пробежал по коже, когда я заметил выражение робости на лице президента, но моя тревога была напрасна. Он поклонился с величавым достоинством, поцеловал ей руку. Дама казалась удивленной, да и свита переглянулась. Прежде чем мы вошли в покои, он заявил недоверчиво таращившимся придворным, что я нахожусь здесь по его настоянию и мои указания и пожелания, касающиеся его особы, для всех являются приказом.

Мы остались одни.

— Профессор, — произнес диктатор, — я подозреваю, что вместе мы будем находиться в большей безопасности, поэтому настаиваю на вашем пребывании здесь.

Я пожал плечами.

5 декабря. С помощью обслуживающего персонала президент знакомится с обстоятельствами своей частной жизни, предметами личного обихода. «Выпадение памяти» исчезает довольно быстро. Одна проблема, весьма щепетильная и грозившая роковыми последствиями, вчера неожиданно разрешилась на редкость удачно. Высокомерные, но осторожные расспросы быстро прольют свет на мелкие, тем не менее, существенные события, происшед-

шие недавно. Однако выспрашивание о делах, обстоятельствах и фактах более отдаленного прошлого может привести к провалу.

Положение становилось опасным, когда мне вдруг пришла мысль, что диктатор, наверное, вел нечто вроде дневника и вряд ли держал его в официальном архиве вместе со старыми документами. Должно быть, он хранил его где-то под рукой. В спальне мы сравнительно легко нашли скрытый сейф, но не сумели разгадать сложной комбинации букв его замка. Я даже испугался, когда в ответ на мое шутливое замечание о том, что, мол, его превосходительству этого-то как раз и не следовало забывать, он в гневе заскрежетал зубами и накричал на меня, велев замолчать. На сей раз мы с ним не перемигнулись...

Большой беды в том, что президент сломает замок своего личного тайника и велит сделать новый, разумеется, не было, но мы остерегались случайных неприятностей.

И вот тут у него возникла хорошая идея. Он ощупал мундир, в котором его привезли в институт, и в тайном кармашке нашел крошечный блокнот. Мы взволнованно, но безуспешно перелистывали его, пока не заметили, что уголок обложки слегка отклеился. Сорвав тонкую бумажку, среди множества цифр непонятного происхождения и назначения мы нашли и комбинацию букв. Тотчас попытались открыть сейф, но, к нашему величайшему изумлению, ничего не вышло. Мы сидели в недоумении, как вдруг я вскочил словно ужаленный. Взяв из рук президента книжечку, я попробовал открыть тайник, набирая буквы справа налево. Сейф распахнулся. Весьма простая хитрость.

— Господин профессор, вы величайший человек! — с воодушевлением воскликнул президент, будто я совершил крупнейшее в мире открытие. У меня вертелась на языке благодарность за столь милостивое признание, но я вовремя проглотил слова. Во-первых, потому, что его восторг был искренним, во-вторых, потому, что я и сам обрадовался успеху.

Мы действительно узнали о многом, что до сих пор было неизвестно внешнему миру. Это оказалось весьма полезно. Между прочим, выяснили и настоящее имя диктатора, происхождение его семьи и то, что домоправительница действительно была родственницей и возлюбленной Кабана.

10 декабря. За прошедшие пять дней на меня нахлынул поток таких событий, от которых останавливается дыхание. Я был восхищен чрезвычайной восприимчивостью президента, его способностью приспосабливаться к положениям, потрясающему темпу и полноте его ассимиляции с обстановкой.

Первые два дня я должен был присутствовать на всех, даже самых секретных переговорах, чтобы сглаживать некоторые промахи, совершавшиеся в результате «выпадения памяти». Только теперь, спустя несколько дней, я могу связать в логическую цепочку все происшедшее. В первый день они обсуждали доклад о поражении восстания. Из него выяснилось, что враг потерпел лишь частичное поражение, ему удалось вывести из-под удара главные силы. Штаб восстания не был захвачен. В этом факте окружение диктатора усматривало измену. Во время совещания президент проронил лишь несколько слов, со сдвинутыми бровями он слушал своих приближенных. К вечеру следующего дня он снова созвал всех, за исключением руководителя пропаганды, которому поручил переговоры с послом Блуфонии. Тогда я не обратил на это внимания, но сегодня все выяснилось.

Во дворце я спал в президентской спальне. Вечером у нас состоялся странный разговор. Сначала он долго расхаживал по комнате, потом остановился возле меня.

— Проф, — впервые за долгое время он назвал меня так, — завтра я велю произвести облаву и обыски на улице Ньютона. Все, кого там найдут, будут задержаны.

У меня буквально отвисла челюсть: на улице Ньютона помещается резиденция штаба нашего движения, до сих пор ее не удавалось обнаружить никаким ищейкам диктатора. И Фельсен, так же как и я, был членом штаба! Спустя некоторое время я с трудом выговорил:

— Но, ради бога, зачем?

Президент спокойно объяснил:

— Ведь это ваша мысль, проф. Если сегодня я паду, это будет роковым для всех: для находящихся у власти правых и для готовых к революционному перевороту левых. Правда?

— Правда, — вынужден был признать я.

— Ну-с, а ваши товарищи и руководители придерживаются иного мнения! Каждую минуту можно ожидать

новой атаки, и должен сообщить, что ваше имя тоже занесено в их черный список.

— Мое? — спросил я и прижал руку к груди.

— Да, да! Ваше. Из-за меня. Вы не только спасли мне жизнь, которая, между прочим, полностью была в ваших руках — весь мир знал, что мое состояние безнадежно и жизнь моя гроша медного не стоит.

И это «мне», «меня», «мое» он произносил с такой естественной самоуверенностью, что я содрогнулся и с ужасом уставился на этот гибрид, на это чудовищное творение моих собственных рук.

— Мало того, — продолжал он, — вам еще вменяют в вину, что вы последовали за мной сюда меня выхаживать. Поэтому институт мне придется охранять так же, как и дворец, ибо рано или поздно вам придется туда вернуться.

У меня кружилась голова, и на лице был написан такой же ужас, как у диктатора, когда он впервые после операции увидел себя в зеркале. Значит, я, один из известнейших вождей левых, — это не я? Я — враг? Кошмар какой-то! Заикаясь, я проговорил:

— О себе я не забочусь, но душа движения, лучшие люди страны, образец незапятнанной честности и чистой совести!.. Как вы могли это придумать?

Диктатор перебил меня:

— Не бойтесь за них! Я не стану их ликвидировать. Несколько лет концентрационных лагерей и принудительных работ, пока внутреннее и внешнее положение не изменится, и их можно будет выпустить. Это, разумеется, не рай, но не обязательно все они погибнут... Кое-кто уцелеет... Вы же знаете, пока эти люди дееспособны, на наши головы в любой момент может обрушиться небо, а этого вы тоже страшитесь, и это означало бы гибель государства. Правительство Блуфонии не станет деликатничать, как я... Но можно с ними разумно поговорить. Кто позаботится об этом лучше вас, проф?

Оцепенев, я не только отвечать, думать был не в состоянии. Вдруг я вскочил:

— Я должен повидать их! Я должен им рассказать...

Диктатор поглядел на меня так, что слова застряли у меня в горле и колени задрожали. Наконец он заговорил, и голос его резал как бритва.

— Вы с ума сошли!.. Кто вам поверит? Да и что вы скажете? Вероятнее всего, вас запрут в сумасшедший дом!

Я сидел, весь дрожа.

— Проф! — продолжал он тем же неумолимым тоном. — Вы отправитесь назад в институт и будете находиться под домашним арестом. Вас надо защитить от ваших друзей и от вас самого. Это хорошо еще и потому, что отведет от вас подозрение, будто вы поехали со мной добровольно. Люди поймут, что я вынудил вас находиться при себе, — пленник же не предатель, а мученик движения! Понимаете теперь? Но несколько дней вы еще пробудете здесь.

Я заговорил с трудом, не в силах назвать его по имени:

— Но наши товарищи...

Продолжить мне не удалось, с таким жаром он перебил меня:

— Проф! Вы же высокообразованный человек с ясной, чистой головой! Как вы можете говорить такие абсурдные вещи? Знаете, что писал Макиавелли? «Главных врагов убей в первые минуты своего прихода к власти, и чем больше, тем лучше. Это устрашит прочих, и власти твоей будет обеспечена безопасность. Если же ты не сделаешь этого, если из жалости или по другим причинам не убьешь достаточного количества людей, оставшиеся организуются против тебя, и позднее ты сможешь навести порядок уже с большими жертвами и тогда будешь действительно жесток...» А сейчас я сэкономлю бог знает сколько крови и жизней, потому что мой предшественник сделал всю необходимую грязную работу... мой пред... черт бы вас побрал, господин профессор! Как мне теперь говорить по вашей милости?.. — В явном замешательстве он подошел, обнял меня, потер себе лоб. — Что со мной будет? — спросил он изменившимся тоном.

— Ты этого хотел, Жорж Данден, — процитировал я Мольера.

— Сентиментальность всегда опасна, а сейчас она может оказаться гибельной. — Он выпрямился, покосился на меня. В голосе его мне снова послышался металл.

Я долго не мог заснуть.

На другой день утром я не виделся с президентом: когда я проснулся, его уже не было. Из покоев я выйти не смог — у дверей стоял часовой. Издалека доносился орудийный гул. В сейф — я заметил это только сегодня — был вставлен новый замок...

Диктатор явился вечером и сказал, что теперь я буду

спать в другой комнате. Он объяснил это тем, что не хочет по утрам будить меня. Затем без всякого перехода сообщил, что велел казнить очкастого руководителя пропаганды. От потрясения я не спросил даже за что. Но он рассказал сам:

— Вчера вечером я говорил, что велю произвести облаву и обыски на улице Ньютона, не так ли? Мы захватили нескольких мелких птичек, однако ни одного из руководителей арестовать не удалось, вероятно, их предупредили... А вот министра пропаганды там нашли! Он был смертельно бледен, когда мой заместитель, кипя от притворного гнева, — впрочем, скорее от радости, — ввел его сегодня утром ко мне. Я задал преступнику всего один вопрос: что он там делал? Он не ответил ни слова. Через пять минут его расстреляли.

— Какая жестокость! — вскричал я. — А если он шпионил для вас?

Диктатор жестом отверг это предположение.

— Я его не посылал, а тот, кто действует не по моему приказу, предает меня, — сказал он. — И министр пропаганды это знал! Возможны три варианта: упомянутый вами шпионаж, но это совершенно невероятно, так как не входило в его задачу, и в лучшем случае он помешал бы людям, профессионально занимающимся этим, а следовательно, и мне. Второй вариант, — продолжал он с железной фельсеновской логикой, — заключается в том, что он, быть может, принадлежал к левым. Но, принимая во внимание его прошлое, я отбрасываю этот вариант. Третий — и я сильно подозреваю, что это наиболее реально, — он искал себе союзников против меня. Во всех трех случаях он был изменником. И если я еще могу помиловать врага, так как знаю, чего ждать от него, то предателя — нет!.. Вам ведь известно, что этот негодяй и мой заместитель были чашами весов, уравновешивавшими друг друга в своей враждебности ко мне. Они были уверены, что, если я паду, им прежде всего придется драться друг с другом. У каждого из них свой лагерь... Но эта крыса думала, что корабль тонет, и попыталась спастись. Если б он просто сбежал, я махнул бы рукой, черт с ним! Но изменить! Теперь мне предстоит труднейший цирковой номер: балансировать с грузом в одной руке.

Я с отвращением слушал его.

— Ваше положение тоже не из легких, проф. Надо

поберечься. Мне было бы жаль... — С этими словами он отпустил меня.

Шум и грохот снаружи усиливались, и это придавало моим мыслям еще более мрачный характер. После полудня меня позвал к себе президент, заметно встревоженный.

— Я пригласил вас, чтобы проститься, дорогой господин профессор, — сказал он. — Теперь институт действительно будет для вас более надежным местом. Я отпускаю вас с тяжелым сердцем. Не легко поддерживать груз одной рукой, — произнес он с кислой улыбкой. — А вы теперь не сможете мне помочь... Благослави вас бог!

Я удалился с неприятным чувством. Броневик провез меня по безлюдным улицам, которые странным образом напоминали сон, приснившийся мне в операционной... Вокруг института стояли танки, расхаживали патрули, но было тихо.

12 декабря. Я расположился в специальной лаборатории. Заснуть не мог, а когда это почти удалось, меня разбудил взрыв, вслед за ним послышался гул, который то приближался, то отдалялся, ружейная стрельба, и так шло всю ночь напролет, хотя временами усталость одолевала меня и я начинал дремать.

Утром во время смены караула я услышал за дверью странное шушуканье. Похоже, там шла перебранка, она то затихала, то снова усиливалась. Потом в дверь постучали. Я открыл не сразу, вспомнив, каким взглядом с головы до ног смерил меня вчера вечером часовой у двери. Когда ночью я вспоминал его взгляд, мне становилось неуютно.

— Кто там? — спросил я после вторичного стука.

— Откройте, товарищ профессор! — прозвучало едва слышно. — Очень важно!

Обращение меня поразило. Немного поколебавшись, я отворил дверь. В комнату вошел солдат, ночной часовой остался снаружи с ружьем наизготовку.

Солдат, не ожидая моих вопросов, быстро заговорил:

— Товарищ профессор, я член организации с улицы Ньютона. После вчерашнего налета многие считали, что вы нас предали. Часовой у двери тоже из наших, он всю ночь придумывал, как бы вас убить, товарищ профессор. Других солдат мы не знаем.

Я не мог вымолвить ни слова.

— А меня, товарищ профессор, утром послали из дворца сменить часового и дали особый приказ: во что бы то ни стало вас застрелить.

Не помню, спросил ли я его о чем-либо, но очевидно, спросил, потому что солдат продолжал:

— Нет, приказ отдал не заместитель, а сам президент. Он велел пристрелить и часового, коли потребуется, если тот станет мешать мне... И приказал торопиться... Тогда я понял, что вы наш товарищ, а не предатель. Я очень спешил, ведь мне были известны намерения ночного часового... Я пришел вовремя, теперь мы вдвоем будем охранять вас.

Пока он говорил, снаружи поднялся какой-то шум. Солдат открыл дверь, чтобы позвать товарища. В этот момент в конце короткого коридора я увидел диктатора. Он приближался, словно в кошмарном сне, правая рука его неподвижно висела, в левой был зажат пистолет, и он размахивал им над головой. Спотыкаясь, он дошел до нас и буквально ввалился в лабораторию, растянувшись у наших ног.

— Проф, — едва слышно простонал он, — проф, помогите. — И потерял сознание.

Я перевернул его на спину и увидел, что правая сторона мундира сплошь в крови — в темном коридоре это было незаметно. Ночной страж хрипло сказал:

— Ночью начался штурм... Пристрели его!

Второй солдат нерешительным движением поднял винтовку, ствол очертил дрожащий круг... Я бросился к нему.

— Игра еще не кончена! — вскричал я. — Ни один из нас не может взять на себя ответственность за смерть президента. А он и так дышит на ладан... Помогите поднять его сюда, — обратился я к опустившему ружье солдату.

Не знаю, что побудило меня положить президента на стол, выдвинутый из машины для черепных операций. Потом я попросил обоих солдат никого не впускать в лабораторию без моего разрешения.

Я стянул с него мундир, рубаху и ахнул. С правой стороны зияла огромная рана от разрывной пули — выстрел был произведен сзади. Кое-как я перевязал его и привел в чувство.

— Что с вами произошло? — спросил я.

— Проф, помогите, — простонал он. — Кажется, меня

преследуют, — он попытался подняться. — Я погиб, проф, если вы мне не поможете. — Он тревожно глядел на меня взглядом Фельсена.

Мысли вновь с бешеной быстротой закружились у меня в голове. Вечером, прибыв в институт, я для проформы расспросил преемника Фельсена о том, что у нас нового. Наряду с прочими делами он доложил, что в институте лежит безнадежный больной с тяжелым повреждением мозга. Рана диктатора тоже смертельная, в этом нет сомнений. Я подошел к телефону и распорядился, чтобы больного с повреждением мозга подготовили и срочно привезли в специальную лабораторию. Солдатам я приказал впустить лишь санитаров, которые привезут больного. Всем остальным вход воспрещен.

Диктатору я сделал инъекцию, ввел укрепляющие препараты и постарался поддержать в нем бодрость духа, расспрашивая о случившемся. Из того, что, запинаясь и пропуская существенные моменты, он рассказал, я составил следующую картину.

Вчера вечером по различным признакам президент понял, что заместитель готовится к решающему удару. Однако в последние дни и президент не терял даром времени и пытался собрать вокруг себя силы, хотя ему очень мешало то обстоятельство, что враги Кабана, ранее группировавшиеся вокруг руководителя пропаганды, из-за казни своего вожака перешли в оппозицию к диктатору. Теперь он не мог на них положиться. Ему удалось собрать всего несколько человек для обеспечения личной безопасности... Сегодня на рассвете к нему явилась взволнованная домоправительница и, вся дрожа, рассказала о намерениях заместителя. Президента возбудило приближение опасности, а его влечение к этой женщине все усиливалось. По его словам, непонятным для него самого образом он совершенно потерял над собой власть и с животной страстью набросился на нее, не обращая внимания на ее сопротивление и не слушая криков о помощи... Он опомнился, когда взбешенный Кабан, который, как выяснилось потом, предварительно застрелил двух часовых, в припадке неудержимой ревности позабыв о всякой осторожности, накинулся на него и принялся трясти, как собака крысу. Они вцепились друг в друга мертвой хваткой.

— Это была жестокая борьба, — диктатор тяжело дышал. — Знаете, проф, я ведь неплохо владею дзю-до, —

он слабо улыбнулся. — Только благодаря этому я смог как-то противостоять его бычьей силе. Пока мы возились, я заметил в руках доведенной до безумия женщины выпавший у меня из кармана пистолет. Я сделал быстрое движение, и мой враг оказался между мною и пистолетом. Раздался выстрел, он выпустил меня и упал навзничь... — Внезапно диктатор умолк, закашлялся, на губах показалась кровавая пена. Затем, прерывисто дыша, все время останавливаясь, он рассказал, как через открытую дверь, возле которой лежали трупы двух часовых, заметил приближавшиеся фигуры в военных мундирах. Снаружи доносились крики, шум, он бросился к потайной двери, но, прежде чем успел скрыться, получил пулю в спину. Оглянувшись, он заметил, как из руки лежавшего на полу заместителя падает револьвер...

Спотыкаясь, он выбрался во двор, доплелся до стоявшего там танка, приказал сидевшему в нем солдату везти себя в институт. Тот заколебался, тогда президент вытащил испуганного парня из машины, отобрал у него пистолет, сел, вернее, плюхнулся на его место и погнал сюда по улицам, заполненным вопящими толпами. Сам не знает, как добрался...

Меня поразила его физическая сила, а также сила воли или отчаяния. Это граничило с чудом.

Снаружи крики и шум усилились. За дверью раздались шаги, шорохи, это привезли больного...

На этом дневник заканчивается. Я, Альфред Стейг, институтский служитель, могу добавить лишь то, что видел утром того дня, дата которого последней помечена в дневнике.

Мы с коллегой Сандерсом получили указание немедленно привезти больного № 63 с тяжелым повреждением мозга из X-отделения в специальную лабораторию профессора Клебера для операции. За день до этого институт опять наводнила солдатня, нас то и дело останавливали.

За институтской оградой бушевал народ. Прежде чем мы добрались до лаборатории, толпа, крича и стреляя, прорвала цепи солдат и ворвалась в парк института. Я видел, как все больше солдат переходит на сторону народа. Бегущий во главе толпы танкист заметил нас. Он махнул в нашу сторону рукой, и даже в оглушительном шуме я расслышал его крик: «Это он!.. Бежим!.. Скорее!..»

Атака толпы была мгновенной, бежавшие впереди оказались у дверей лаборатории почти одновременно с нами. Двое часовых хотели их задержать, но толпа смела их вместе с нами и нашим больным. Впереди несся танкист и орал: «Эта свинья скрылась здесь!» Он уже знал, что наш больной не тот, кого они ищут.

Мы с коллегой всеми доступными нам силами старались защитить нашего больного, но, к сожалению, нам мало что удалось. Когда нас буквально втащили в лабораторию, я заметил президента страны с окровавленной повязкой на груди. Он поднялся, качнувшись, сделал шаг вперед. Взгляд его был мутным, очевидно, он не понимал, где находится.

— Это он! — заорал солдат.

Кто-то камнем разбил верхнее окно, а солдат схватил тяжелую железную перекладину, лежавшую у машины странной конструкции.

Профессор Клебер прикрыл собой президента.

— Это не он, — громовым голосом закричал профессор. — Не президент!

— Что ты врешь, предатель! — вскричал солдат и взмахнул высоко поднятой перекладиной.

Удар размозжил головы профессора и стоявшего позади него высокого президента. Я оперся о маленький столик, на котором лежали тетрадь и перо. Не знаю для чего, но я сунул то и другое в карман халата и, увидев, что принесенный нами больной тоже умер, двинулся к выходу. Меня так сдавили, что я едва не задохся.

Моему коллеге чудом удалось вытащить меня из толпы. Я очнулся на скамейке парка. Вокруг было пусто, но где-то вверху рокотал гром. Я поднял голову к небу и увидел, как из гигантских самолетов Блуфонии выпрыгивают и летят к земле тысячи парашютистов...

РОХЕЛИО ЛЬОПИС,

кубинский писатель

•

СКАЗОЧНИК

Как бы вы отнеслись к человеку, который тем только и занимается, что лишает покоя детские души? Нет, как хотите, а вы не сумеете убедить меня, что его цели заслуживают одобрения, тем более что занятие это стало у него какой-то манией. Он учитель начальной школы, и директор уже не раз делал ему внушения: еще бы, он тратит целые уроки на эти странные сказки, которые сам же и выдумывает с легкостью поистине невероятной. Только не подумайте, что его держат в школе из милости: редко встретишь такого знающего и компетентного учителя, как он.

И вот, представьте, как-то раз, повстречав на улице одного из своих учеников, он купил ему мороженое и начал рассказывать очередную такую сказку. Тут словно из-под земли вырос отец ребенка. Сакариас — так зовут учителя — назвал себя и предложил повторить то, что он уже рассказал. (Могу себе представить, какое впечатление Сакариас произвел на отца своего ученика — в общем, наверно, такое же, как на всех прочих. Смотришь в его бледно-голубые глаза и гадаешь: «Он и вправду так прост или только прикидывается?»)

— Папа, это мой учитель! Пусть рассказывает дальше — ведь такого не знает больше никто!

— Тихо, Габриэлито! Ты не слышал разве — сеньор учитель говорит, что снова расскажет свою сказку, с самого начала.

— Да, действительно, иногда я рассказываю своим ученикам истории вроде этой, и мне кажется, что, поселяя в их душах некоторое беспокойство, я приношу им тем самым неоценимую пользу. Истории, которые я им рассказываю, озадачивают их и заставляют задуматься, — заметил Сакариас.

— Много-много тысячелетий назад от далекого будущего, — начал он, — на земле существовало животное по имени «кошка». В городах, которые люди строили тогда, чтобы быть поближе друг к другу (из чего проистекали некоторые хорошие и многие дурные последствия), эти маленькие зверьки привольно жили и множились. А когда люди бросили их на произвол судьбы, они оказались практичнее, а может быть, удачливее, чем собаки, которые исчезли с лица земли много раньше, и, судя по всему, из-за своей чрезмерной преданности человеку. (В таких вещах, оказывается, тоже нужна мера.)

Некоторые исследователи, пишущие теперь об эпохе, в которую жили собаки и кошки, утверждают, будто собаки, поняв, что развитие цивилизации угрожает стереть их с лица земли, научились ходить на задних лапах и пользоваться передними, как руками, хотя и не так ловко, как пользуемся мы своими. Однако преимущества, которых они добились, приобретя эти способности, оказались весьма недолговечны: человек все чаще и чаще прибегал к услугам роботов, и роботы постепенно стали оттеснять собак. Ты знаешь, что такое робот, Габриэлито?

— Знаю, учитель, на днях вы нам объясняли это в классе.

— Наверно, вы задаете себе вопрос: как исчезли эти животные (я имею в виду собак)? Да очень просто: мы перестали их любить, и они ушли от нас. К тому же всемогущее время породило в нас страшную брезгливость или, точнее сказать, неодолимое чувство брезгливости к собакам. Особенно неприятно нам было видеть, как они удовлетворяют свои естественные нужды.

Роботы, которые таких нужд не знают вообще, казались нам тогда вершиной совершенства.

И вот в один прекрасный день мы решили, что у сук больше не должны рождаться щенки. Очень возможно, что перед этим шел разговор о газовых камерах, поголовном отравлении и прочем в том же роде. Поскольку мы на это не пошли, можно полагать, что мы сумели найти решение, достойное человека.

Кто знает, может быть, собаки ушли от людей как раз потому, что хотели спасти своих сук, которые все еще продолжали приносить щенков. После того как человек от них отвернулся, самой обычной смертью для собак стала смерть от печали и голода. Из жизни бок о бок с человеком у них осталась привычка к витаминам и искусственной пище, приготовленной путем химического синтеза. Человек к тому времени уже почти совсем перешел на синтетическое питание, а собакам оно так понравилось, что они прежнюю пищу теперь и в рот не брали, и это нас очень радовало: ведь настоящей пищи оказалось очень мало, и по сравнению с новой пищей она была страшно дорога. Но поскольку окончательно на современное питание мы тогда еще не перешли, остатки синтетической пищи и тем более витаминные таблетки можно было найти на городских и деревенских свалках лишь изредка. Собаки очень дорого заплатили за быстроту, с какой они приспособились к синтетическому питанию. Мы знаем: они пошли на это, чтобы уменьшить наши затраты на них, но, кроме того, собаки очень хотели доказать нам, что они во всем способней роботов.

В нужде приходится брать то, что дают, ни от чего не отказываясь, и в этом отношении собаки ничем не отличались от остальных животных и от нас, людей. Около шестидесяти, а может быть, семидесяти пяти процентов собак снова вернулось к прежней пище, но брать ее им теперь было неоткуда — оставалось только выпрашивать ее или искать на помойках. Места, которые они занимали прежде за нашими столами, когда им, случалось, перепадало по нескольку ложек синтетической пищи и по две-три витаминных таблетки, заняли теперь те, кто был устроен совершенней и с любым делом справлялся лучше, чем они. Я имею в виду роботов: они ничего не едят, зато всегда готовы поддержать живую занимательную беседу. Кстати говоря, они очень остро-

умны. Например, откинется робот, как после сытого обеда, на спинку стула и, вертя спичку между своими огромными металлическими пальцами, шутит: «Как мне досаждают эти крошки между зубами!»

— Учитель, а как мы сделали, чтобы у собак не было больше щенят?

— Давали им такую таблетку, Габриэлито...

— Учитель, а где продается синтетическая пища?

— Нигде. Ведь я рассказываю сейчас о том, что только может случиться через много-много столетий.

— А от голода в этом будущем умерли все собаки?

— Нет, Габриэлито, от голода умерло самое большее процентов сорок всех собак. Эти собаки так привыкли к витаминам и синтетическому питанию, что не смогли вернуться к прежней пище. Сыграло здесь роль и самолюбие. Иными словами, Габриэлито, похоже на то, что эти собаки предпочли голодную смерть унижениям, выпадавшим на их долю. Дошедшие до нас хроники той эпохи говорят, что среди собак распространилась болезнь, которую назвали «печаль». Она повлекла за собой бесчисленное множество смертных исходов, и это наводит на мысль, что и те сорок процентов, которые, как полагают, умерли от голода, на самом деле тоже умерли от печали или от другой похожей на нее болезни, название которой позабыто (по всей вероятности, из-за того, что утеряны исторические документы, где оно упоминалось).

Больной, или, как тогда говорили, «печальной», была такая собака, чей желудок отказывался принимать витамины и вообще какую бы то ни было пищу, и когда ей отказывали задние лапы (а такое состояние наступало очень скоро), она должна была испытать худшее из всех унижений: снова вернуться к хождению на четырех ногах. Это означало, что наступает конец... Нет, собаки никогда не были для роботов серьезными конкурентами в борьбе за внимание и благосклонность человека. Слишком многое говорило не в их пользу: у них не было дара речи, и они не умели делать разные вещи, которые умеют делать роботы.

На этом месте отец мальчика прервал рассказ вопросом (я так и вижу перед собой этого сеньора — чуть улыбающегося или с немного растерянной физиономией,

но в обоих случаях очень заинтересованного тем, что ему пришлось услышать):

— Скажите, а какую роль в этой истории играют кошки? Сначала вы сказали, что они исчезли с земли гораздо позже собак, но больше их не упоминали. Не забыли ли вы о них?

— Сейчас речь пойдет именно о кошках — о собаках я и так уже сказал больше чем достаточно. Так вот, вина за исчезновение кошек, или, точнее говоря, за их полное уничтожение, лежит на роботах. Роботы решили их уничтожить и, не сказав ни слова нам, людям, стали травить кошек одну за другой, пока не истребили их всех до единой.

Даже если придерживаться одних лишь строго установленных фактов, у кого еще могут возникнуть сомнения в том, что именно роботы задумали и осуществили уничтожение кошек? Но немного истории. После смерти последней собаки мы, люди, поняли наконец, что вели себя плохо, очень плохо. Это было для всех полной неожиданностью: давным-давно никто уже не считал себя способным испытывать такие вышедшие из моды чувства, как раскаяние. И теперь мы стали искать у кошек утешения, которое раньше нам давали собаки. Каждый покупал себе кошку, чтобы баловать и холить ее — если не ласками (уже за много столетий до этого мы стали слишком серьезными для того, чтобы позволять себе такие глупости), то обильной пищей и хорошим обращением. Для нас кошки имели перед собаками одно огромное преимущество: они не предавались любви и не отправляли другие свои нужды у нас на глазах.

Как столетиями раньше собаки, так теперь кошки научились ходить на задних лапах и кое-как манипулировать передними. Роботы, чья власть в те времена была далеко не столь всеобъемлющей, как в наши дни, испугались, что кошки проявят способности, о каких собаки не смели и мечтать. Больше всего встревожило роботов то, что в один прекрасный день кошки заговорили и стали соперничать с ними в красноречии, и это было для роботов страшнее всего, ибо кошки стали занимать их места на производстве. Дело в том, что все производство было тогда уже в руках роботов, а человек занимался искусством, наукой, спортом, а также открытием и освоением других планетных систем.

На земле было много миллионов кошек, и уничто-

жить их было роботам очень нелегко. Однако с самого начала они держали в своих металлических руках ключ к решению этой проблемы — нашу пищу, нашу одежду, наше жилище. Ведь все это производили они!

Прошло некоторое время, и когда этого меньше всего ожидали, была обнаружена первая мертвая кошка. И мы удовлетворились тем объяснением, какое роботы дали нараставшей день ото дня лавине смертей. Роботы говорили о болезни, похожей на печаль, — о той, что в другие, отдаленные времена унесла в могилу миллионы собак. И мы молча примирились с исчезновением кошачьего племени — много раньше, чем на земле перестало дышать последнее мяукающее существо.

А вслед за ними начали целыми видами вымирать другие животные — похоже, что другого выбора у них не было. Если мы сейчас в будущем, о котором я рассказываю, придаем этому такое значение (ведь нам следовало насторожиться с самого начала, хотя тогда, пожалуй, мы были еще не в состоянии направить историю в другое русло), то происходит это потому, что теперь мы единственные млекопитающие, еще остающиеся на земле. Почти все, что у нас есть, мы вынуждены делить с роботами, они стали бо́льшими хозяевами земли, чем мы сами, и — что позорнее всего теперь — мы уже не можем без них обходиться.

Трудно поверить, но мы ходим теперь, в нашем будущем, так же тихо и крадучись, как знаменитые сыщики XIX—XX веков. Тайком от роботов мы произвели расследование и с полной достоверностью установили, что именно они уничтожили кошек в начале той эпохи, когда на земле стали исчезать один за другим целые виды животных. Мы раскопали фабрики синтетической пищи, построенные роботами для кошек, и обнаружили под микроскопом (помнишь прибор, который я несколько раз рисовал на доске, Габриэлито?) следы яда, который применили роботы. Мы не смогли пока установить с такой же достоверностью, что роботы ответственны и за гибель других живых существ, возможно, их уничтожило само развитие цивилизации. Они вымирали постепенно, как будто в ходе естественного процесса, и очень может быть, что нам так никогда и не узнать, что именно с ними произошло.

И вот впервые за время их существования роботы превратились для нас в проблему номер один. Они на-

водят на нас немыслимую тоску своей пустопорожней болтовней и тем всепоглощающим интересом, который пробуждает в них каждое наше дело, даже самое пустячное. Их просто невозможно узнать: со времени исчезновения кошек они утратили многие из лучших своих качеств. И, как следовало ожидать, мы начали создавать теории и пытаемся ими объяснить перемены, которые наблюдаем в роботах.

Утверждается, в частности, что роботы путем подражания усвоили худшие человеческие качества, например, что это люди подали им дурной пример, уничтожая собак.

А затем атмосфера одиночества, воцарившаяся на земле со времени исчезновения млекопитающих, вызвала в электронном мозгу роботов определенные тонкие нарушения и — как следствие — непреодолимую тягу к обществу людей, в котором они чувствуют себя более защищенными.

Преступление, в котором мы их уличили, было вызвано питаемым ими в отношении нас болезненным чувством ревности.

Наконец, нашей главной ошибкой, — а из-за нее, может статься, нам придется навсегда покинуть эту планету, — было то, что во главе заводов, производящих роботов, мы поставили самих роботов, в результате чего мы, люди, оказались в незначительном меньшинстве, и...

— Простите, что перебиваю вас, мне очень хотелось бы узнать, чем кончится ваша сказка, но в пять у меня назначена встреча, а уже без двадцати. Идем, Габриэлито, и не проси меня, чтобы мы задержались хоть на секунду — это невозможно!

— Чем все кончилось, учитель? Люди улетели с Земли на другую планету?

— Да, Габриэлито, они покинули Землю, и роботы остались ее полновластными хозяевами — но им стало так тоскливо и одиноко, как не бывало еще никогда... Надеюсь, я не очень наскучил вам своей сказкой? Ее стоило сделать покороче, но...

— Откровенно говоря, я не совсем ее понял. Она... м-м... занятная, но до меня как-то не доходит... До свиданья. Габриэлито, пошли!..

КШИШТОФ БОРУНЬ,

польский писатель

•

Cogito, ergo sum...

Камни словно бы ожили... Растут, вспухают, раздирают спайки... Белые стиролитовые спайки... Меня так и тянет отступить, помчаться вверх по ступеням, убежать от того, что уже здесь, рядом, передо мной, но я не могу преодолеть парализующий страх...

Вспышка света. И уже нет ни разбухающей стены, ни мрачного коридора, ни истлевших ступеней... Теперь я понимаю, что это был всего лишь сон, и чувствую колоссальное облегчение.

Мучительный, кошмарный сон — настойчиво повторяющийся с детства. Скрипящие ступени, ведущие в подвал. Из мрака проступает темная, закопченная стена. Сквозь пролысины в штукатурке проглядывают большие шершавые камни — фундамент нашего дома. Я спускаюсь в густеющий мрак и, уже коснувшись ладонью камней, слышу позади шорох шагов, резкий скрип заржавевших петель, и меня охватывает непроглядная темень. Потом шаги удаляются и наступает тишина. Гнетущая, наполненная страхом и бессильной злобой. Достаточно преодолеть несколькими прыжками ступени, отделяющие меня от подвальной двери, и опять вернется свет. Но я знаю, это бессмысленно — Михаль, затаившийся в коридоре, только и ждет, чтобы опять захлопнуть дверь.

Я должен побороть страх и дойти в темноте до пово-

рота. Оттуда всего несколько шагов до тяжелой изогнутой задвижки, которую надо поднять, чтобы увидеть свет, проникающий сквозь зарешеченное оконце.

Я всегда боялся мрачного подвала, и всегда мне удавалось преодолеть страх, когда ребенком я спускался за картошкой или углем... Так было наяву.

Но во сне было иначе. В снах как бы сосредоточивались все желания и опасения, которым не было доступа в сознание наяву. Меня охватывала злость на Михаля, я гнался за ним по крутым ступеням вверх до закрытой двери, в бессильном бешенстве молотил кулаками в твердые, покрытые потрескавшейся краской доски. Только потом приходил страх. Другой страх... которого невозможно побороть. Усиливающийся с каждой секундой. Мускулы слабели от этого непреодолимого страха... Я чувствовал, что это приближается, хотя никогда не мог определить, что это и откуда оно придет...

Всегда одно: подвал, запертая дверь, парализующий страх, освободиться от которого можно только... проснувшись.

И теперь то же... Как будто все так же, и все-таки не так... Разбухшая, выгнутая стена... Пожалуй, это появилось впервые. Что за стена? Белые стиролитовые спайки... Откуда взялся стиролит в подвале? Такое может привидеться только во сне...

Вспышка. Как темно... Неужели надвигается буря? Странно. Абсолютная темнота — даже окошка не видно. Перед глазами мельтешат мириады искорок, какие-то темные и светлые пятна, непрестанно изменяющие цвет и форму.

Опять всплеск света. Один, второй, третий... Напоминает блеск фотовспышки, отраженный от белой или желтой стены. Потом опять темнота. Непроницаемая.

Открыты ли у меня глаза? Странно, но я не в состоянии этого определить. Шевелю веками, но не чувствую их... Как чешется правая нога! Я хочу коснуться ее. Пожалуй, мне действительно удалось согнуть ногу, и теперь я тянусь к ней рукой... Хотя... я не уверен в этом. Может быть, у меня отказали органы осязания? Я не могу поручиться, что касаюсь ноги...

А может, я все еще сплю? Можно ли видеть во сне, что ты спишь?

Вспышка. На этот раз как будто более продолжительная... Потом две коротких... Осветило стену. Какую стену?

Ничего не понимаю... Хорошо помню, я уже укладывался спать, когда позвонила Анка и сказала, что в С-4 повышается давление... Все время после обеда мы работали, и все было в порядке. Реакция затухала. Как и всегда, при резонансных частотах... После звонка Анки я оделся и сразу же поехал в лабораторию...

Опять вспышки. Два раза. Короткая и длинная. Словно буква «А» в азбуке Морзе. Только вряд ли это действительно сигналы.

Где я?.. В лаборатории?.. Белая стена, что за белая стена? Дома нет такой стены... Впрочем, не помню, чтобы я возвращался домой... Домой? Я не знаю даже, как окончился опыт...

Вспышка. Какая длинная... И три короткие. Вроде буквы «Б». Неужели действительно сигналы? Кому понадобилось сигналить морзянкой? И зачем?

Опять вспышки. Передают алфавит. Что за странная забава? А может, соседский мальчишка?..

Вспышки следуют одна за другой: «Е» и «Ж».

Это начинает нервировать. Разве я обязан смотреть на эти вспышки?

Почему я не могу прикрыть глаза рукой? Почему не знаю, что с рукой творится? А может, это паралич? Может, я в больнице?

Кажется, я начинаю что-то вспоминать. Вспухающая стена... Это был не подвал, а лаборатория. Белые стиролитовые спайки... И крик. Да. Это был крик Анки...

Но что потом? Что было потом?

Все время сигналят... Пожалуй, «Ю»... А теперь «Я». Ну наконец-то алфавит кончился.

Нет. Опять начинается.

«Б... Р... А... Ц... К... И... Й...»

Меня.

«Я — С... К... Р... И... Н... А...»

Скрина? Почему Скрина? Зачем?

«ЕСЛИ ТЫ ПОНЯЛ СИГНАЛЫ, НАЙДИ СУММУ ПЯТИ ПЕРВЫХ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ».

Что это значит? Чего ради мне заниматься арифметикой? Первые простые числа... 2, 3, 5, 7, 11... Два плюс три — пять, плюс пять — будет десять, плюс семь — уже семнадцать, плюс одиннадцать — двадцать восемь...

Опять вспышки.

«ВСЕ В ПОРЯДКЕ. У НАС С ТОБОЙ КОНТАКТ НЕ-

ПОСРЕДСТВЕННО ЧЕРЕЗ КОРУ. ПОПРОБУЙ ПОШЕВЕЛИТЬ ПРАВОЙ РУКОЙ».

Что все это значит? Контакт через кору... Непосредственно через кору... Неужели эти вспышки... раздражение коры мозга? Но почему? Неужели полный паралич? Но ведь Скрина велел мне пошевелить рукой. Я прочел безошибочно: «Попробуй пошевелить правой рукой...»

Пошевелил. Ничего не чувствую.

Опять сигналит.

«ХОРОШО. ТЕПЕРЬ ЛЕВОЙ».

Пытаюсь, но ничего не ощущаю. И эта тишина...

«ПОРЯДОК. ПРАВАЯ РУКА — ТОЧКА, ЛЕВАЯ — ТИРЕ. МОЖЕШЬ ПЕРЕДАВАТЬ. ЗАПОМНИ: ПРАВАЯ — ТОЧКА, ЛЕВАЯ — ТИРЕ. ДОСТАТОЧНО ПОШЕВЕЛИТЬ ПАЛЬЦАМИ».

Ничего не понимаю. Хотя... Ну, ясно же! Я потерял слух и речь. Неужели я действительно не могу говорить? Откуда они знают? Ведь я и не пытался.

— Скрина!

Ничего не слышу. Не слышу собственного голоса... Сказал ли я вообще что-нибудь? Не знаю. Ничего не знаю и ничего не чувствую.

Они передали, что поддерживают со мной связь через кору... Что это значит? Может быть, я полностью потерял способность воспринимать сигналы с помощью органов чувств? Поэтому не чувствую даже боли? Им приходится использовать электрические раздражители. Вспышки. Вероятно, они воздействуют непосредственно на зрительный центр. А Скрина велел складывать числа, чтобы с помощью электроэнцефалографа установить, способен ли я вообще сознательно мыслить.

Однако любопытно, что я могу шевелить руками. Только действительно ли я шевелю руками?

Правая рука — точка, левая тире. Могу спрашивать...

«ЧТО СО МНОЙ?»

«ПЛОХО. У НАС С ТОБОЙ КОНТАКТ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ КОРУ. ТЕБЯ ОЧЕНЬ УТОМЛЯЕТ СИГНАЛИЗАЦИЯ?»

Что-то они крутят. Почему не отвечают прямо?

«СКРИНА, ГОВОРИ ПРАВДУ, ЧТО С АНКОЙ?»

Почему нет вспышек? Почему они молчат? Может быть, Анка погибла и они боятся ответить?.. Ее крик...

«ОНА ПОГИБЛА?»

Опять вспышки: точка, точка, тире, точка, тире...

Не знаю... В голове кружится, словно от вина... Точки это или тире? Что они?.. Ничего не могут понять... Что они?..

Кажется, я заснул. Вспышки... Надо быть внимательнее...

«... ПРИНИМАЕШЬ...»

Видимо, конец фразы.

«ПОВТОРИТЕ».

«МЫ СПРАШИВАЛИ, ПРИНИМАЕШЬ ЛИ ТЫ УЖЕ НАШИ СИГНАЛЫ, ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ ПЛОХО?»

«Я, КАЖЕТСЯ, ЗАСНУЛ».

«ВРЕМЕННЫЙ ОБМОРОК. НЕДОСТАТОК КИСЛОРОДА. СОСРЕДОТОЧЬСЯ. ТЫ ПОМНИШЬ МОМЕНТ ПЕРЕД ВЗРЫВОМ?»

Так, выходит, это действительно был взрыв... Анка звонила, что в С-4 возрастает давление. Я поехал в лабораторию. Помню еще, что Анка стояла у контрольного окна. А я? Кажется, подошел к щиту управления... Но что было дальше?

«Я СТОЯЛ ОКОЛО ЩИТА. ДАЛЬШЕ НЕ ПОМНЮ».

«ВСПОМНИ, ЧТО ТЫ ВИДЕЛ НА ЩИТЕ».

Третий экран... Да, я смотрел на третий экран. Что-то меня удивило... Но что? Анка стояла перед окном... Там что-то горело... Оранжевым... Потом желтым... И белый, ослепительный свет... Цепная реакция продолжалась... Помнится, я изменил фазу... Нет. Фаза уже была изменена. Анка? Нет. Теперь я вспомнил. Это я первый заметил... И сказал, что боюсь, как бы не затух резонанс... составляющая эн-лямбды... Да. Теперь я начинаю понимать... Анка сказала, что пыталась повысить мощность составляющей эн-лямбды. Думала, она слишком низка. А ведь я ей говорил...

Двадцать семь удачных опытов. Нарастающие заряды. И полная нейтрализация за предвычисленный промежуток времени.

Двадцать семь... Этот двадцать восьмой. Неужели Скальский был прав, утверждая, что при определенных условиях может быть нарушена стабильность и процесс пойдет в обратном направлении?

Теперь я понимаю беспокойство Скрины. Если вместо нейтрализации ядерного заряда произойдет взрыв...

Шесть лет работы — и все впустую...

Впустую ли? Ведь это просто ошибка Анки. Анки? Может, это я допустил какую-то ошибку?

Что я делал у щита? Теперь я понимаю, почему это так важно.

Меня опять тянет в сон. Зачем Скрина морочит мне голову? Чего ради он меня мучает? Неужели нельзя подождать, пока мне станет лучше. Пока я смогу говорить и слышать.

А может, я уже никогда не буду слышать и видеть? Может, с момента взрыва прошло несколько месяцев? Может, я все это время лежал без сознания?

Скрине одному не справиться... А еще так недавно задирал нос...

А может, просто нельзя больше ждать?

Если удастся расширить радиус резонансного поля до нескольких тысяч километров, то опасность термоядерной войны перестанет существовать. Не взорвется ни один снаряд. Но если стабильность процесса в результате действия каких-то неизвестных факторов будет нарушена и произойдет изменение фазы... Камера не выдержала взрыва... Это значит, что для высвобождения энергии не требуется критической массы... Даже миллиграммовый заряд...

Я понимаю опасения Скрины... Но ведь у него есть мои расчеты. Даже если Анка погибла, он должен сориентироваться. Анка погибла... Откуда я знаю, что она погибла? Никто не подтвердил моих предположений.

Сколько вопросов, сколько сомнений...

Незаменимых нет. Значит, дело во времени...

В субботу я должен был встретиться с Евой. Полгода ее не видел...

В середине июня собирался поехать отдыхать... Я думаю обо всем, только не о том, о чем надо. Надо взять себя в руки. Ведь кое-что я все-таки помню.

«Я ЗАМЕТИЛ ИЗМЕНЕНИЕ ФАЗЫ, ВЕРОЯТНО, В РЕЗУЛЬТАТЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ЭН-ЛЯМБДЫ. ВСЕ БОЛЕЕ ЯРКИЙ СВЕТ В КОНТРОЛЬНОМ ОКНЕ. ДАЛЬШЕ НЕ ПОМНЮ».

Уже мигает:

«ТЫ ПЫТАЛСЯ ЧТО-НИБУДЬ ИЗМЕНИТЬ?»

«КАЖЕТСЯ, ДА. НО НЕ ПОМНЮ, ЧТО У ВАС ЕСТЬ ЗАПИСЬ».

«ЗАПИСЬ ПОГИБЛА. КРОМЕ ТОГО, МЫ НЕ МОЖЕМ НАЙТИ ТВОЮ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ».

Записная книжка... Действительно. В четверг вечером мне в голову пришла мысль о трансформации. Составляющая тэта могла принимать отрицательные значения. Я по-

казал Анке, и, кажется, это ее проняло... Может быть, поэтому она и пыталась повысить мощность эн-лямбды.

Может быть, она взяла книжку. Нет. Пожалуй, я взял... Положил во внутренний нагрудный карман.

«КНИЖКА БЫЛА ПРИ МНЕ».

«ТЫ НЕ СДЕЛАЛ ФОТОКОПИИ?»

«НЕТ. ЧТО С КНИЖКОЙ?»

«СГОРЕЛА».

Так. Значит, у них нет моих расчетов. И Скрина не может знать об изменении знака составляющей тэта. Я вообще не говорил с ним о преобразовании последнего варианта. Не было времени. Теперь я понимаю, почему ему так нужна моя помощь.

Говорит, что записная книжка сгорела... Кто ее сжег?

Глупец, это же ясно. Она сгорела после взрыва. Возник пожар. Может быть, даже образовалось что-то вроде огненного шара. Если радиоактивный распад действительно вместо торможения ускоряется... Быть может, даже больший, чем до сих пор, процент массы покоя переходит в энергию... Необходимо это рассчитать...

Ирония судьбы: мы искали путей, чтобы обезвредить смертоносные свойства ядерных снарядов, а нашли способ изготовлять еще более мощные бомбы. Как же легко «ангела мира» превратить в «демона смерти». Достаточно сменить фазу...

«ТЕОРИЯ СКАЛЬСКОГО?» — спросил я.

«ДА».

Итак, это случилось...

Кажется, я опять потерял сознание. Видимо, дело скверно. Однако почему они так мучают меня? Почему не подождут, пока я приду хоть немного в норму?

А приду ли? Что я, собственно, знаю о своем состоянии? Ничего у меня не болит, но я и ничего не чувствую. Я словно колода...

Впрочем, нетрудно представить себе, как я выгляжу. Если записная книжка полностью сгорела...

«СКРИНА, СКАЖИ ПРАВДУ, ЧТО СО МНОЙ? У МЕНЯ ВООБЩЕ ЕСТЬ ШАНСЫ ВЫЖИТЬ?»

Не отвечают... Тянут. Видно, нелегкое дело...

«НЕ СКРЫВАЙТЕ НИЧЕГО».

Наконец вспышки света:

«ТЫ ОЧЕНЬ СИЛЬНО ПОСТРАДАЛ. ТЕЛО НЕ УДАЛОСЬ СПАСТИ, НО У ТЕБЯ ЕСТЬ ШАНСЫ. ЕСЛИ СОГЛАСИШЬСЯ, МЫ ЗАМОРОЗИМ ТВОЙ МОЗГ».

Что все это значит? Что это Скрина плетет? Заморозить? Меня?

Видимо, состояние безнадежное. Они рассчитывают на то, что в будущем, когда медицина сделает дальнейшие успехи, меня смогут спасти...

Нет, тут что-то не так. Он говорил только о мозге. Почему они хотят сохранить только мозг? Никогда не соглашусь...

Не соглашусь? Через сто или тысячу лет — другое тело... Все равно — искусственное или естественное... Что он плетет?

А может, это уже случилось? Может, я только мозг... Без глаз, без ушей, без рук...

Правая рука, левая рука... Это только плод моего воображения. Только колебания биотоков, которые возникают при каждой мысли в соответствующих двигательных центрах мозга, управляющих правой либо левой рукой, сигнализируют о том, что я мыслю, существую, хочу знать...

Страшно...

«ТОЛЬКО МОЗГ»?

«ДА. НО У ТЕБЯ ЕСТЬ ШАНС».

Шанс... Что делать? Ухватиться, словно утопающий, за последнюю соломинку спасения в надежде, что она удержит меня на поверхности?..

Честно говоря, мне все равно... Нет. Не все равно. Не ради самой жизни, а ради того, чтобы увидеть будущее, я готов воспользоваться этой единственной возможностью.

Чем скорее, тем лучше... Что связывает меня с теперешним миром? Миром, полным противоречий, которые все труднее распутывать?..

Да, но и я в этом участвовал...

«СКРИНА, СКАЖИ, ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ. НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ПРЕРВАТЬ ОПЫТЫ?»

«УЖЕ НЕЛЬЗЯ. ПРЕРВАТЬ ОПЫТЫ — ЗНАЧИТ ОТДАТЬ СЕБЯ НА ВОЛЮ ПРОТИВНИКА. ТЫ МОЖЕШЬ ГАРАНТИРОВАТЬ, ЧТО ОН БУДЕТ КОЛЕБАТЬСЯ?»

Скрина прав. Но понимает ли он последствия своей правоты?

«НЕОБХОДИМО ПОПРОБОВАТЬ. У НАС НЕТ ВЫБОРА. А ВРЕМЯ УХОДИТ!»

«Я НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ».

«ПРОФЕССОР ГАЛЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ГИПНОЗ. ТОГДА МОЖНО БУДЕТ ПРОНИКНУТЬ В ПОДСОЗНАНИЕ».

«НО ЭТО НЕВОЗМОЖНО. У ВАС ТОЛЬКО МОЙ МОЗГ».

«ГИПНОТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ МОЖНО ВЫЗВАТЬ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ИМПУЛЬСАЦИЕЙ. ТЫ СОГЛАСЕН?»

Как ответить? Что охотнее всего я забыл бы обо всем? Что я уже не хочу брать на себя ответственность за то, что уничтожено пожаром и что сейчас продолжается в тканях моего изолированного от мира мозга?

Изолированного ли? Разве именно то, что происходит сейчас, не доказывает, как прочно я связан с моим миром? Что только этот мир связывает меня с миром будущего... Что я тоскую по нему, верю, что он будет счастливее, лучше?

Опять начинается головокружение...

Что-то я слишком часто теряю сознание... Неужели они этого не видят?

Вспышки за вспышками...

«...НЕ ХВАТИТ ВРЕМЕНИ».

На что не хватит времени? О чем он?

«ПОВТОРИ».

«ТЫ СОГЛАСЕН НА ЗАМОРАЖИВАНИЕ?»

«ДА, НО О ЧЕМ ТЫ СИГНАЛИЛ?»

«СЕЙЧАС НАЧИНАЕМ».

Что начинают? Замораживание?

«КАК С ЗОНДИРОВАНИЕМ ПОДСОЗНАНИЯ?»

«К СОЖАЛЕНИЮ, НА ЭТО НЕ ХВАТИТ ВРЕМЕНИ. В ТВОЕМ МОЗГУ НАЧИНАЮТСЯ НЕОБРАТИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ ИХ ПРЕДОТВРАТИТЬ. БОЛЬШЕ ТЯНУТЬ НЕЛЬЗЯ. ЗОНДИРОВАНИЕ ПОДСОЗНАНИЯ ЗАЙМЕТ НЕ МЕНЬШЕ ЧАСА. И ТЕБЯ УЖЕ НЕВОЗМОЖНО БУДЕТ СПАСТИ. ВЫБИРАЙ».

Итак, я опять должен выбирать... Который мир должен стать моим миром?

Разве я могу колебаться? Ведь именно об этом я мечтал всю жизнь. Сама природа и случай освобождают меня от ответственности...

Освобождают. Путей развития много. Если Скрина сможет использовать только разрушительные свойства эффекта изменения фазы... Если не использует всех воз-

можностей... Существует вероятность... Это следует из теории...

Убегая из нашего времени, я не мог бы без стыда смотреть в глаза тем, с которыми встречусь в будущем...

«СКРИНА. Я ХОЧУ, Я ОБЯЗАН ВСПОМНИТЬ».

«ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧЕМ ЭТО ГРОЗИТ?»

«ЗНАЮ. НО ИМЕННО ЭТО И ЕСТЬ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС».

...Мне хочется бежать. Спрятаться от того, что тут, рядом со мной. Но страх парализует мускулы.

Я обязан преодолеть страх. Должен дойти в темноте до поворота, чтобы открыть дверь... Чтобы опять увидеть свет.

Нет. Это не свет сочится сквозь зарешеченное окошко. Это контрольный щит. Я в лаборатории, а в глубине, направо, около контрольного окна, — Анка. Она с беспокойством смотрит на меня.

«ПОСМОТРИ НА КОНТРОЛЬНЫЙ ЩИТ, — сигналит Скрина, — ПЕРЕДАВАЙ ПОКАЗАНИЯ ПРИБОРОВ».

Я читаю медленно и руками почти автоматически передаю сигналы. Длинные ряды цифр — одну за другой.

«ВЫНЬ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ. ОНА В КАРМАНЕ ПИДЖАКА, — сигналит Скрина. — ОНА УЖЕ У ТЕБЯ В РУКЕ. ТЫ ОТКРЫВАЕШЬ ЕЕ И ПЕРЕДАЕШЬ ДАННЫЕ».

Действительно, я вижу перед глазами белые листки записной книжки. Листки, заполненные рядами знаков и цифр.

Как хорошо я знаю эти формулы! Вот здесь Анка поставила вопросительный знак. И была права. Именно здесь началось. Ключевой эффект фазовой составляющей тэта.

Я передаю знак за знаком, цифру за цифрой.

Фаза перемещается. Ядерный резонанс. Резонанс, изменяющий внутреннюю структуру материи...

Неужели действительно эти черные значки на белом листке могут так много значить для будущего мира?..

ЙОЗЕФ НЕСВАДБА,

чешский писатель

•

АНГЕЛ СМЕРТИ

Светает. Тени отступают, окружающие предметы ярко окрашиваются, небо становится светло-голубым — восход смерти. Через несколько часов подымающаяся на небосклоне звезда вспыхнет ослепительно белым светом, во много раз увеличится, зальет небо расплавленной ртутью, высушит поверхность этой планеты, сожжет все и сольется со своим раскалившимся спутником в единую гигантскую сверкающую массу.

Я знаю это наверняка: ведь из-за этого-то мы сюда и прилетели. Несколько дней назад нам, в восемнадцатый округ Галактики, сообщили, что должна вспыхнуть переменная звезда Альфа-4 Каменного острова. Поскольку ученые полагали, что у этой звезды есть несколько планет, на которых возможна жизнь, нам было приказано отправиться в путь. Я сгорал от нетерпения. С нашей станции давно уже не летали ни к одной новой, так как эти полеты считаются особенно опасными. А я работаю всего первый год и еще не пережил ни одного приключения.

У Альфа-4 Каменного острова девять планет. Три из них окружены глубокой атмосферой, содержащей кислород, и каждую мы обследовали отдельно. Самые интересные явления отметили на Третьей планете. Часть ее покрыта водой, и мы сначала предположили, что разумные

существа живут здесь в мелких морях, как это бывает на иных планетах. Но уже с большой высоты можно было заметить, что некоторые континенты там цивилизованные: виднелись большие скопления зданий и четырехугольники обработанных полей. Кое-где жилища стояли очень скученно; очевидно, городское строительство находилось на примитивном уровне.

Мы пытались договориться с обитателями планеты, так как командир не хотел вызывать войны или даже простой стычки с ними теперь, когда мы, собственно, приносили им роковую весть. Вряд ли они смогут выдержать огромную температуру, когда вспыхнет их звезда. Им оставалось лишь одно — перебраться на новое место, но, видимо, цивилизация здесь не достигла необходимой для этого ступени развития. Будь у них возможность переселиться на какую-нибудь отдаленную планету, они наверняка не стали бы ждать нашего предостережения. Да и техника у них, по-видимому, на низком уровне: мы вызывали их на всех волнах, простейшими кодами, но никто не откликнулся. Как знать, может быть, у них и электричества-то нет. Нам оставалось только систематизировать материалы, которые мы собрали, облетев несколько раз вокруг планеты, и доставить их в Институт космоса для сравнительного изучения цивилизаций. Да еще зарегистрировать некоторые сведения для Службы галактической информации — одна из референтов этого учреждения всю дорогу приставала к нам с какими-то глупыми вопросами. А затем вылететь по направлению к самой звезде, чтобы выяснить причины ее предстоящей вспышки и превращения в новую.

Вот эта-то попытка и привела нас к катастрофе. Звезда уже начала изменяться; мы не заметили, что ее температура повысилась, и, когда включили двигатели, произошло замыкание, отказал регулятор. Мы превратились в вечный спутник Третьей планеты. Немедленно была объявлена тревога. К таким событиям мы привыкли и не сразу осознали грозящую опасность. Отказал регулятор — что ж, исправим, невелика беда.

— Через тридцать часов сможем вылететь, — самоуверенно заявил инженер и вдруг побледнел.

Я вздрогнул. Тридцать часов!

За это время все планеты звезды превратятся в раскаленные пары металла. А мы спутник одной из них! Командир собрал нас в зале заседаний. Распределил за-

дания, отдал приказы: в ремонте регулятора должны участвовать все.

— Неужели вы не понимаете, что это напрасный труд? — крикнул я, увидев, какие у всех деловые, торжественные и строго официальные лица. — Зачем ремонтировать регулятор, если через несколько часов он испарится вместе с нами? Зачем заниматься бессмысленной работой? — Голос у меня дрожал.

— А что вы предлагаете? — спросил командир. — Остается только работать как положено.

— Надеяться на чудо?

— Никто не верит в чудеса, — с досадой произнес он. — Я полагал, что в школе вам объяснили, как нужно себя вести в случае опасности.

— В школе нас уверяли, что полеты на ракетах абсолютно безопасны, что мы живем в эпоху, когда вселенная давно покорена, в эпоху Галактического сообщества, когда никто не умирает зря или по глупости своих начальников...

Я пришел в отчаяние, оскорблял его, готов был разрыдаться. Мне не исполнилось и двадцати, у меня еще нет детей, меня ждет мать, и мне казалось непостижимым, что люди когда-то умирали, едва достигнув ста шестидесяти лет. Как глупо, как нелепо это было! А сейчас по вине каких-то дураков...

— Я не хочу умирать! — кричал я. — Не хочу!

Он подошел ко мне и кивнул остальным. Они быстро удалились, будто еще имело смысл спешить. Я их не понимал, они казались мне безумцами.

— Все это было лишь испытанием, дружок, — отеческим тоном сказал он, чуть ли не поглаживая меня по шлему. — К сожалению, вы не выдержали его. Придется перевести вас на пассажирские линии.

— Неужели?! — воскликнул я.

(Когда-то устраивали такие странные испытания, чтобы отобрать для важных заданий самых подходящих людей.)

— Вы хотите сказать, что звезда не вспыхнет, не превратится в новую, что мы прилетели сюда не для того, чтобы спасти разумные существа, что все это комедия, которую разыграли из-за меня, чтобы выяснить, пригоден ли я для участия в ответственных исследовательских полетах?

Он кивнул. А я покраснел.

— Тогда понимаю, почему все так спокойны. Хотел бы я посмотреть, как бы они вели себя, окажись все это явью, если бы им грозила смерть! Уверен, что кричали бы так же, как и я!

Я просил извинить меня. Жалел, что не выдержал испытания. Командир дал мне труднейшее задание — пришлось работать в скафандре на внешней стороне ракеты без связи с остальными членами экипажа.

Неподалеку от меня работала Зи. Сначала мне было немного не по себе. Я давно ухаживал за ней и понимал, что сегодняшним поведением уронил себя в ее глазах. Она строга. Легко осуждает. Я улыбался ей сквозь толстый прозрачный шлем, помогал чем мог, носил за ней мелочи, которые она оставляла. Притяжение было незначительное; казалось, что я и сам бы смог толкнуть нашу ракету на нужную арбиту.

А потом сомнения снова закопошились во мне. Если это было только испытанием, то почему оно продолжается? Почему не стартовали сразу после моего провала? Я хотел спросить Зи, но не смог, пока не пришла смена. Это были два общепризнанных остряка, два приятеля из Черного квадранта. Я ждал шуток, но они молча схватили инструменты и принялись за работу, торопясь как на пожар. Да, над нами и вправду пылала наша звезда.

— Прости, я понимаю, как все это серьезно, я вел себя ужасно, вижу, как мужественны остальные. Мне стыдно, Зи... — говорил я, помогая ей снять скафандр в каюте.

— Я тоже боюсь, — прошептала она.

Так это все-таки правда, командир обманул меня, как мальчишку!

— Значит, я умру?

— Все мы умрем... — ответила она.

Лгун! Разыграл передо мной комедию, как врач перед смертью больного, как герой перед трусом. Мне хотелось побежать к нему, но я остановился. Что ему сказать? Он тоже погибнет. В чем его упрекать? Намерения у него были самые лучшие. Я бросился в объятия Зи.

— Тогда понимаю, почему когда-то прибегали к наркотикам, — сказал я через некоторое время, когда мы лежали рядом, вслушиваясь в гудение конденсированного воздуха в вентиляторе. — И мне хотелось бы сейчас принять что-нибудь успокаивающее, какую-нибудь таблетку или микстуру, которая взбодрила бы меня. Послушай,

ведь мы знаем, где аптечка. Давай опередим катастрофу, умрем вместе счастливо и спокойно, избегнем чудовищной температуры этой страшной звезды...

Зи отодвинулась от меня.

— Ты болен? Это было бы предательством. Дезертирством... Мы с самого рождения знаем, что умрем, но никто из-за этого не кончает жизнь самоубийством. Командир отдает приказания не потому, что ему больше нечего сказать. Экипаж любого корабля во вселенной повел бы себя точно так же, никогда ни у кого не было другого выхода. Мы рождаемся и умираем, но, пока живем, думаем о работе, о пользе, которую можем принести, о своем назначении. Другого решения нет. Не помогут ни религиозный дурман, ни самоубийство. Ты рассуждаешь как дикарь или безумец, будто ничего не понимаешь...

Конечно, Зи была старше меня, но я терпеть не мог нравоучений. Она рассуждала так, словно ей было безразлично, умрет ли она, словно с самого рождения знала, что подле Третьей планеты ее сожжет новая звезда, словно наблюдала сама за собой со стороны. Неужели ей не страшно? Мы поссорились. Она хотела вызвать ко мне врача. Это, мол, распад личности. Будто неестественно, что я хочу видеть ее и свою мать, хочу еще долго наслаждаться любовью к ней, совершать далекие путешествия по вселенной и отличиться, не хочу так глупо, так бессмысленно погибнуть.

Я ушел из ее каюты и возвращался к себе запасным ходом. Весь экипаж был на носу, у регулятора. Я проходил мимо аварийных спасательных ракет. Их было три, забраться в одну из них ничего не стоило. Но куда лететь? Есть только два пути. Затеряться в космосе, одиноко блуждать во вселенной, как те, кто в древние времена потерпел аварию, с той только разницей, что здесь не проходят регулярные трассы и нет надежды на то, что тебя спасет какая-нибудь торговая ракета, — здесь только пустота и верная голодная смерть. Или полететь к той звезде и умереть сегодня же? На мгновение мне даже захотелось этого, чтобы сократить невыносимое ожидание. Впрочем, я еще могу полететь на один из континентов Третьей планеты, в какой-нибудь из ее городов, и предупредить жителей. А что, если у них есть какие-нибудь средства? Никто другой нас спасти не может. Вдруг на меня нахлынула волна жалости к ним: как Институт космоса фотографировал их жилища для сравнительного из-

учения цивилизаций, как собирал информацию! Словно там жили какие-то животные! А вдруг это разумные существа? Если они не приняли наших сигналов, попробую-ка я предупредить их. Я забрался в аварийную ракету в своем служебном скафандре. Никто не обратил на это внимания. Когда заметят мое исчезновение, я буду уже там, на планете. И сообщу им все. Я не намерен следовать примеру нашего командира. Пусть узнают. Пусть сами решат. Интересно, будут ли они так же упрямо работать, как наш тупой экипаж? И тут — стыдно сознаться — у меня всплыли дикарские представления о загробной жизни.

Я уже видел огромные острова планеты; собственно, это континенты — один обширный и плоский в северном полушарии и два треугольных на юге. Наши автоматы зарегистрировали самые большие поселения там, где залегают уголь и металлические руды. Значит, это промышленная цивилизация. Я опустился посреди континента, как описывается в книгах, в районе одного из крупных поселений. Ожидал, что меня окружат местные жители. Но не увидел ничего, кроме мрачных контуров их обиталищ из железа, бетона, керамики и примитивных пластмасс. Уровень строительства явно невысокий: здания тянутся кверху, крыши домов крутые, видно, из-за климата. Наверное, из морей испаряется вода и затем, снова сгущаясь, проливается над сушей. Мне на планете не слишком понравилось. Сразу видно, что отсталая цивилизация; я не променял бы на нее свою родину, но все же это лучше, чем смерть. Немного подождав, я включил сирены и решил стрелять или устроить пожар, только бы привлечь внимание обитателей планеты.

Но произошло совсем другое: появилась вторая аварийная ракета с нашего корабля. Раскаленная докрасна, она мчалась прямо ко мне. Я быстро выскочил из кабины, бросился к ближайшему дому и укрылся в темном углу. Они подлетели совсем близко, но не пошли на посадку, а включили громкоговоритель. Звали меня, снова и снова повторяли мое имя. Я заткнул уши.

— Возвращайся, немедленно возвращайся! — услышал я голос командира. — Нам удалось исправить регулятор, инженер сократил срок ремонта, мы сейчас стартуем...

Лжец, подумал я, знаю твои штучки, хочешь заманить меня в этот коллективный гроб, воображаешь, что я

опять поверю тебе. Тогда испытание, сейчас инженер — только бы успокоить труса. Глупец! Вторично вам меня не обмануть. Я знаю, сколько длится ремонт, немного разбираюсь в ваших механизмах. Мановением волшебной палочки их не исправишь. Зи, рыдая у микрофона, уговаривала меня вернуться, ведь здесь меня никто не спасет, я могу только повредить местному населению, говорила, что разлюбит меня. Словно мы могли надеяться на какое-то будущее!

— Хочешь стать для них ангелом смерти? Хочешь подготовить их к страшному суду? — издевалась она, будто я и впрямь был верующим. — Неужели ты не понимаешь, в чем единственное спасение от смерти?

Зачем она без конца поучает меня? Если жители этой планеты не найдут выхода, я присоединюсь к ним, хотя бы они перед гибелью даже предались безумным оргиям или впали в религиозный экстаз. Они такие же живые существа, как и я, и это объединяет нас; наверняка у них не такой бесчувственный командир, как на нашей ракете. Опять прозвучало мое имя. Они обнаружили, что я выбрался из своей ракеты, и дали мне десять секунд на размышление, а затем я должен сообщить, где нахожусь. Выждали десять секунд, а потом улетели на корабль.

— Ты сделал свой выбор. Оставайся один... — сказал на прощание командир и добавил еще несколько слов, — формулу, которая обычно сопутствует изгнанию со службы за дезертирство или преступление.

Как только они скрылись из виду, я побежал к ближайшему дому и стал колотить в ворота, но они рассыпались от моих ударов. Здания были покинуты, вся утварь запылилась и истлела. Дома пустовали. Несколько часов я бегал по городу и нигде не встретил ни одного живого существа. Временами мне казалось, что жители этой планеты невидимы или на ночь прячутся в пещеры. Но даже с помощью самого чувствительного детектора я никого не смог обнаружить. Ни в городе, ни за городом, ни под землей. Зачем бы, имея такие дома, им скрываться под землей? А может, это какой-то особый вид кротов? Сняв тонкий слой почвы, я обнаружил скелет. Человеческий скелет.

Сначала я подумал, что сошел с ума, что мне это мерещится. Как могли попасть сюда, на одну из самых отдаленных планет нашей Галактики, разумные люди? Может, это останки какой-нибудь экспедиции? А вдруг

эта планета заселена уже давно? Но зачем тогда было посылать нас в разведку? Я ничего не понимал. Мне пришло в голову включить астронавигационный детектор. В ответ послышалось: поблизости на ракетодроме должен быть склад горючего.

Ракетодром я нашел в нескольких метросекундах. Это было большое, совершенно заброшенное пространство без ракет, со старинным оборудованием времен первых галактических сражений, еще до основания сообщества. Я побежал к пульту управления. Двери передо мной рассыпались. Там стоял локатор. Невероятно примитивный. Но он указывал направление, в котором много веков назад улетели отсюда ракеты, — восемнадцатый округ Галактики, наша станция. Возможно ли это? Неужели я открыл первую планету, откуда заселялась вся Галактика, безымянную планету, название которой было забыто в эпоху вековых распрей? Так это родина первых людей, легендарная Земля? И жители покинули ее потому, что их ученые предсказали распад звезды Альфа-4, этого солнца первых поэтов? Значит, они уже давно собственным умом, своим трудом, терпеливой борьбой против смерти нашли средство спасения от катастрофы, которая сейчас разразится?!

В локаторе мелькнул огонек. Откуда? Как он сюда попал? Огонек удалился в направлении нашей планеты. Неужели одна из доисторических ракет? Нет, это наш корабль. Спасенный. На этот раз командир сказал правду. Зи тоже говорила правду. Жители этой планеты знали правду. Человечество знало правду.

Светает. Тени отступают, окружающие предметы ярко окрашиваются, небо становится светло-голубым — восход смерти. Через несколько часов подымающаяся на небосклоне звезда вспыхнет и сольется со своей планетой в единую гигантскую сверкающую массу. Сожжет все окружающее. Но только не правду, известную человечеству. Я не понял ее. И остался в одиночестве. Единственный человек, которому предстоит умереть на Земле.

Повесть

ЛАО ШЭ,

китайский писатель

ЗАПИСКИ О КОШАЧЬЕМ ГОРОДЕ

1

Межпланетный корабль разбился.

От моего старого школьного товарища, который больше полумесяца правил этим кораблем, осталось лишь нечто бесформенное. А я, видимо, жив. Как случилось, что я не погиб? Может быть, это знают волшебники, но не я.

Мы летели к Марсу. По расчетам моего покойного друга, наш корабль уже вошел в сферу притяжения Марса. Выходит, я достиг цели? Если это так, то душа моего друга может быть спокойной: ради чести оказаться первым китайцем на Марсе стоит и умереть! Но на Марс ли я попал? Могу лишь строить догадки, никаких доказательств у меня нет. Конечно, астроном определил бы, что это за планета, но я, к сожалению, понимаю в астрономии ничуть не больше, чем в древнеегипетских письменах. Друг, без сомнения, просветил бы меня... Увы! Мой добрый старый друг...

Корабль разбился. Как же я теперь вернусь на Землю? В моем распоряжении одни лохмотья, похожие на сушеный шпинат, да остатки еды в желудке. Дай бог

как-то выжить здесь, не то что вернуться. Место незнакомое, и вообще неизвестно, есть ли на Марсе существа, похожие на людей. Но стоит ли подрывать свою смелость печалью? Лучше успокаивать себя мыслью, что ты «первый скиталец на Марсе»...

Конечно, все это я передумал уже потом, а тогда у меня очень кружилась голова. Рождались какие-то обрывочные мысли, но я помню только две: как вернуться и как прожить. Эти мысли сохранились в моем мозгу, словно две доски от затонувшего корабля, прибитые волной к берегу.

Итак, я пришел в себя. Первым делом нужно было похоронить останки моего бедного друга. На обломки корабля я даже не решался смотреть. Он тоже был моим добрым другом — верный корабль, принесший нас сюда... Оба моих спутника погибли, и я чувствовал себя так, будто сам виноват в их смерти. Они были нужны и полезны, но погибли, оставив жить меня, беспомощного. Дуракам счастье — какое это печальное утешение! Друга я похороню, пусть мне придется копать могилу голыми руками. Но что делать с останками корабля? Я не смел взглянуть на них...

Нужно было копать могилу, а я лишь тупо сидел и сквозь слезы глядел по сторонам. Поразительно, но все, что я тогда увидел, я помню до мельчайших подробностей, и, когда бы я ни закрыл глаза, передо мной снова встает знакомый пейзаж со всеми красками и оттенками. Только одну картину я помню так же отчетливо: могилу отца, на которую я впервые пошел в детстве вместе с матерью. Теперь я смотрел на все окружающее с испугом и растерянностью, точно маленькое деревце, каждый листочек которого чутко вздрагивает под ударами дождевых капель.

Я видел серое небо. Не пасмурное, а именно серое. Солнце грело весьма сильно — мне было жарко, — но его свет не мог соперничать с теплом, и мне даже не приходилось зажмуривать глаза. Тяжелый, горячий воздух, казалось, можно было пощупать. Он был серым, но не от пыли, так как я видел все далеко вокруг. Солнечные лучи словно растворялись во мгле, делая ее чуть светлее и придавая ей серебристо-пепельный оттенок. Это было похоже на летнюю жару в Северном Китае, когда по небу плывут сухие серые облака, но здесь воздух был еще мрачнее, тяжелее, унылее и словно прили-

пал к лицу. Миниатюрным подобием этого мира могла бы служить жаркая сыроварня, в которой мерцает только огонек масляной лампы. Вдалеке тянулись невысокие горы, также серые, но более темные, чем небо. На них виднелись розовые полоски, точно на шее дикого голубя.

«Какая серая страна!» — подумал я, хотя еще не знал тогда, страна ли это, заселена ли она какими-нибудь существами. На серой равнине вокруг не было ни деревьев, ни домов, ни полей — одна гладкая, тоскливо ровная поверхность с широколистной, стелющейся по земле травой. Судя по виду, почва была тучной. Почему же на ней ничего не сеют?!

Невдалеке от меня летали серые птицы с белыми хвостами, напоминавшие коршунов. Белые пятна их хвостов вносили некоторое разнообразие в этот мрачный мир, но не делали его менее унылым. Казалось, будто в пасмурное небо бросили пачку ассигнаций.

Коршуны подлетели совсем близко. Я понял, что они почуяли останки моего друга, заволновался и начал искать на земле какой-нибудь твердый предмет, но не нашел даже ветки. «Надо пошарить среди обломков корабля: железным прутом тоже можно вырыть яму!» — подумал я. Птицы уже кружили над моей головой, опускаясь все ниже и издавая протяжные, хищные крики. Искать было некогда, я подскочил к обломкам и, словно безумный, начал отрывать какой-то кусок — не помню даже от чего. Одна из птиц села. В ответ на мой вопль ее жесткие крылья задрожали, белый хвост взметнулся вверх, а когти снова оторвались от земли. Однако на смену спугнутой птице прилетели две или три другие с радостным стрекотом сорок, нашедших вкусную еду. Их собратья, летавшие в воздухе, закричали еще протяжнее, словно умоляя подождать, и вдруг все разом сели. Я тщетно пытался отломить кусок от исковерканного корпуса; по моим рукам текла кровь, но я не чувствовал боли. Накинувшись на коршунов, я стал кричать, пинать их ногами. Птицы разлетелись, но одна все-таки успела клюнуть человеческое мясо. С этого момента они перестали обращать внимание на мои пинки: только норовили клюнуть мою ногу.

Я вспомнил, что в кармане у меня лежит пистолет, судорожно нащупал его и вдруг — что за наваждение! — в каких-нибудь семи-восьми шагах от себя увидел людей с кошачьими мордами!

2

«Выхватить пистолет или подождать? — заколебался я, но в конце концов вынул руку из кармана и молча усмехнулся. — Я прилетел на Марс по собственному желанию. Еще неизвестно, убьют ли меня эти кошки — может быть, они самые милосердные существа на свете. С какой стати мне хвататься за оружие!» Добрые помыслы прибавляют храбрости, и я совсем перестал волноваться. Посмотрим, что из этого выйдет, во всяком случае, мне не следует первому нападать.

Увидев, что я не двигаюсь, пришельцы сделали два шага вперед: медленно, но решительно, как кошки, выследившие мышь. Птицы тем временем разлетелись со своей добычей... Я закрыл глаза от ужаса. И в ту же секунду меня схватили за руки. Кто бы мог подумать, что эти люди с кошачьими мордами действуют так быстро, ловко и бесшумно!

Может, я совершил ошибку, не вынув пистолета? Нет, они должны оценить мое благородство! Я совсем было успокоился и даже не открыл глаз — от уверенности, а вовсе не из трусости. Но хотя я не сопротивлялся, странные существа сжимали мои руки все больнее и больнее. «А добры ли они?» — засомневался я. Чувство морального превосходства говорило мне, что человеку унизительно меряться силой с кошками. Кроме того, на каждой моей руке лежало по четыре-пять лап — мягких, но крепких, охвативших мои руки, как эластичные ремни. Бороться бесполезно. Если я попытаюсь вырваться, они выпустят когти. Люди-кошки, наверное, всегда хватают свою добычу исподтишка, а затем причиняют ей жестокую боль — независимо от того, как ведет себя жертва. Такую боль, которая заставляет жертву забыть о своем моральном превосходстве или пожалеть о нем. Теперь я раскаивался, что ошибся в этих существах и не применил политику силы первым. Один только выстрел — и, ручаюсь, они бы все убежали. Но раскаянием делу не поможешь. Светлый мир, который я создал в своих мечтах, обернулся глубоким, темным колодцем, в котором таилась смерть.

Я открыл глаза. Все они стояли за моей спиной, не желая, чтобы я их видел. Такое коварство вызвало во мне еще большее отвращение. «Раз я попался к вам в лапы, убейте меня. К чему прятаться!»

— Ну зачем так... — невольно начал я, но тут же остановился: ведь они не понимают нашего языка.

Единственным следствием моих слов было то, что лапы мучителей сжались еще крепче. Да если б они и поняли меня, то вряд ли подобрели бы. Уж лучше они связали бы меня веревками, потому что ни моя душа, ни тело не могли больше выдержать этих мягких, крепких, жарких, отвратительных объятий.

В воздухе летало все больше коршунов, которые, распластав крылья и склонив головы, выжидали удобный момент, чтобы вернуться вниз и снова полакомиться.

Интересно, что задумали проклятые кошки, торчащие за моей спиной? Нет хуже, когда тебя медленно пилят тупым ножом. Я неподвижно стоял и глядел на коршунов. Эти жестокие твари за несколько минут расправились с моим бедным другом. За несколько минут? Но тогда их нельзя назвать жестокими. «Ты легко умер, — позавидовал я товарищу. — Ты во много раз счастливее меня, обреченного на медленную пытку!»

«Хватит же, хватит!» — чуть было вновь не сорвались с моих губ ненужные слова. Нравов и повадок людей с кошачьими мордами я не знал, но за прошедшие минуты на собственном опыте убедился, что они самые жестокие существа во вселенной. А для палачей не существует слова «хватит»: медленно мучить жертву для них своего рода наслаждение. Какой же толк говорить с ними! Я уже приготовился к тому, что мне будут загонять иголки под ногти или вливать в нос керосин — если на Марсе вообще существуют иголки и керосин.

Тут я заплакал — не от страха, а от тоски по родине. Светлый, великий Китай, где нет ни жестокостей, ни пыток, ни коршунов, поедающих мертвых, — наверное, я уже никогда не вернусь на твою райскую землю и не смогу больше вкусить справедливой человеческой жизни! Даже если я выживу на Марсе, самое большое наслаждение здесь будет для меня страданием!

Тем временем существа с кошачьими мордами ухватили меня за ноги. Они по-прежнему не издавали ни звука, но я ощущал на своей спине их горячее дыхание. Мне было так противно, будто всего меня обвили змеи.

Внезапно раздался отчетливый звон, который, казалось, нарушил долгие годы безмолвия. Я и сейчас иногда еще слышу его. Это защелкнулись кандалы на моих ногах, такие тесные, что я перестал чувствовать лодыжки.

Какое преступление я совершил? Что они собираются сделать со мной? Впрочем, что рассуждать: в кошачьем обществе человеческий разум вряд ли нужен, не говоря уже о чувствах.

Затем они надели мне наручники, но лап все-таки не разжимали. Чрезмерная осторожность (из нее всегда рождается жестокость), видимо, является необходимым условием жизни в сумраке.

Напротив, теперь две потные лапы вцепились мне еще и в шею. Это означало, что я не должен оглядываться, — как будто мне хотелось смотреть на них!

Может быть, из той же чрезмерной осторожности над моей шеей уже занесены сверкающие клинки? «Сейчас поведут!» — подумал я, и словно в ответ люди с кошачьими мордами дали мне пинок под зад. Я чуть было не свалился с ног, но лапы мягкими крючками удержали меня. За спиной послышалось фырканье, какое обычно издают коты, — очевидно, мои мучители смеялись. Конечно, они радуются, что могут издеваться надо мной!

Я надеялся, что быстроты ради они понесут меня, но снова жестоко ошибся: они заставили меня идти самого, будто догадавшись, насколько это для меня мучительно.

Пот заливал мне глаза, но я не мог смахнуть его ни руками, скованными за спиной, ни даже простым движением головы, так как меня цепко держали за шею. С усилием выпрямившись, я шел — нет, не шел, не могу подобрать слово, способное выразить, что я делал: прыгал, полз, извивался, ковылял...

Пройдя несколько шагов, я услышал — к счастью, они еще не заткнули мне уши — яростное хлопанье крыльев: это коршуны разом, как на поле боя, ринулись в атаку... Я не мог простить себе, что не успел выкопать могилу и похоронить своего товарища. Почему я столько времени тупо сидел на месте?! Если я уцелею и когда-нибудь вернусь сюда, то, наверное, и костей твоих не найду. Ничто и никогда отныне не заглушит моего стыда, и каждый раз, вспоминая эти печальные минуты, я буду чувствовать себя самым никчемным человеком на свете!

Все тело ныло, а мысли, точно в дурном сне, по-прежнему устремлялись к погибшему другу. Закрыв глаза, я представлял себе коршунов, клюющих его останки. Мне чудилось, будто они клюют мое собственное сердце. Куда меня ведут? Открыть глаза имело бы смысл в том случае, если бы я надеялся на побег и хотел запомнить

дорогу, а просто глядеть по сторонам ни к чему. Мое тело уже не принадлежало мне, я его не чувствовал, как человек после тяжелого ранения. Моя жизнь была в чужих руках, но это уже не печалило меня.

Когда я открыл глаза, то почувствовал себя точно после похмелья. Закованные ноги ломило, боль отдавалась в сердце. Не сразу я понял, что нахожусь в лодке. Как я попал в нее, когда? Но это все пустяки — главное, что нет горячих лап и вообще никого вокруг. Надо мной серебристо-пепельное небо, внизу — маслянистая темно-серая поверхность реки, которая беззвучно, но быстро несет мою лодку.

3

Я не думал ни о каких опасностях, в моей душе не было никакого страха. Жара, голод, жажда, боль — ничто не могло побороть усталости: ведь я больше полумесяца летел в межпланетном корабле. Лечь на спину мне мешали наручники, поэтому я улегся на бок и заснул, вверив свою жизнь маслянистому потоку. Может быть, мне по крайней мере приснится хороший сон?

Вновь я очнулся в углу не то колодца, не то маленькой хижины без окон и дверей. Пол ей заменял кусок травянистой лужайки, а крышу — клочок серебристо-пепельного неба. Мои руки уже были свободны, но на пояснице прибавилась толстая веревка. Другого конца веревки я не видел — наверное, он был привязан где-то наверху. Не иначе как меня спустили сюда на веревке. Пистолет по-прежнему лежал в кармане. Странно! Чего они хотят от меня? Выкупа? Слишком хлопотно, потому что им придется тогда слетать на Землю. А может быть, они решили выдрессировать пойманное чудовище и выставить в зоопарке? Или отправить в клинику на препарирование? Во всяком случае, это было бы не лишено целесообразности. Я усмехнулся: кажется, я начинаю сходить с ума.

Во рту пересохло. Почему они не отобрали у меня пистолет? Этот странный и успокаивающий факт, однако, не утолил моей жажды. Я стал озираться и увидел в углу каменный кувшин. Что в нем? Чтобы заглянуть внутрь, мне придется прыгать в своих кандалах. Превозмогая боль, я попробовал подняться, но ноги по-прежнему не слушались меня. Колодец был неширок, и стоило мне

лечь на землю, как до кувшина осталось бы несколько вершков. Но веревка на поясе предостерегла меня от бесполезной попытки. Если бы я лег на живот, вытянул руки и дернулся, веревка поставила бы меня на ноги.

Запекшееся горло помогло мне изобрести гениальный план: надо лечь на спину и двигаться ногами вперед, словно жук, который опрокинулся и не может перевернуться. Несмотря на то, что веревка была завязана очень туго, я все-таки сдвинул ее вверх, на грудь, чтобы она не помешала мне достать до кувшина. Лучше боль, чем жажда! Веревка глубоко, до крови врезалась мне в тело, но я двигался, не обращая на это внимания, и наконец дотянулся до драгоценности.

К несчастью, кандалы не позволяли мне раздвинуть ноги, чтобы обхватить ими кувшин, а когда я разводил носки, я не мог дотянуться до него. Безнадежно!

Оставалось только лежать навзничь и глядеть в небо. Машинально нащупав пистолет, я вынул его и залюбовался изящной вещицей. Потом приставил его блестящее дуло к виску: стоит шевельнуть пальцем — и с жаждой покончено навсегда. Но тут меня осенила новая мысль. Перевернувшись на живот, я дважды выстрелил по веревке. Она обуглилась. Лихорадочно работая руками и зубами, я оборвал ее и в безумной радости, забыв про кандалы, вскочил на ноги, но тут же упал. Когда я дополз до кувшина и заглянул внутрь, там что-то блеснуло. Может быть, вода, а может быть... Но мне было не до сомнений. Первый же прохладный глоток показался мне вкуснее волшебного нектара. Усилия всегда вознаграждаются: я наконец понял эту простейшую заповедь.

Воды было совсем немного, и я не оставил ни капли.

Обняв своего спасителя — кувшин, — я размечтался о том, что обязательно захвачу его с собой, когда полечу обратно на Землю. Но тут же помрачнел: увы, надежды нет... Долго я сидел не шевелясь, глядя в горлышко кувшина. Надо мной с отрывистыми криками пролетела стая птиц. Я очнулся, поднял голову и увидел розовую полоску зари. Серое небо сделалось как будто выше и яснее, стены тоже украсились розовой каймой. «Скоро стемнеет, — подумал я. — Что же делать?»

Все действия, которые были бы уместны на Земле, здесь не подходили. Я не знал своего противника и не представлял, как с ним бороться. Даже Робинзон, наверное, не испытывал ничего подобного: он был свободен,

а мне предстояло освободиться из лап людей с кошачьими мордами, о которых доселе никто ничего не знал.

Но что же все-таки делать?

Прежде всего хорошо бы снять кандалы. До этого я не рассматривал их, думал, что они железные, но теперь выяснил, что они свинцового цвета. Вот почему мучители не отобрали у меня пистолет: на Марсе, должно быть, нет железа, и из чрезмерной осторожности люди-кошки не решились дотронуться до незнакомого вещества. На ощупь кандалы были твердыми. Я попробовал сломать их — не поддаются. Из чего же они сделаны? К острому желанию спастись добавилось любопытство. Я постучал по кандалам дулом пистолета, они зазвенели, но не как железо. Может, это серебро или свинец? Все, что мягче железа, я перепилю — стоит только разбить кувшин и выбрать поострее осколок (я уже забыл о своем намерении привезти каменный кувшин на Землю). Но грохнуть кувшин о стену я не решался, боясь привлечь сторожей. Нет, они не услышат: ведь я только что стрелял из пистолета, и никто не появился. Осмелев, я отбил от кувшина тонкую острую пластинку и принялся за работу.

Конечно, даже железную балку можно упорным трудом сточить в иглу для вышивания, но тут дело было еще сложнее. Опыт по большей части дитя ошибки, а мне оставалось только заблуждаться, потому что мой земной опыт здесь ничего не значил. Хотя я пилил очень долго, на кандалах не появилось даже царапины, как будто я пытался камнем сточить алмаз.

Я ощупал свои лохмотья, туфли, даже волосы, надеясь найти хоть что-нибудь способное мне помочь. Неожиданно я обнаружил в часовом карманчике брюк спичечный коробок в металлическом футлярчике. Я не курю и обычно не ношу с собой спичек. Этот коробок мне сунул за неимением другого подарка один знакомый перед отлетом. «Надеюсь, что спички не перегрузят межпланетный корабль!» — пошутил он тогда.

Играя коробком, я предавался пустяковым, но приятным воспоминаниям. Стемнело. Я чиркнул спичкой, потом зажег вторую. Машинально, дурачества ради, поднес ее к своим кандалам, и вдруг — пшш! — от них осталась лишь горстка белого пепла, а все вокруг наполнилось зловонием.

Оказывается, эти кошки знакомы с химией. Вот уж не ожидал!

4

Когда все потеряно, в избавлении от кандалов мало проку, но теперь я хоть не должен стеречь этот кошачий колодец. Спрятав пистолет и спички, я ухватился за висящий конец веревки и полез на стену. Кругом царила серая мгла, какая бывает скорее в парильне, чем на открытом воздухе. Перевалившись через край, я спрыгнул на землю. Куда же идти? Храбрости у меня сильно поубавилось. Ни домов, ни огонька, ни звука. Вдалеке (а может быть, невдалеке — я не мог определить расстояние) темнело что-то вроде леса. Не пойти ли туда? Но кто знает, какие звери меня там ожидают!

Я посмотрел на звезды: сквозь серое, чуть розоватое небо виднелось лишь несколько самых крупных звезд. Меня снова начала мучить жажда, на этот раз вместе с голодом. Ночная охота, да еще на неведомых зверей и птиц, занятие не для меня. Хорошо еще, что не холодно; наверное, здесь можно и днем и ночью ходить голым. Я сел, прислонившись к стенке своей бывшей тюрьмы, и уставился на звезды, стараясь ни о чем не думать. Самые обычные мысли могли сейчас вызвать у меня слезы. Одиночество еще страшнее, чем боль.

Глаза слипались, но заснуть было бы слишком опасно. Поклевав некоторое время носом, я вдруг вздрогнул и широко открыл глаза: мне показалось, будто впереди мелькнула человеческая тень. «Наверное, это галлюцинация!» — выругал я себя и закрыл глаза. Но едва я снова открыл их, как впереди опять мелькнула тень. У меня волосы встали дыбом: ловить на Марсе призраков не входило в мои намерения. Я твердо решил бодрствовать.

Долгое время ничто не появлялось. Тогда я нарочно сощурился, оставив между ресницами крохотную щелку. Тень тотчас появилась!

Теперь я уже не боялся ее. Совершенно ясно, что это не призрак, а существо с кошачьей мордой. Оказывается, у него такое острое зрение, что оно даже издалека видит, закрыты ли у меня глаза. Я радостно сдержал дыхание и стал ждать. Если оно кинется на меня, я с ним расправлюсь! Неизвестно почему, но я считал себя сильнее человека-кошки. Может быть, потому, что у меня пистолет? Смешно!

Время здесь не имело никакой цены. Мне показалось, что прошло несколько веков, прежде чем незнакомец

приблизился. На каждый шаг он тратил по четверти часа, а может быть, по часу; в каждом шаге чувствовалась осторожность, накопленная поколениями. Ступит сначала правой, затем левой ногой, согнется, тихо выпрямится, оглянется, подастся назад, неслышно, как снежинка, ляжет на землю, поползет, снова выгнет спину... Наверное, так котенок ночью учится ловить мышей.

Если бы я шевельнулся или открыл глаза, он, без сомнения, тотчас бы отпрянул. Но я не двигался, внимательно следя за ним сощуренными глазами.

Я чувствовал, что он вовсе не желает мне зла, а, наоборот, боится меня.

В руках у него ничего не было, к тому же он пришел один. Как мне дать ему понять, что я совсем не собираюсь нападать на него? Пожалуй, лучший способ — не двигаться, тогда он по крайней мере не убежит.

Человек-кошка приблизился ко мне вплотную, я уже чувствовал его горячее дыхание. Отклонившись в сторону, словно спринтер, готовый принять эстафетную палочку, он дважды махнул лапой перед моим лицом. Я еле заметно кивнул головой. Он быстро убрал лапу, но остался на месте. Я снова кивнул, затем медленно поднял руки и показал ему пустые ладони. Он как будто понял этот язык жестов, тоже кивнул головой и выпрямился. Я поманил его пальцем. Он снова кивнул, давая понять, что бежать не собирается. Так продолжалось примерно с полчаса, после чего я наконец привстал.

Если никчемную трату времени можно назвать работой, то люди-кошки — самые трудолюбивые существа на свете. Битый час мы с ним обменивались жестами, кивали головами, шамкали губами, пофыркивали носами — словом, двигали буквально каждым мускулом тела, подтверждая, что не хотим причинить друг другу вреда. Разумеется, мы могли провести за этим занятием еще час, а скорее всего целую неделю, если бы вдалеке не появилась новая тень. Мой приятель первым заметил ее, отпрянул в сторону и призывно махнул лапкой. Я побежал за ним. От голода и жажды у меня рябило в глазах, но я чувствовал, что если нас настигнут, то мне и моему спутнику несдобровать. Я не хотел терять нового знакомца: он будет прекрасным помощником в моих скитаниях на Марсе.

Люди-кошки наверняка гнались за нами, потому что мой проводник прибавил шагу. Сердце мое было готово

выпрыгнуть — сзади раздался пронзительный вой. Видимо, люди-кошки рассвирепели, если решились подать голос. Еще шаг — и я упаду от изнеможения или у меня горлом пойдет кровь...

Собрав последние силы, я выхватил пистолет и наугад выстрелил. Сам я даже не слышал звука выстрела, потому что тут же лишился чувств.

Очнулся я в какой-то комнате. Серое небо, красный свет... Земля... Межпланетный корабль... Лужа крови, веревка... Я снова закрыл глаза.

Только спустя некоторое время новый приятель рассказал, что втащил меня, как дохлую собаку, к себе домой. Почва на Марсе такая мягкая и нежная, что при падении я даже не наставил себе синяков. А наши преследователи, напуганные моим выстрелом, наверное, бежали три дня без оглядки. Маленький пистолет с какими-нибудь двенадцатью патронами прославил меня на весь Марс.

5

Я спал без просыпу и, наверное, заснул бы вечным сном, если бы не мухи. Впрочем, я не знаю, что это за насекомые. Они больше похожи на маленьких зеленых бабочек, этакие прелестные мотыльки, но еще несноснее наших мух. Их на Марсе ужасно много — тряхнешь рукой, и с нее сразу слетает целая стайка живых зеленых лепестков.

Тело затекло, потому что я всю ночь проспал на земле: люди-кошки не знают кроватей. Одной рукой отгоняя мух, а другой почесываясь, я оглядел хижину. Собственно, смотреть в ней было не на что. Я надеялся найти таз для умывания, но безуспешно. Раз не оказалось вещей, пришлось смотреть на стены и потолок. Они были из глины, без каких-либо украшений. Воздух в хижине отдавал затхлостью. Лишь в одной из стен имелось отверстие аршина в три высотой, которое служило и дверью, и окном одновременно.

Пистолет был по-прежнему при мне, это прекрасно. Хорошенько спрятав его, я вылез через отверстие и тут понял, что окна были бы бесполезны: хижина находилась в лесу — наверное, том самом, который я видел вчера вечером. Листья на деревьях росли так густо, что через них не пробился бы и самый яркий солнечный

свет, а здесь он к тому же рассеивался в сером неподвижном воздухе.

Я оглянулся по сторонам, но вокруг меня были только густые листья, сырость и вонь.

Впрочем, нет! Под одним из деревьев сидел человек-кошка. Он, конечно, давно видел меня, но, поймав мой взгляд, бросился на дерево и исчез в листве. Это меня разозлило. Разве так принимают гостей: ни еды, ни питья, только ночлег в вонючей хижине! Решив не церемониться, я полез за хозяином на дерево и, ухватившись за ветку, стал ее раскачивать. Человек-кошка жалобно пискнул и остановился. Убежать ему было некуда, и он с прижатыми, как у побитого кота, ушами начал медленно спускаться.

Я ткнул пальцем себе в рот, вытянул шею и несколько раз шевельнул губами, объясняя, что хочу есть и пить. В ответ он показал на дерево. «Может, он советует мне поесть плодов?» — сообразил я, мудро предположив, что люди-кошки не едят риса. Но плодов на ветках не было. Между тем человек-кошка взобрался на дерево, бережно сорвал несколько листьев, взял их в зубы и вновь спустился, показывая то на меня, то на листья.

Когда он увидел, что эта скотская пища меня ничуть не привлекает, его лицо исказилось — вероятно, от ярости. Почему он злился, я, конечно, понять не мог, а он не мог понять, чем недоволен я.

Наконец я решил взять листья, но пусть он сам протянет их мне. Он снова, казалось, ничего не понял. Мой гнев сменился сомнением: а может быть, передо мной женщина? Может быть, на Марсе мужчины и женщины тоже общаются, не приближаясь друг к другу? * Или — страшно вымолвить — это правило здесь распространено на общение между всеми людьми (через несколько дней выяснилось, что моя догадка была верна)? Ладно, не стоит ссориться с тем, кого не понимаешь. Я подобрал листья и обтер их рукой — по привычке, потому что руки у меня были грязные и кровоточили. Потом откусил кусочек листа и поразился его приятному запаху и сочности. Изо рта у меня закапал сок, и человек-кошка

---

* Иронический намек на строгие моральные правила конфуцианства, в частности на фразу древнего философа Мэн-цзы (III в. до н. э.): «Если мужчины и женщины общаются, не приближаясь друг к другу, это соответствует церемониям».

дернулся, словно желая подхватить капли. «Видно, эти листья очень дороги, — подумал я. — Но почему он так трясется над одним листом, когда вокруг целый лес? Впрочем, здесь все странно!»

Съев один за другим два листа, я ощутил легкое головокружение. Душистый сок как бы растекся по всему телу, наполняя его приятной истомой. Потянуло спать, и все-таки я не заснул, потому что в этом озере дурмана таилась капля возбуждающего, как при легком опьянении. У меня в руке был еще один лист, но я не мог поднять руку. Смеясь над собой (не знаю, отразился ли этот смех на моем лице), я прислонился к дереву, закрыл глаза и покачал головой. Вмиг чувство опьянения прошло, теперь уже все мое тело, каждая пора смеялась. Голода и жажды как не бывало, мыться больше не хотелось: грязь, пот и кровь ничуть меня больше не тяготили.

Лес, как мне показалось, посветлел, серый воздух стал не холодным и не душным, а таким, что лучше и не надо; зеленые деревья приобрели какую-то мягкую поэтическую прелесть. Промозглая вонь сменилась крепким сладковатым ароматом, словно от перезрелой дыни. Нет, это была не нега, а восхитительное опьянение. Два листа влили в меня неведомую силу, и в сером воздухе Марса я теперь чувствовал себя точно рыба в воде.

Я присел на корточки, хотя раньше не любил так сидеть, и начал внимательно разглядывать своего кормильца. Обида на него прошла; теперь он стал мне симпатичен.

Человек-кошка оказался не просто большой кошкой, которая ходит на задних лапах и одевается. Одежды на нем как раз не было. Я засмеялся и тоже снял с себя рубаху и туфли: если не холодно, зачем таскать на себе всякую рвань? Но брюки я оставил — не из стыдливости и не ради пистолета (его я мог носить прямо на ремне), а потому, что без карманов мог потерять спички. Вдруг люди-кошки снова попробуют надеть на меня кандалы?

Итак, у него было длинное тонкое туловище и короткие конечности с короткими пальцами (не удивительно, что люди-кошки быстро бегают, но медленно работают; я вспомнил, как долго они связывали меня). Шея нормальная, но очень подвижная: голова могла поворачиваться почти за спину. Лицо большое, глаза круглые,

очень низко посаженные, над ними широкий лоб, поросший такой же короткой шерстью, что и макушка. Нос и рот слиты вместе, но не так красиво, как у кошки, а грубо, как у свиньи. Уши маленькие и торчат очень высоко. Туловище округлое, покрыто тонкой и блестящей шерстью серого цвета, который издали отливает зеленым, словно птичье оперение. На животе восемь черных точек — сосков. Каково внутреннее строение людей-кошек, я не знаю до сих пор.

Движения моего нового знакомца казались замедленными, но на самом деле были очень проворны, так что я ни разу не смог заранее догадаться о его намерениях. Единственное, что я наверняка определил в нем, — крайнюю подозрительность. Его руки и ноги не бездействовали ни минуты, причем ногами он двигал так же проворно, как руками. Чаще всего он пользовался осязанием: здесь пощупает, там потрет или просто прикоснется. Словом, он был похож на суетящегося муравья.

Зачем он привел меня сюда да еще накормил листьями? Мне очень хотелось поговорить с ним, но как? Ведь языка-то я не знаю.

6

Месяца через три я уже говорил по-кошачьи. Малайский язык можно изучить за полгода, а кошачий еще быстрее. В нем всего четыреста-пятьсот слов, и, употребляя их так или эдак, можно сказать что угодно. Конечно, многие понятия и мысли выразить столь скудным запасом слов невозможно, но люди-кошки придумали на этот случай прекрасный способ — вовсе не говорить. Прилагательных и наречий очень мало, с существительными тоже небогато. Например, все, что связано с дурманным деревом, ограничивается следующими понятиями: большое дурманное дерево, маленькое дурманное дерево, круглое дурманное дерево, тонкое дурманное дерево, заморское дурманное дерево, большое заморское дурманное дерево, хотя в действительности это совершенно различные растения. Местоимения не очень употребительны, ибо существительные предпочитают не заменять. Так иногда говорят дети. Запомнишь несколько существительных — и объясняйся, а глаголы можешь выражать жестами. Есть у них и письменность: смешные значки, похожие на маленькие башенки или пагоды, но их очень

трудно изучить. Обычные люди-кошки знают от силы два десятка таких значков.

Большой Скорпион — так звали моего нового друга — помнил очень много башенок и даже умел слагать стихи. Поставишь в ряд несколько красивых слов без всякой мысли — и получается кошачье стихотворение: драгоценный лист, драгоценный цветок, драгоценная гора, драгоценная кошка, драгоценный живот... Так звучало стихотворение Большого Скорпиона «Чувства, возникшие при чтении истории». У людей-кошек была своя история и двадцатитысячелетняя цивилизация.

Научившись разговаривать, я понял все. Большой Скорпион был важной персоной в Кошачьем государстве: крупным помещиком и в то же время политическим деятелем, поэтом и военным. Крупным помещиком он считался потому, что владел целой рощей дурманных деревьев. Дурманные листья являются самой изысканной пищей людей-кошек, а это, в свою очередь, тесно связано с историей дурманных листьев. Вытащив для доказательства несколько исторических скрижалей (вместо книг у людей-кошек употребляются каменные плиты длиной в два аршина и толщиной в полвершка, на каждой из которых вырезано десятка полтора очень сложных знаков), он сказал, что пятьсот лет назад они еще кормились земледелием и дурманные листья завез в Кошачье государство какой-то иностранец. Сначала их могли есть только высокопоставленные лица, а потом листьев стали ввозить больше и к ним пристрастились все. Не прошло и пятидесяти лет, как граждане, не употреблявшие их, стали исключением. Есть дурманные листья очень приятно и выгодно, после них разыгрывается воображение, но руки и ноги перестают двигаться. Поэтому землепашцы вскоре забросили свою землю, а ремесленники свои ремесла. Видя, что все предаются безделью, правительство издало указ, запрещающий есть дурманные листья. Однако в первый же день после запрета императрица от тоски дала императору три пощечины (Большой Скорпион продемонстрировал мне очередную историческую скрижаль), отчего император заплакал горючими слезами. Поэтому к вечеру того же дня вышел новый указ: считать дурманные листья «государственной пищей». Большой Скорпион сказал, что во всей кошачьей истории не было более славного и милосердного деяния.

После возведения дурманных листьев в ранг государственной пищи кошачья цивилизация стала развиваться во много раз быстрее, чем прежде: дурманные листья отбили охоту к физическому труду, что позволило сконцентрировать энергию на духовной деятельности. Особенно прогрессировали поэзия и искусство: за последние четыреста лет кошачьи поэты ввели в поэтический язык множество новых словосочетаний, не употреблявшихся за всю предшествующую двадцатитысячелетнюю историю, например, такое, как «драгоценный живот».

Но это не значит, разумеется, что в обществе не возникали известные разногласия. Триста лет назад дурманные листья выращивались повсюду, но чем больше люди ели их, тем ленивее становились. В конце концов некому даже стало сажать дурманные деревья. И тут вдруг случилось грандиозное наводнение (Большой Скорпион немного побледнел, когда сказал мне это: оказывается, люди-кошки больше всего на свете боятся воды). Наводнение унесло множество дурманных деревьев. Без чего-нибудь другого жители еще могли обойтись, но без дурманных листьев они не могли предаваться праздности и лени, поэтому всюду начался разбой. Судебных дел стало так много, что правительство издало еще один в высшей степени гуманный указ: не считать кражу дурманных листьев преступлением. Последние триста лет были периодом разбоя, но это совсем неплохо, так как разбой свидетельствует о свободе личности, а свобода всегда была высшим идеалом людей-кошек. (Примечание. Слово «свобода» в кошачьем языке не совпадает по своему значению с аналогичным китайским словом. Люди-кошки называют свободой насилие над другими, отказ от совместной деятельности, произвол... Отсюда разобщенными оказываются не только мужчины и женщины, но и все люди. Свободный человек не позволяет окружающим касаться его. Встретившись, люди-кошки выражают почтение друг другу не рукопожатием или поцелуем, а отворачиваясь друг от друга.)

— Тогда почему же вы продолжаете сажать деревья? — спросил я. На правильном кошачьем языке эту фразу следовало произнести так: повернуть голову налево (означает «тогда»), ткнуть пальцем в собеседника («вы»), дважды сверкнуть белками глаз («почему») и дважды повторить слово «дерево» (в первом случае оно

выступает в роли глагола). Слово «продолжаете» опускается за ненадобностью.

Большой Скорпион закрыл рот. Рот у людей-кошек постоянно открыт, и когда его на время закрывают, это означает удовлетворение или глубокое раздумье. Он ответил, что сейчас дурманные деревья сажают лишь несколько десятков человек, исключительно сильные мира сего: политические деятели, военные и поэты, которые одновременно являются помещиками. Они не могут не сажать дурманных деревьев, так как иначе потеряют всю свою власть. Для политических деятелей дурманные листья — единственный способ увидеть императора. Военные используют их как армейский провиант, а поэтам они дают возможность грезить средь бела дня. В общем, дурманные листья всемогущи, благодаря им можно всю жизнь бесчинствовать. Слово «бесчинствовать» в устах высокопоставленных людей-кошек — самое изысканное понятие.

Охрана дурманных рощ — основная функция Большого Скорпиона и других помещиков. На свою армию они не могут положиться, потому что кошачьи солдаты, как приверженцы истинной свободы, могут только поедать дурманные листья и не понимают, что значит повиноваться приказу. Солдаты часто грабят собственных хозяев — с точки зрения людей-кошек (во всяком случае Большой Скорпион думал именно так), это вполне логично. Кто же охраняет дурманные леса? Иностранцы. Каждый помещик вынужден содержать несколько иностранных наемников. Страх перед иностранцами — одна из исконных особенностей кошачьей натуры. Любовь к так называемой «свободе» не позволяет кошачьим солдатам прожить хотя бы три дня без убийства, а война с иностранцами для них вещь совершенно невозможная. Большой Скорпион прибавил с удовлетворением, что стремление к взаимной резне в Кошачьем государстве день ото дня возрастает, и методы убийства стали почти столь же утонченными, как законы стихосложения.

— Убийство стало своего рода искусством! — поддакнул я. В кошачьем языке не было слова «искусство», из моих долгих объяснений он ничего не понял, однако все-таки запомнил китайское слово.

В древности люди-кошки воевали с иностранцами и даже побеждали, но за последние пятьсот лет вследствие междоусобиц совершенно позабыли об этом, обратили все

усилия на внутренние раздоры и стали очень бояться иностранцев. Без иностранной поддержки их император не получил бы к своему столу ни одного дурманного листа.

Три года назад в Кошачье государство уже прилетал один воздушный корабль. Откуда — жители не знали, но запомнили, что на свете существуют большие птицы без перьев.

Когда прилетел наш корабль, люди-кошки поняли, что прибыли иностранцы, но были уверены, что я тоже марсианин: они не могли представить, что, кроме Марса, существуют другие планеты.

Большой Скорпион с другими помещиками тотчас побежал к месту приземления, чтобы добыть иностранцев для охраны своих дурманных рощ. Все прежние иностранные охранники почему-то вернулись к себе на родину, и нужно было срочно вербовать новых.

Помещики условились передавать меня друг другу по очереди, так как в последнее время нанять иностранца было очень нелегко. Увидев, что физиономия у меня отнюдь не кошачья, они страшно перепугались, но затем распознали мою наивность и решили не приглашать меня на службу, а просто схватить. Как истые граждане Кошачьего государства, они были очень хитры и иной раз способны на риск. Сейчас я понимаю, что, если бы я первым применил силу, они бы тотчас разбежались, но ни в коем случае не отказались от своей затеи. К тому же я не сумел бы найти себе пищу. В общем, я доволен, что тогда не выстрелил. Но, с другой стороны, схватив меня, они утратили ко мне уважение. Теперь можно было не говорить со мной ни о каких условиях, достаточно давать немного еды. Изменились и намерения союзников: вскоре из общественной собственности я превратился в частную. Большой Скорпион был необычайно горд своим успехом, так как измена клятве входит в их понимание свободы.

Они посадили меня закованным в лодку, а сами, страшась воды, побежали к хижине-колодцу по берегу. Если бы лодка перевернулась, виною было бы, разумеется, лишь мое собственное невезение. Лодка должна была сама уткнуться в отмель, недалеко от которой стояла хижина-колодец.

Водворив меня в хижину, они разошлись по домам есть дурманные листья. Носить подобную ценность с собой чрезвычайно опасно, поэтому они предпочитали есть дома.

Роща Большого Скорпиона находилась ближе других от моей импровизированной тюрьмы, но и он отправился за мной не сразу: после дурманных листьев необходимо немного поспать. Большой Скорпион думал, что его соперники придут не скоро, их появление было для него полной неожиданностью. «Хорошо, что это «искусство» помогло!» — произнес он, восхищенно указывая на мой пистолет. Теперь он всякий незнакомый предмет называл искусством.

Я спросил, из чего были сделаны кандалы. Он пожал плечами и сказал, что их привезли из-за границы.

— За границей есть много полезных вещей, но нам ни к чему подражать им. Ведь наше государство самое древнее! — Большой Скорпион на секунду удовлетворенно закрыл рот. — Впрочем, когда отправляешься в путь, наручниками и кандалами запастись не мешает.

Я не понял, подсмеивается он надо мной или говорит серьезно. Сейчас меня интересовало, где он провел эту ночь, потому что в лесу не видно было других хижин. Не желая отвечать на мой вопрос, он попросил у меня какое-нибудь «искусство», чтобы показать императору. Я дал ему спичку, решив, что в «свободном» обществе каждый должен иметь какую-нибудь тайну, и спросил только, есть ли у него семья.

Он кивнул головой.

— Вот соберем дурманные листья и поедем ко мне домой.

— А где твой дом?

— В столице. Там живут император и много иностранцев. Ты сможешь увидеть своих друзей.

— Я прилетел с Земли и никого на Марсе не знаю.

— Все равно ты иностранец, а иностранцы всегда дружат.

Продолжать объяснения было бесполезно. Лучше дождаться, когда будет закончен сбор дурманных листьев, и поскорее отправиться в путь, чтобы собственными глазами взглянуть на Кошачий город.

7

Я считал, что никогда не смогу подружиться с Большим Скорпионом, а он, вероятно, искренне желал дружбы, но его искренность, как у всех людей-кошек, была весьма ограниченна. Он дружил только с теми, кого собирался использовать в своих интересах. В течение трех или четырех месяцев меня ни на минуту не оставляло желание похоронить останки погибшего друга, однако Большой Скорпион всячески препятствовал мне. Он воображал, будто охрана дурманных деревьев — единственная цель, ради которой я прилетел на Марс. О дружеском долге люди-кошки вообще, наверное, не имели понятия. Большой Скорпион все время твердил мне: «Ведь твой приятель умер, зачем же смотреть на него?» Он скрывал от меня, в какой стороне то место, где упал корабль, и все время следил за мной. Я потихоньку искал дорогу, думая, что стоит пойти по берегу реки, как я найду обломки корабля, но каждый раз, когда я выходил из дурманной рощи, передо мной откуда ни возьмись появлялся Большой Скорпион. Он никогда не пытался принудить меня вернуться, а умел растрогать своими жалобами и причитаниями, словно слезливая вдова. Я понимал, что в душе он смеется надо мной, считает меня дураком, но ничего не мог с собой поделать. В дурманной роще, кроме меня, жили еще какие-то существа, которым он запрещал встречаться со мной. Едва я замечал их вдали и направлялся к ним, как они тут же исчезали — наверняка по приказу Большого Скорпиона.

Дурманные листья я решил больше не есть.

— Их нельзя не есть, — с мягкой настойчивостью убеждал меня Большой Скорпион. — Без них горло пересохнет, а вода далеко. Нужно мыться, купаться — сколько хлопот! Мы уж на себе испытали: их невозможно не есть. Другая пища очень дорога, но дело не в цене. Главное, что она невкусная, а иногда даже ядовитая. Если не есть дурманных листьев, можно умереть!..

Тут он начинал размазывать по лицу слезы, но я знал, что это его обычный трюк, и не поддавался. Если я буду есть дурманные листья, то стану таким же, как люди-кошки, а этого Большой Скорпион и хочет! Хватит, я и без того слишком простодушен. Я должен снова вернуться к человеческой жизни: есть, пить и мыться

как люди, а не превращаться в полумертвого ленивца. Я скорее согласен прожить две недели, но разумно и полноценно, чем двадцать тысяч лет прозябать в дурмане. Все это я высказал Большому Скорпиону, но он, конечно, ничего не понял и наверняка счел меня безмозглым идиотом. Как бы то ни было, а я принял решение.

После трехдневных препирательств мне пришлось взяться за пистолет. Правда, я еще не забыл о чести и справедливости, положил пистолет рядом и сказал Большому Скорпиону:

— Если ты будешь заставлять меня есть дурманные листья, я тебя убью. Решай!

Большой Скорпион отскочил в сторону, даже не попытавшись отнять у меня пистолет. Огнестрельное оружие в его лапах было бы не опаснее соломинки. Ему нужен был не мой пистолет, а я сам.

Наконец он предложил компромисс: каждое утро я должен съедать по одному дурманному листу.

— Один листочек, всего одну крохотную драгоценность, чтобы не отравиться воздухом!

Я убрал пистолет, и мы сели друг против друга. Он обещал давать мне еду, но считал, что с питьем будет трудно: придется носить воду кувшином с реки.

— Зачем каждый день так далеко бегать, да еще таскать кувшин? Это неумно. Не лучше ли без всяких забот есть дурманные листья? Что за чудак, не понимает своего счастья! — рассуждал Большой Скорпион, однако настаивать не посмел, а лишь заявил, что должен ходить вместе со мной. Конечно, он боялся, как бы я не убежал. Но ведь я могу убежать и при нем, если захочу. Услышав это, он закрыл рот на целых десять минут, так что я даже испугался, не помирает ли он от страха.

— Тебе незачем ходить со мной, клянусь, что я не убегу! — утешил я его.

Он тихо покачал головой:

— Клянутся только дети.

Рассерженный такой беспардонностью, я схватил Большого Скорпиона за волосы, в первый раз применив силу. Он никак не ожидал этого. Пожертвовав несколькими волосками, а может быть, и клочком шкуры, он отбежал на почтительное расстояние и объяснил мне, что прежде среди людей-кошек были распространены клятвы, однако за последние пятьсот лет их давали так

часто, что теперь произносят только в шутку. Эта реформа является очевидным прогрессом. Доверие вещь неплохая, но с практической точки зрения не очень удобная. Дети любят давать клятвы именно потому, что их вовсе не обязательно соблюдать. Все это Большой Скорпион говорил печально, потирая общипанное место.

Устыдившись своей вспыльчивости, я позволил ему ходить со мной и получил в награду вкусный ужин. Люди-кошки готовят отлично, жаль только, что в их кушанья попадает слишком много мух. Я сплел из травы крышку и велел повару накрывать еду. Кошачий повар нашел это странным, даже смешным, но, получив приказ Большого Скорпиона, не посмел со мной спорить.

Нечистоплотность люди-кошки возвели в одну из самых славных своих традиций, поэтому повар все же продолжал хитрить со мной. Каждый раз, когда на еде не было крышки, мне приходилось жаловаться Большому Скорпиону. Но однажды мне вовсе не принесли еды, а на следующий день подали тарелку, покрытую вместо крышки толстым слоем мух. Оказывается, Большой Скорпион и его слуга стали презирать меня за слабость. Рукоприкладство считается привилегией высокопоставленных людей-кошек, и подчиненные принимают побои как должное. Что же делать? Пускать в ход руки мне не хотелось: я считал себя гуманным человеком и всегда гордился этим. Но, увы, я рисковал лишиться не только еды, но и безопасности. Ничего не поделаешь, пришлось и у повара выдрать клочок шкуры. С тех пор крышка уже не лежала без дела. Да, здесь трудно сохранить человеческое достоинство...

Моим главным удовольствием на Марсе было утреннее купанье. Я вставал еще до рассвета и выходил на речную отмель неподалеку от дурманной рощи. Короткая прогулка успевала лишь освежить меня; я стоял по щиколотку в воде и ждал восхода. Утренний пейзаж был удивительно спокоен и красив. На небе, еще не подернутом туманом, виднелись крупные звезды, кругом ни звука — только тихое журчанье воды по песку. Солнце поднималось, и я входил в реку. Здесь было мелко, нужно было сделать по отмели шагов двести, чтобы вода дошла до груди. Вволю поплавав, я выходил из воды и обсыхал на солнце. Рваные штаны, пистолет, спичечная коробка — все лежало на большом камне. Я стоял голый, без забот и печалей, и чувствовал себя самым свободным

человеком в этом сером мире. Но вот солнце начинало пригревать, над рекой поднимался туман, и мне становилось немного душно. Все-таки Большой Скорпион не лгал, говоря, что здесь можно отравиться воздухом. Пора было возвращаться и есть свой дурманный лист.

К сожалению, мои купанья продолжались недолго — по вине того же Большого Скорпиона. Примерно через неделю, едва ступив на отмель, я увидел вдалеке снующие тени. Я не обратил на них внимания и продолжал любоваться восходом. Восток медленно розовел, рассеянные облака превращались в багровые цветы, звезды пропали. Затем облака вытянулись цепочкой, став темно-оранжевыми, с серебристо-белыми краями там, где они смыкались с серым небом. На оранжевом фоне выступили темные пятна, словно окаймленные золотыми нитями. Из них, неуверенно дрожа, выпрыгнул кроваво-красный, не очень круглый диск, превративший облака в сверкающую чешую. Река посветлела и залилась золотым блеском. Облака становились все тоньше, а вскоре совсем исчезли, сменившись легкой розоватой пеленой. Солнце поднялось. Теперь уже все небо приобрело серебристо-серый оттенок, в некоторых местах даже голубой.

Я смотрел на это как зачарованный, а когда наконец обернулся, увидел на берегу, всего в каких-нибудь десяти саженях, толпу людей-кошек. «Наверное, они заняты чем-то своим», — подумал я и решил продолжать купанье. Но едва я зашел поглубже, как толпа передвинулась к отмели. Когда я бросился в воду, на берегу поднялся пронзительный вой. Я несколько раз окунулся и вышел на отмель; вопящая толпа попятилась. Я понял, что людей-кошек привлекло сюда мое купанье.

«Пусть себе глазеют, — подумал я. — Ведь их интересует не мое тело — они сами ходят голыми, — а как я плаваю. Может быть, поплескаться еще немного, чтобы расширить их кругозор?» Но тут я увидел Большого Скорпиона, который стоял впереди всех, почти у самой воды. Видимо, желая показать, что он не боится меня, он скакнул еще ближе и сделал лапой знак, чтобы я прыгнул в воду. Четырехмесячный опыт подсказал мне, что, если я ему подчинюсь, он совсем заважничает. Этого я уже не мог стерпеть: всю жизнь не любил, чтобы мною помыкали. Я вышел на отмель, достал пистолет и прицелился в него.

8

Я еще никогда не видел, чтобы Большой Скорпион так смеялся. Чем больше я свирепел, тем сильнее он корчился от хохота, как будто смех у людей-кошек был главным средством избежать расправы. Я спросил, зачем он собрал толпу. Он не отвечал и по-прежнему хохотал. Мне было противно связываться с ним, поэтому я предупредил, что ему несдобровать, если он еще раз устроит что-либо подобное.

На следующее утро, еще не дойдя до отмели, я вновь увидел снующие тени; их было больше, чем вчера. Надо выкупаться, чтобы понять, в чем же все-таки дело, а с Большим Скорпионом рассчитаюсь потом! Я зашел в воду и, делая вид, будто моюсь, начал следить за толпой. Позади Большого Скорпиона стоял человек-кошка с большой охапкой листьев, которая доходила ему до самого подбородка. По знаку Большого Скорпиона слуга пошел вдоль толпы, и охапка листьев в его лапах стала постепенно уменьшаться. Тут мне стало ясно, что Большой Скорпион пользуется случаем, чтобы торговать дурманными листьями, причем наверняка по повышенной цене.

Я люблю посмеяться, но тут мне было не до смеха. Люди-кошки очень боялись меня, иностранца; значит, всю эту комедию затеял Большой Скорпион. Следовало проучить его, иначе я никогда уже не смогу наслаждаться утренним купаньем. Конечно, если бы люди-кошки захотели поплавать вместе со мной, я не имел бы ничего против, река принадлежит не мне одному. Но когда один купается, а сотни глазеют да еще занимаются куплей-продажей — это мерзко!

Я хотел схватить не Большого Скорпиона (он вряд ли сказал бы мне правду), а одного из зевак, чтобы узнать, в чем же все-таки дело. Поэтому я стал медленно пятиться задом, намереваясь незаметно выйти на берег и помчаться к ним.

Но едва я побежал, как раздался дикий вопль — противнее визга свиньи, которую режут. Землетрясение не произвело бы большей паники, чем моя неожиданная атака. Люди-кошки мчались сломя голову, давя друг друга, падая, снова вскакивая... Берег в одно мгновение опустел, лишь кое-где валялись раненые, которые уже не могли бежать. Я поднял одного из них: глаза закрыты,

дыхания нет! Поднял другого — жив, хотя нога сломана. Впоследствии я не раз бранил себя за то, что допрашивал раненого. Если прощать себе все, что сделал, не подумав, люди никогда не станут гуманными.

Заставить полумертвого от страха человека-кошку говорить, да еще говорить с иностранцем, — самое трудное дело на свете. Я понял наконец, что это убьет его, и оставил свои попытки. Двое пострадавших по-прежнему лежали на земле, а остальные быстро ползли в сторону. Я не стал догонять их.

Вот и нарвался на крупную неприятность! Кто знает, что представляют собой кошачьи законы? Правда, я убил этих несчастных не собственными руками, но, говоря откровенно, был всему причиной. Впрочем, пусть эту кашу расхлебывает Большой Скорпион, а пока лучше воспользоваться случаем и сходить к месту крушения корабля. Опомнившись, Большой Скорпион побежит искать меня, вот тут-то я его и прижму. Если он не согласится помочь, я к нему не вернусь. Шантаж? Но с таким лживым и презренным существом невозможно обращаться иначе.

Спрятав пистолет, я с поникшей головой побрел вдоль реки. Солнце палило немилосердно, и я чувствовал, будто мне чего-то не хватает. Проклятые дурманные листья! Без них я не мог противостоять палящему солнцу и ядовитому туману, поднимающемуся с воды.

Кошачьих святых я не знал, поэтому, чтобы скрыть собственную беспомощность, мне оставалось проклинать только людей-кошек. Я подумал, что дурманные листья легче всего добыть на «поле боя». Конечно, я мог бы сходить в рощу и отломить там целую ветку, но мне было лень шагать так далеко. Поэтому я вернулся на берег, подобрал несколько листьев, брошенных разбежавшимися, пожевал один из них и снова отправился вдоль реки.

Вскоре передо мной показались серые холмы. Я помнил, что корабль упал недалеко от них, хотя и не знал, в какой стороне. Жара стояла невыносимая. Два новых листа не принесли мне облегчения. Кругом ни деревца, отдохнуть все равно негде. Я решил идти до тех пор, пока не найду корабль.

Вдруг сзади послышались крики. Я различил среди них голос Большого Скорпиона, но продолжал идти, не оборачиваясь. Вскоре он догнал меня — бегал он очень быстро. Я хотел схватить его за шиворот и вытряхнуть

из него душу, однако рука не поднялась: слишком уж у него был жалкий вид — морда вспухла, на голове и туловище ссадины, шерсть слиплась, словно у водяной крысы. Кто его избил, мне было все равно, но к напуганному и израненному Большому Скорпиону я проникся сочувствием. Он похватал разинутым ртом воздух и наконец выдавил:

— Скорее, дурманную рощу грабят!

Я рассмеялся; моего сочувствия как не бывало. Если бы Большой Скорпион попросил меня защитить его жизнь, я, как истинный китаец, тотчас откликнулся бы. Но кто станет защищать добро помещика? Грабят так грабят, я тут ни при чем.

— Скорее, дурманную рощу грабят! — повторил Большой Скорпион, отчаянно тараща глаза.

— Расскажи мне сначала, зачем ты устроил утреннюю комедию, — потребовал я.

Большой Скорпион задергал шеей от ярости и с трудом выдохнул:

— Дурманную рощу грабят!

Он задушил бы меня, если бы посмел. Но я тоже стоял на своем и решил не трогаться с места до тех пор, пока он не скажет мне правды. В конце концов мы пошли на сделку: я отправляюсь за ним, а он объяснит все по дороге.

Оказалось, что глазевшие на меня люди-кошки были представителями высшего общества, которых он пригласил из города. Богачи никогда не встают так рано, но мое купанье было слишком редким событием; кроме того, Большой Скорпион обязался поставить им лучшие дурманные листья. Каждый посетитель платил ему за зрелище десять национальных престижей (основная денежная единица в Кошачьем государстве), а дурманные листья — два прекрасных, сочных листа — давались бесплатно.

«Ну и тип! Выставляет меня напоказ, как свою собственность!» — подумал я, но Большой Скорпион, не дожидаясь, пока я выскажу свое возмущение, уже принялся мягко оправдываться:

— Видишь ли, национальный престиж есть национальный престиж. Когда чужой национальный престиж забираешь в свои руки, это считается очень благородным поступком. Хоть я и не посоветовался с тобой, — Большой Скорпион шел очень быстро, но это не мешало ему

изъясняться все мягче и изысканнее, — я знал, что ты не будешь против такого высоконравственного шага. Ты, как всегда, купаешься, я получаю горсточку национальных престижей, зрители расширяют свой кругозор, и никто не остается в убытке. Это очень выгодное дело!

— А кто будет отвечать за умерших?

— Это пустяки! — пыхтя, отвечал Большой Скорпион. — Когда я кого-нибудь убиваю, мне достаточно выложить несколько дурманных листьев. Законы — только знаки, вырезанные на камне, а листья — это все. Никто не станет интересоваться, убил ты кого-нибудь или нет. За тебя даже ни одного дурманного листа платить не придется, потому что наши законы на иностранцев не распространяются. Я жалею, что сам не иностранец. Если ты убьешь кого-нибудь здесь, в деревне, брось его там, где убил, чтобы белохвостые коршуны могли полакомиться, а если в городе, то зайди в суд и сообщи. Судья тебя очень вежливо поблагодарит.

Большой Скорпион мне завидовал, а я чуть не плакал: «Бедные люди-кошки! Вот и кончена ваша жизнь! Где же справедливость?!»

— Ведь те двое убитых были богатыми людьми. Разве их родственники не захотят тебе отомстить?

— Конечно, захотят. Это они напали на мою рощу. Они давно уже послали шпионов, чтобы следили за каждым твоим шагом. Как только ты отошел от рощи, они сразу же налетели на нее. Идем скорей!

— Неужели человек ценится меньше дурманного листа?

— Мертвые — это мертвые, а живым нужно есть дурманные листья. Идем!

Может быть, я заразился стяжательством от людей-кошек, а может быть, меня надоумила последняя фраза, брошенная Большим Скорпионом, но я вдруг сообразил, что должен потребовать у него национальных престижей. Если в один прекрасный день я покину его — а мы с Большим Скорпионом, наверное, никогда не станем друзьями, — то чем мне кормиться? Я имею право получить долю из денег, заработанных с моей помощью. В других условиях я бы никогда не додумался до этого, но здесь необходимо предусматривать все. Мертвые — это мертвые, а живым нужно есть дурманные листья. Разумно.

Невдалеке от рощи я остановился и спросил:

— А сколько ты заработал за эти дни?

Большой Скорпион оторопел и вытаращил глаза.

— Всего пятьдесят национальных престижей, да еще два из них оказались фальшивыми. Идем скорее!

Я решительно повернулся и пошел назад. Он догнал меня:

— Сто! Сто!

Поскольку я продолжал идти, он довел цифру до тысячи. Я знал, что самих зевак была почти тысяча, но не хотел торговаться с ним.

— Ладно, дашь мне пятьсот, а иначе прощай.

Большой Скорпион понимал, что каждая минута промедления стоит ему дурманных листьев, и со слезами на глазах согласился.

— А если ты еще когда-нибудь тайком будешь зарабатывать на мне, я сожгу твою рощу! — добавил я, похлопав по спичечному коробку.

Он снова поддакнул.

В роще уже никого не оказалось: наверное, грабители выставили дозорного, который и сообщил им о моем приближении. Два или три десятка деревьев на опушке стояли почти голыми. Большой Скорпион вскрикнул и упал без чувств.

9

Дурманная роща выглядела очень красиво. Листья были уже больше ладони: толстые, темно-зеленые, с золотисто-красными прожилками. На самых сочных листах появились разноцветные пятнышки, которые превратили рощу в огромный пестрый цветник. Солнечный свет, пробиваясь сквозь серый воздух, делал листья еще более яркими и привлекательными. Они не слепили глаз, а радовали, словно древняя картина, на которой краски почти не поблекли, но благодаря прошедшим годам утратили ненужную пестроту.

Возле рощи с утра до вечера стояло множество зрителей. Впрочем, нет, не зрителей, потому что глаза у них были блаженно закрыты, а носы втягивали волшебный аромат. Из разинутых ртов текла слюна. Когда задувал ветер, все продолжали стоять неподвижно — вытягивались и поворачивались только их шеи, подобно рожкам улиток. Какой-нибудь созревший лист падал. «Нюхатели» не видели и не слышали его мягкого падения, но,

казалось, чуяли носом: они мгновенно открывали глаза, шевелили губами, однако Большой Скорпион всегда опережал жаждущих. Он подкатывался, точно клубок шерсти, и подбирал свою драгоценность. Вокруг раздавались тяжелые вздохи.

Для охраны рощи Большой Скорпион нанял пятьсот солдат, расквартировав их больше чем в километре отсюда, потому что они первыми начали бы грабить рощу. Не приглашать их нельзя, так как охрана дурманных деревьев была самым важным делом в Кошачьем государстве. Все понимали, что солдаты ничего не могут защитить, но отказаться от них значило оскорбить генералов, а Большой Скорпион был гражданином благонамеренным и не хотел, чтобы его в чем-нибудь обвинили. Однако во избежание соблазна он ставил свое войско подальше. Когда ветер дул слишком сильно и притом в сторону солдат, хозяин приказывал им отойти еще на полкилометра. Они ни за что не послушались бы его приказов и восстали, если бы рядом не было меня. Недаром в Кошачьем государстве существует поговорка: «Иностранец чихнет — сто солдат упадет».

Войском Большого Скорпиона командовали двадцать генералов. Эти генералы были мудрыми, справедливыми, верными и надежными, но в любую минуту вполне могли связать хозяина и тоже кинуться грабить рощу. Только благодаря моему присутствию они не грабили, а оставались верными и надежными.

Забот у Большого Скорпиона было хоть отбавляй: шпионить за генералами, следить за направлением ветра, отгонять солдат, присматривать за зеваками. Недавно ему одним духом пришлось съесть тридцать валявшихся листьев, иначе бы они пропали. Говорят, что после сорока листьев можно три дня не спать, но зато на четвертый день отправишься к праотцам. Такая уж это штука, дурманные листья: если съешь мало, чувствуешь себя неплохо, но ничего не хочешь делать; если много съешь, способен горы свернуть, но скоро помрешь. Большой Скорпион был очень труслив, знал, что объедаться листьями нельзя, однако сдержать себя не мог. Бедный Большой Скорпион!

Он урезал мне ужин, потому что при малых порциях можно всю ночь бодрствовать. Ведь я фактически один охранял его рощу — значит, меня нужно морить голодом. Чем выше заслуги человека, тем больше он должен

страдать — такова кошачья логика. Но я не стерпел и разбил свою миску. На следующий день меня снова ждал нормальный ужин. Теперь я знал, как следует поступать с людьми-кошками, хотя и испытывал угрызения совести.

Целый день дул ветер. С того дня, когда я впервые попал в эту рощу, такой погоды не бывало. Слабый ветерок поднимался, и то не на целый день. Дурманные листья тогда едва начинали алеть. А сейчас они все время дрожали и переливались целой гаммой красок. Ночью Большой Скорпион с генералами воздвигали в середине рощи какой-то деревянный каркас: это оказалась сторожевая вышка для меня. Они объяснили, что ветер называется дурманным и сулит перемену погоды. В Кошачьем государстве всего два сезона: первая половина года — спокойный сезон, а вторая — бурный, с ветром и дождем.

Утром до меня сквозь сон донеслись странные звуки. Я вылез из своей хижины и увидел Большого Скорпиона, стоящего перед генеральским строем. За ухом у него красовалось перо из хвоста коршуна, в лапах — длинная палка. Генералы держали нечто вроде музыкальных инструментов. Завидев меня, Большой Скорпион ткнул палкой в землю, и генералы разом подняли свои инструменты. Когда он ткнул палкой в небо, инструменты зазвучали. Первый генерал дул, второй колотил — словом, все двадцать инструментов стали издавать разные звуки: высокие, низкие, но в равной степени режущие слух, противные. Глаза у музыкантов вылезли на лоб, тела раскачивались, рты хватали воздух, однако отставать никто не желал. Двое, почти задохнувшись, упали на землю и все-таки продолжали дуть, потому что в Кошачьем государстве ценится только долгая и шумная музыка.

Три часа продолжался этот концерт. Наконец Большой Скорпион взмахнул своей палкой, музыка смолкла, и запыхавшиеся генералы присели на корточки.

Вытащив из-за уха перо коршуна, Большой Скорпион почтительно подошел ко мне:

— Пора! Прошу тебя подняться на священный алтарь и от лица богов наблюдать за сбором дурманного листа.

Сначала я ничего не понял, так как одурел и оглох от их музыки. Потом меня начал разбирать смех, но я

все же последовал за Большим Скорпионом. Он воткнул в мои волосы перо, забрался на сторожевую вышку и стал молиться. Снова грянула музыка. Наконец он слез и пригласил меня наверх. Вспомнив детство, я ловко вскарабкался по деревянным перекладинам. Большой Скорпион взмахнул палкой, генералы разбежались и встали в почтительном отдалении. По приказу Большого Скорпиона к ним подбежало множество солдат, тоже с палками. Большой Скорпион показал им на вышку, и солдаты подняли палки, как бы отдавая мне честь. Теперь я окончательно убедился, что играю роль представителя богов, которые, без сомнения, просто обожают Большого Скорпиона. Он тем временем объяснил солдатам, что, если во время сбора урожая они спрячут или съедят хотя бы один лист, представитель богов поразит их «ручным громом». Ручной гром вылетит вон из того «искусства». А генералы назначаются надсмотрщиками; заметив кражу, они заиграют на своих инструментах, и Большой Скорпион попросит меня извергнуть ручной гром.

Солдатам было приказано разбиться по двое: один забирался на дерево, другой складывал сорванные листья. У ближних ко мне деревьев никого не оказалось, так как Большой Скорпион предупредил солдат, что они могут окаменеть от одного дыхания представителя богов. Словно загипнотизированные хозяином, солдаты принялись за работу, а Большой Скорпион сновал между ними, как челнок в ткацком станке, — наверное, опять съел штук тридцать отменных листьев. Палка его была все время нацелена на головы солдат. Говорят, что во время сбора дурманного листа помещик должен убить по крайней мере одного солдата и закопать его под деревом, чтобы обеспечить себе на следующий год богатый урожай. Но если в роли представителя богов у помещика не настоящий иностранец, солдаты могут сами убить хозяина, ободрать все листья, а из веток наделать оружия, то есть палок. Войско, оснащенное палками из дурманного дерева, считается в Кошачьем государстве самым грозным.

Я сидел на сторожевой вышке, как попугай на жердочке, и потешался сам над собой. Но мне все же не хотелось нарушать кошачьих обычаев. Я должен хорошенько узнать местных жителей, а для этого надо участвовать во всех их делах, как бы они ни были смешны. К счастью, дул ветерок, и жара меня не очень мучила. Чтобы

не получить солнечного удара, я велел Большому Скорпиону принести мне вместо шляпы сплетенную из травы крышку, которой я накрывал еду.

От обычных людей-кошек солдаты отличались только перьями за ухом да палками. Эти предметы, конечно, давали им преимущество перед рядовыми жителями, но сейчас, загипнотизированные Большим Скорпионом, они, пожалуй, страдали сильнее своих соплеменников. Они грызли рощу, точно шелкопряды после спячки, и вскоре я уже видел стволы, которые раньше были плотно закрыты листвой. Еще через некоторое время солдаты добрались до макушек и даже принялись за сравнительно близкие ко мне деревья. Но на этих деревьях они рвали только одной лапой, а другой заслоняли глаза, видимо, боясь, что я могу их ослепить.

«Оказывается, люди-кошки отнюдь не бестолковы, — подумал я. — Если бы у них был настоящий руководитель, способный покончить с дурманом, они сумели бы сделать многое. Может быть, стоит заняться ими? Прогнать Большого Скорпиона, стать для них и помещиком, и генералом... Нет, пустые мечты. Я ничего не решусь предпринять, потому что не знаю их как следует».

В этот момент я вдруг увидел (деревья вокруг меня оголились, и я отчетливо мог видеть все, что происходило внизу), как Большой Скорпион занес свою палку над головой одного солдата. Я знал, что не успею задержать эту палку, даже если спрыгну с высоты двух саженей и не сломаю ногу при прыжке, но мне очень хотелось наказать Большого Скорпиона. Я прыгнул, тотчас поднялся, подбежал, однако солдат уже лежал на земле, а Большой Скорпион приказывал закопать его.

Человек, не понимающий ближних, часто вредит им при самых благородных побуждениях. Когда я спрыгнул, солдаты решили, что сейчас грянет ручной гром, и почти все попадали с деревьев. Многие, наверное, разбились, потому что вокруг стоял сплошной стон. Но я тогда не обратил на них внимания, а схватил Большого Скорпиона. Он воспринял мой прыжок иначе, решив, что я хочу помочь ему, что я вообще стал его верным клевретом — ведь все это утро я был так послушен. Когда я его схватил, он очень удивился: он не чувствовал за собой никакой вины.

— Почему ты убил солдата? — крикнул я.

— Он отгрыз стебель от листа...

— И за это ты мог?..

Тут я вспомнил, что нахожусь среди людей-кошек, которых бесполезно урезонивать. Я сделал знак солдатам:

— Связать его!

Они смотрели на меня и, казалось, ничего не понимали.

— Связать Большого Скорпиона! — пояснил я, но никто не двинулся с места.

Сердце мое похолодело. Если я действительно встану во главе этих солдат, мне, наверное, никогда не найти с ними общего языка. Они не смеют помочь мне не потому, что любят Большого Скорпиона, а потому, что не понимают моей правоты. Им даже в голову не приходит, что можно мстить за товарища. Это поставило меня в тупик: если я отпущу Большого Скорпиона, он наверняка станет презирать меня. Но и убивать его не стоило — он еще может пригодиться мне на Марсе, по крайней мере здесь, в Кошачьей стране. При всех своих дурных качествах он для меня полезнее, чем эти жалкие вояки. Я притворился, будто гнев мой несколько утих.

— Признаешь свою вину? — спросил я Большого Скорпиона. — Или хочешь, чтобы я отдал твою рощу на разграбление?

Услышав о разграблении, солдаты оживились, протянули лапы к листьям, но я дал Большому Скорпиону два пинка, и все снова замерли. Глаза Большого Скорпиона превратились в крохотные щелки. Я чувствовал, что он ненавидит меня: ведь его наказал перед солдатами сам посланец богов, да еще за какой-то пустяк. Однако ссориться со мной он не посмел.

Я спросил его, сколько он платит сборщикам дурманных листьев. Когда он ответил, что по два листа, солдаты снова навострили уши, видимо ожидая прибавки жалованья. Я потребовал, чтобы Большой Скорпион хорошенько накормил их после работы, и уши разочарованно опустились. Мне не было дела до их печальных вздохов — меня больше интересовала семья убитого солдата, которой я велел выплатить сто национальных престижей. Большой Скорпион согласился, но когда я начал спрашивать, где живет семья погибшего, никто не издал ни звука. У людей-кошек не было привычки утруждать свой язык ради других. Я понял это только спустя несколько месяцев, а Большой Скорпион благодаря моему неведению сэкономил национальные престижи.

10

После окончания сбора листьев по-прежнему дул ветерок, в воздухе похолодало, на небе стали изредка появляться черные тучи, но без дождя. Это было начало «бурного сезона», когда помещики везли дурманные листья в город. Хотя Большой Скорпион был очень недоволен мной, ему пришлось напустить на себя добрейший вид, потому что отправляться в путь без меня было равносильно самоубийству.

Высушенные листья сложили в тюки. Каждый тюк тащили по очереди двое солдат, причем на головах. Впереди несли Большого Скорпиона: четверо солдат подпирали головами его тело, двое солдат повыше — ноги, а один солдат — шею. Этот способ передвижения был самым почетным в Кошачьем государстве, хотя и не очень удобным. По обеим сторонам от носильщиков шли двадцать генералов с музыкальными инструментами. Если солдаты не соблюдали дисциплину — например, запускали когти в тюки, чтобы нюхнуть дурману, — то генералы изысканнейшими звуками докладывали об этом Большому Скорпиону. Все вещи в Кошачьем государстве должны были приносить прямую пользу, искусство тоже: музыканты обычно служили шпиками.

Мне полагалось занять наиболее ответственное место в середине колонны. Большой Скорпион приготовил для меня семерых носильщиков, но я отказался от этого благодеяния и решил идти самостоятельно. Он никак не хотел соглашаться: приводил цитаты из классиков, говорил, что императора носит двадцать один человек, князя — пятнадцать, аристократов — семь, что это древний обычай, который нельзя, непозволительно нарушать. «Аристократ, ходящий по земле, позорит своих предков!» — восклицал он. Я уверил его, что мои предки не будут опозорены, если меня не понесут на головах. Тогда он чуть не заплакал и продекламировал двустишие:

Тот, кто ест дурманные листья,
Всегда будет аристократом.

— Пошел ты со своими аристократами! — оборвал я его, не вспомнив подходящей стихотворной цитаты.

Большой Скорпион вздохнул и про себя, должно быть, выругался, но вслух бранить меня не посмел.

Построение колонны заняло больше двух часов. Большой Скорпион то укладывался на головы своих носильщиков, то опять вскакивал, и так до семи раз, потому что кошачьи солдаты никак не могли стоять спокойно. Теперь они знали, что я не всегда помогаю Большому Скорпиону, он не решался пустить в ход дубинку, а ругань без побоев на них не действовала. Отчаявшись построить солдат в прямую линию, Большой Скорпион сдался и велел выступать.

Но едва мы пошли, как в небе показалось несколько белохвостых коршунов. Большой Скорпион испугался дурного предзнаменования, снова соскочил па землю и отложил выступление на завтра. Вконец обозленный, я вытащил пистолет:

— Если сейчас не пойдешь, не пойдешь вовсе!

Физиономия Большого Скорпиона позеленела. Он пошамкал ртом, однако не смог выдавить ни слова. Он понимал, что спорить со мной бесполезно, и в то же время знал, как опасно не верить приметам. Понадобилось минут пятнадцать, прежде чем он, весь дрожа, вскарабкался на кошачьи головы. Мы наконец двинулись. То ли от испуга, то ли из-за шалостей носильщиков он частенько падал на землю, но мигом снова взбирался на головы — Большой Скорпион свято хранил обычаи предков.

Всюду, где только можно было что-либо написать — на древесной коре, на камнях, на ветхих стенах, — всюду огромными белыми знаками были написаны лозунги и славословия: «Приветствуем Большого Скорпиона!», «Большой Скорпион отдает все силы для производства государственной пищи», «Солдаты Большого Скорпиона высоко несут дубинки справедливости», «Только благодаря Большому Скорпиону выдался богатый урожай»... Эти надписи были начертаны специальным гонцом для услаждения Большого Скорпиона в пути: он же сам и послал гонца.

Проходя небольшие селения, мы видели деревенских людей-кошек, которые сидели, прислонившись спиной к своей лачуге и зажмурив глаза. Меня очень удивило, что они даже не смотрят на нас. Если они боятся солдат, то почему не спрячутся, а если не боятся, то почему сидят с закрытыми глазами? И тут я разглядел, что на головах сидящих тоже видны мазки белой краски, из которых складываются лозунги вроде «Приветствуем Большого Скорпиона!». Хотя деревенские по-прежнему

не открывали глаз, Большой Скорпион милостиво кивал им, благодаря за радушие.

Эти деревни находились под его покровительством, и жалкий, унылый, изможденный вид жителей без слов говорил о том, как нежно пекся о них заступник. Я еще сильнее возненавидел Большого Скорпиона.

Один я мог бы дойти до Кошачьего города самое большее за полдня, но поход с кошачьими солдатами требовал серьезного навыка и терпения. Вообще-то, люди-кошки умеют двигаться быстро, однако, став солдатами, теряют эту способность. Вернее сказать, они теряют ее, когда нужно идти вперед, а когда приходится отступать, снова обретают ее. Такая необходимость появляется при каждой встрече с врагом.

Было час пополудни. И хотя по небу плыли тучки, солнце припекало весьма основательно. Солдаты тащились с широко раскрытыми ртами, их шерсть слиплась от пота — я еще не видывал такой неказистой армии. Наконец вдалеке показалась дурманная роща, и Большой Скорпион приказал идти прямо через нее. Я решил, что он жалеет солдат, хочет, чтобы они отдохнули в тени. Но когда мы добрались до этой рощи, он спросил меня, нельзя ли ее разграбить. «Листья — пустяки. Главное — обогатить армию боевым опытом!» — пояснил он.

Ничего не ответив, я взглянул на своих спутников. Они уже закрыли рты и выглядели почти бодрыми. «В конце концов, грабеж — это основное занятие кошачьих солдат, — подумал я. — Они ненавидят меня так же, как Большой Скорпион, и если я все время буду грозить им пистолетом, они рано или поздно убьют меня. Кто оценит мое благородство?» Я чувствовал, что уже начинаю заражаться кошачьей психологией; моя храбрость все чаще уступала место приспособленчеству. Но едва я согласился, как Большой Скорпион не замедлил попросить меня возглавить операцию. На этот раз мой ответ был твердым: грабьте сами, а меня не вмешивайте.

Солдаты уже давно почуяли запах добычи. Не дожидаясь приказа, они бросили тюки на землю и с палками в лапах ринулись вперед. Большого Скорпиона я тоже еще не видел таким смелым: глаза его бесстрашно округлились, шерсть встала торчком, палка взметнулась в воздух. В саму рощу воители не побежали, а как безумные

стали носиться вокруг. Я понял, что они выманивают из рощи охранников. Увидев, что там нет никакого движения, Большой Скорпион засмеялся, солдаты тоже, и вся армия бросилась на дурманные деревья.

Внезапно из рощи донесся крик. Большой Скорпион заморгал своими уже не круглыми глазами, солдаты бросили палки, попятились и, обхватив головы лапами, завыли:

— Там иностранец! Иностранец!

Хозяин, казалось, не поверил им, но его возражение прозвучало без особой убежденности:

— Иностранец? Я точно знаю, что там нет иностранца...

Пока он бормотал, из леса вышло множество кошачьих солдат и два высоких беловолосых существа, вооруженных блестящими палками. «Это наверняка иностранцы, — подумал я. — Как мне быть, если Большой Скорпион попросит меня драться с ними?! Я даже не знаю, что это за блестящие палки». Хотя я и не затевал грабежа, но все-таки чувствовал себя соратником Большого Скорпиона: его поражение уронило бы и мой авторитет, а с этим связано все мое будущее в Кошачьем государстве.

— Скорей задержи их! — шепнул мне Большой Скорпион.

Отбросив размышления, я вынул пистолет и двинулся вперед. К моему удивлению, беловолосые существа (они тоже были похожи на кошек) остановились. Большой Скорпион подбежал ко мне, из чего я понял, что особой опасности нет.

— Начинай переговоры! — зашептал он, прячась за мою спину.

Я слегка оторопел. Почему он больше не толкает меня в бой? О чем разговаривать с этими белыми существами? Человек всегда теряется, когда от него требуют меньше, чем он собрался дать. А один из моих соперников промолвил, обращаясь к Большому Скорпиону:

— Штрафуем тебя на шесть тюков дурманного листа, каждому по два.

Я оглянулся. Белых людей-кошек было только двое. Почему же он насчитал шесть тюков?

— Говори с ними! — торопливо шепнул Большой Скорпион.

Но что говорить? Я лишь машинально повторил:

— Штрафуем тебя на шесть тюков...

Белые существа улыбнулись и с довольным видом кивнули головами. Большой Скорпион облегченно вздохнул, а я по-прежнему не мог ничего понять. Только когда тюки принесли и белые люди-кошки предложили мне выбирать первому, я сообразил, что они включили в свою компанию и меня. Оставалось ответить такой же вежливостью и отдать им лучшие тюки. Иностранцы поклонились:

— Мы тоже скоро закончим сбор листьев, еще увидимся с вами в городе.

— Еще увидимся... — повторил я, чувствуя, что вновь столкнулся с каким-то странным обычаем. Белые существа приказали своим солдатам забрать тюки и скрылись в роще.

Прибыв в Кошачий город и поговорив с другими иностранцами, я наконец разобрался в этом приключении. Поскольку люди-кошки не могут победить иностранцев, у них остается только одна надежда — что иностранцы сами перебьют друг друга. Чтобы укрепить свою мощь, нужно ее укреплять, а кошки не любят расходовать энергию. Они предпочитают молить богов о том, чтобы иностранцы ввязались в междоусобицу, которая тотчас позволит им, кошкам, стать сильными — вернее, увидеть другие страны такими же слабыми, как Кошачье государство. Иностранцы раскусили этот замысел. Они часто конфликтовали с Кошачьим государством, но никогда не позволяли ему извлечь пользу из их собственных раздоров. Они превосходно понимали, что даже победа может обернуться для них поражением, если они будут разобщены. И, наоборот, объединившись, они смогут получить от людей-кошек немалую выгоду. Так строилась не только международная политика, но и жизнь всех иностранцев в Кошачьем государстве. Их основной профессией была охрана дурманных рощ, однако охранять рощи они условились лишь от местных жителей, а не друг от друга. Преступивший это правило наказывался, благодаря чему люди-кошки ценили иностранцев все больше.

Для «защитников» такая система была совсем недурна, а для туземцев? Я невольно обиделся за Больших Скорпионов, но затем подумал: они сами виноваты, что терпят это, не стараются стать сильными и давят своих соплеменников с помощью иностранцев. Уважать можно

только достойных людей, а люди-кошки утратили и честь, и совесть — не удивительно, что иностранцы с ними не церемонятся.

После разговоров на эту тему я долго пребывал в дурном настроении.

Но вернусь к Большому Скорпиону: уплата контрибуции ничуть не пристыдила его, он даже чувствовал себя победителем, с важным видом взгромоздился на кошачьи головы и сказал, что если я не нуждаюсь в таком количестве дурманных листьев (они ведь мне не очень нравятся), то он готов выкупить их за тридцать национальных престижей. Я знал, что два тюка стоят по меньшей мере триста престижей, но не стал торговаться с ним и вообще не ответил на его предложение.

Солнце уже клонилось к западу, когда впереди показался Кошачий город.

11

Едва я увидел его, как почему-то решил, что эта цивилизация скоро должна погибнуть. Я еще не был знатоком кошачьей цивилизации; та ее часть, с которой я столкнулся в деревне, лишь пробудила мое любопытство, желание уяснить скрытую суть. Не верилось, что здешняя культура сводится к одним ужасам. Конечно, цивилизации иногда погибают, наша земная история тоже писана не только розовой водичкой, но если мы способны рыдать просто при чтении истории, то еще горше наблюдать гибнущую цивилизацию собственными глазами.

У человека перед смертью может быть цветущий вид; приговоренный к гибели город порою бывает шумным, оживленным, и все-таки он умирает, медленно и неотвратимо. Можно спасти отдельного человека, но не город. Кажется, будто разящий перст судьбы занесен и над дурными, и над хорошими его обитателями. Хороших обитателей немного, они торопят свою гибель или пишут завещания, но их крики, и печальные, и веселые, так же бессмысленны, как треск цикад, пытающихся заглушить вой осеннего ветра.

Этот разящий перст я увидел и над шумными и суетливыми жителями Кошачьего города — скоро от них останется лишь прах и пепел!

Кошачий город выглядел очень оживленным. Его

планировка показалась мне наипростейшей, как у военного лагеря. Никаких улиц и переулков, только дома и пустыри, точнее — один большой пустырь, на котором стоит множество бесцветных домов. Все пространство между домами заполнено народом, неизвестно чем занимающимся. Ни один житель не ходит прямо, обязательно мешает другим. К счастью, пустыри весьма обширны, поэтому поток прохожих движется то вдоль, то поперек, ударяясь в дома, словно в дамбы. Я еще не знал, есть ли у этих домов номера. Если есть, то из пятого дома в десятый нужно пробираться километра два. Сначала тебя швырнут налево, потом направо, затем понесут вперед, отбросят назад и так далее. За время этого путешествия можешь случайно попасть к цели, а можешь даже домой не вернуться.

Когда-то здесь наверняка были улицы, но улицы опасны, потому что люди-кошки считают позорным уступать другому дорогу. Ходьба по разным сторонам тем более претила их свободному духу. Единственным выходом было ликвидировать улицы. Правда, от толкотни это не спасало, но по крайней мере сберегало немало жизней (как видите, иногда люди-кошки поступают весьма гуманно). Пронестись без отдыха километров шесть, а потом вернуться не так уж опасно, хотя и утомительно. Впрочем, не всегда утомительно: ведь ты можешь ехать на соседях, точно в бесплатном поезде. Я решил обязательно проверить свои догадки и посмотреть, нет ли здесь следов бывших улиц.

В самой давке не было ничего особенного. Но вот странно: поток пешеходов то поднимался, то опускался. Увидев на дороге камешек, прохожие присаживались на корточки, затем и вовсе садились, чтобы насладиться невиданным зрелищем. Новые прохожие тоже приседали на корточки, задние напирали, и получался настоящий водоворот. Самым последним приходилось карабкаться на чужие головы. Сидящие, забыв про камешек, начинали глазеть на зевак наверху, но тут где-нибудь в стороне узнавали друг друга двое знакомых. Толпа тотчас перемещалась. Каждый из прохожих считал своим долгом помочь встретившимся в разговоре, что неизбежно приводило к драке. Возникало сразу два водоворота, а знакомые сидели на земле и играли в шахматы. Наконец оба водоворота сливались в один, на этот раз вокруг шахмат.

Между толпами, очевидно, иногда возникает безлюдье, подобно расступившимся водам Красного моря, когда его переходили иудеи. Иначе я не мог представить, как Большой Скорпион с отрядом пройдет к своему дому, находившемуся в центре Кошачьего города. Завидев впереди людское море, я подумал, что Большой Скорпион обойдет его, но он вторгся в самую гущу. Грянула музыка, которую я сначала принял за приказ расступиться, и понял свою ошибку, когда зеваки с интересом бросились к музыкантам. Расчет Большого Скорпиона был иной: под звуки инструментов его солдаты стали бить дубинками по головам прохожих, как по барабанам. Тут-то людской поток и расступился. Самое любопытное, что интерес окружающих к нам ничуть не ослабевал, хотя дубинки солдат работали вовсю.

Городские люди-кошки несколько отличались от деревенских. На их головах белели плешины, которые, наверное, возникли благодаря длительной исторической эволюции и солдатским дубинкам. Оказалось, что солдаты бьют прохожих не просто для того, чтобы расчистить дорогу, но и из высших соображений. Стремясь пролезть вперед, зеваки толкались, дрались и даже кусались; передние отчаянно обороняли свои позиции, а солдаты колотили без разбора, стараясь умерить в соплеменниках тягу к сваре.

Я смотрел на жителей и с любопытством, и с жалостью. Окружающие дома я почти не замечал, потому что они сразу показались мне некрасивыми, во всяком случае грязными — это ощущал даже мой нос. Если красота и грязь совместимы, то мое суждение о кошачьей архитектуре неверно, хотя я по-прежнему не могу восхищаться дворцом, от которого несет нечистотами.

Итак, я смотрел только на прохожих, но вскоре и это стало мне в тягость, потому что они истошно орали, встретившись со мной взглядом. Городские жители боялись иностранцев меньше, чем деревенские; их крики были вызваны преимущественно изумлением, что не мешало им толкать нас или указывать на меня пальцами. Люди-кошки — существа прямодушные: что видят, на то и показывают. Но я все-таки не мог избавиться от земных понятий, а потому раздражался и страдал. Тысячи пальцев были направлены на меня, словно пистолеты, а за каждым пальцем торчал любопытный нос и блесте-

ли круглые глаза. Их пальцы, носы и взгляды как будто нивелировали меня, лишали всякой индивидуальности.

Теперь я не смел поднять головы. Это давало мне и некоторые преимущества, так как дорога была вся в колдобинах и зловонных лужах; я бы вывалялся как свинья, если бы глазел по сторонам. Люди-кошки, наверное, не чинили дорог в течение всей своей многовековой истории, которой они бахвалились. Как бы мне вообще не возненавидеть историю, особенно многовековую!

К счастью, мы вскоре добрались до жилища Большого Скорпиона. Здесь я окончательно понял, что городские дома людей-кошек мало отличаются от жалкой хижины, которая была отведена мне в дурманной роще.

12

Дом Большого Скорпиона, стоявший, как уже говорилось, в центре города, представлял собой четыре высоких стены без окон и дверей. Такими же были и соседние дома, которые я разглядел только потому, что вечерняя прохлада разогнала толпу зевак.

Над стеной показалось несколько кошачьих морд. Большой Скорпион что-то крикнул, и морды пропали. Потом снова появились, спустив к нам толстые веревки для тюков. Уже стемнело, на улице не осталось ни одного прохожего. Тюки были втащены еще не все, но солдаты забеспокоились, явно ленясь работать, хотя ночью они видели так же хорошо, как днем.

Большой Скорпион с величайшей осторожностью спросил меня, не соглашусь ли я ночевать здесь, на оставшихся тюках. Тут я впервые пожалел об электрических фонариках, разбившихся вместе с кораблем. Если бы у меня был фонарик, я мог бы спокойно, без назойливых сопровождающих, осмотреть Кошачий город. Что же до ночлега, то спать на открытом воздухе, судя по моему деревенскому опыту, не хуже, чем в кошачьем доме, а обозреть это жилище я еще успею. Большой Скорпион очень обрадовался, распустил солдат и, ухватившись за веревку, исчез за стеной.

Я остался один. Дул ветерок, звезды казались ярче обычного — словом, все говорило об осени. Только вонючая канава неподалеку мешала наслаждаться тишиной и ночной прохладой. Чтобы перебить этот запах, а заодно

поужинать, я съел несколько дурманных листьев и стал бродить взад-вперед, размышляя над увиденным за день.

Почему люди-кошки, днем такие активные, ночью все прячутся? Может, это вызвано общественными неурядицами? Как они живут в домах, где нет ни света, ни воздуха, а только вонь, грязь и мухи?! А, понимаю, они боятся грабежей! Но ведь самый лютый грабеж бледнеет перед болезнями, которые отнимают саму жизнь... — Мне снова почудился разящий перст, и я вздрогнул. — Если на такой город обрушится чума или холера, он опустеет буквально за неделю! Этот город становился мне все противнее: огромной черной тенью лежал он под звездным небом в полнейшей тишине, испуская одно зловоние.

Оттащив несколько тюков подальше от канавы, я лег на них и уставился на звезды. Ложе получилось совсем недурное, но мне по-прежнему было печально. Я даже начал завидовать людям-кошкам. Они живут хоть и в грязи, но со своими родными, а у меня на Марсе нет никого, кроме звезд да Большого Скорпиона. Я горько усмехнулся, в глазах у меня стояли слезы.

Уснуть мешала и мысль о том, что мне нужно стеречь дурманные листья. Когда я уже был готов пренебречь своими обязанностями, кто-то похлопал меня по плечу. Я вскочил, протер глаза и увидел двух людей-кошек. Они показались мне духами, так как минуту назад здесь никого не было. По-видимому, и на цивилизованных людей действуют первобытные суеверия.

Еще не рассмотрев пришельцев, я уже понял, что это не обычные кошки, раз они посмели дотронуться до меня. О пистолете я забыл, как и о том, что я на другой планете.

— Садитесь! — сказал я; это было единственное вежливое кошачье слово, которое я тогда вспомнил.

Они спокойно сели. Это еще больше изумило меня: за долгие дни, проведенные мной на Марсе, люди-кошки впервые так свободно принимали мои знаки внимания.

— Мы иностранцы, — сказал тот, который был полнее. — Догадываетесь, почему мы об этом говорим?

Я утвердительно кивнул.

— Вы ведь тоже иностранец, — на всякий случай добавил худой.

Они говорили непринужденно и с уважением друг к другу — не так, как Большой Скорпион, который зара-

нее подготавливал свои лицемерные афоризмы, предпочитая изрекать их в одиночку.

— Я прилетел с Земли.

— О! — удивленно протянули они. — Мы давно мечтали установить связь с другими планетами, но нам это никак не удавалось. Мы счастливы видеть землянина!

Оба встали, как бы выражая почтение ко мне. Я вновь почувствовал себя в человеческом обществе и так помрачнел от воспоминаний об утраченном, что забыл ответить на любезность. Они стали расспрашивать меня о Земле. Речь их была простой, ясной, лишенной церемонных красивостей и вместе с тем вежливой — словом, нормальной человеческой речью. Они, конечно, были во много раз умнее Большого Скорпиона, не говоря уже о прочих людях-кошках, и определенно понравились мне.

Их страна, рассказали они, называется Блестящим государством и лежит в семи днях пути от Кошачьего государства. А тут они занимаются тем же, чем и я, — охраняют рощи местных помещиков.

После того как я расспросил об их родине, толстяк сказал:

— Земной господин! — Вероятно, он решил, что это самое лестное для меня обращение. — У нас есть для вас предложение: берите эти тюки и переходите жить к нам.

Я чуть не подпрыгнул от испуга.

— Объясни, пожалуйста, если не трудно, — попросил толстяк худого. — Земной господин, кажется, не понял наших намерений.

— Мы вас напугали? — улыбнулся худой. — Успокойтесь, мы ведь только предложили. Большой Скорпион все равно не оценит вашей преданности и не удивится, если вы ему измените. Разве вам не известны нравы Кошачьего государства?

«Но ведь они тоже кошки!» — мелькнуло у меня в голове.

Он угадал мои мысли:

— Да, наши предки были кошками, как ваши...

— Обезьянами, — подсказал я.

— Совершенно верно. Все мы произошли от животных. — Он испытующе взглянул на меня, как бы проверяя, действительно ли я похож на обезьяну. — Но вер-

немся к дурманным листьям. Большой Скорпион не будет опечален их пропажей. Напротив, он повсюду раззвонит, что обворован, и повысит цену на оставшийся товар. Когда богатого грабят, страдают только бедные.

— Вот именно. Кроме того, я обещал стеречь листья и не хочу поступаться своей совестью.

— Правильно, земной господин. На своей родине мы тоже так рассуждаем, но здесь, в Кошачьем государстве, честность бессмысленна. Говоря откровенно, это просто позор, что на Марсе существует такая страна. Мы не считаем ее жителей за людей.

— Тогда мы тем более должны быть честными. Пусть они не люди, но мы-то люди! — твердо сказал я.

— Земной господин, — вмешался толстяк. — Мы совсем не хотим, чтобы вас терзали угрызения совести, мы пришли предостеречь вас, научить, как не остаться в дураках. Ведь иностранцы должны помогать друг другу.

— Может быть, Кошачье государство потому так и ослабело, что иностранцы объединились против него? — возразил я.

— Отчасти да. Но у нас — я имею в виду на нашей планете — недостаток военной силы никогда не был причиной ослабления международного авторитета. Главной причиной обычно становится утрата достоинства и чести. С таким государством никто не желает сотрудничать. Мы знаем, что во многом виноваты перед Кошачьей страной, однако вряд ли захотим ссориться из-за нее с другими странами. Хотя на Марсе еще немало слабых государств, они не лишились уважения соседей. Ведь слабость порождается разными причинами: географическое положение, стихийные бедствия — все играет роль. Но ни одно из этих государств не утратило собственного достоинства, — это зависит от самих жителей. Вы гость, прилетевший с Земли, вы не раб Большого Скорпиона, а разве он пригласил вас к себе в дом? Разве угостил? Нет, он интересовался только тем, чтобы вы стерегли ему дурманные листья! Я вовсе не подстрекаю вас, а пытаюсь объяснить, почему мы, иностранцы, презираем Кошачье государство.

Толстяк остановился, чтобы перевести дух, и в разговор вступил худой:

— Даже если вы завтра сами попроситесь в дом к Большому Скорпиону, он снова вас не пустит. Почему? Еще узнаете. Сейчас я сообщу вам только одно: здеш-

ние иностранцы живут вместе в западной части города, без всяких национальных различий, как большая семья. На нас двоих возложен прием гостей. Бывалые посетители сами идут к нам, а для встречи новичков мы каждый день посылаем в город дозорных. Почему мы создали отдельную колонию? Потому что отучить местных жителей от грязи совершенно невозможно. Их пища — настоящая отрава, их врачи... Ах, у них вообще нет врачей! Есть и другие причины, о которых сейчас не время распространяться. Словом, мы пришли позаботиться о вас. Можете нам поверить!

Я верил и даже немного догадывался о причинах, обойденных молчанием. Но я попал в Кошачий город и должен заняться прежде всего им. Вполне возможно, что другие страны еще интереснее; скажем, Блестящая страна наверняка культурнее Кошачьей. И все-таки важнее изучить гибнущую цивилизацию. Я не собирался смотреть на историю глазами пессимиста, а надеялся хоть немного помочь местным жителям. Да, я верил в искренность собеседников, но не мог допустить, что все жители здесь такие же, как Большой Скорпион.

Гости снова угадали мои мысли.

— Давайте сейчас ничего не решать, — промолвил толстяк. — Когда бы вы ни пришли к нам, мы будем рады. Идти лучше ночью — это не так утомительно! — прямо на запад. До свиданья, земной господин!

Они ничуть не рассердились, а по-прежнему вели себя открыто и приветливо. Я был очень благодарен им за понимание.

— Спасибо. Я обязательно приду к вам, но сначала хочу все увидеть собственными глазами.

— Будьте осторожны со здешней едой. До свиданья! — повторили они, а я утвердился в своем решении.

Местных жителей можно воспитать, они такие наивные: солдаты бьют их, а они смеются! Чуть стемнеет, ложатся спать и ни гугу. Да разве такой народ нельзя цивилизовать?! Если у них появится хороший руководитель, они наверняка станут мирными и достойными гражданами.

Я не мог уснуть. В моем воображении рисовались радужные картины: Кошачий город перестроен, превращен в огромный цветник. Кругом чистота, порядок, стоят красивые скульптуры, щебечут птицы, играет музыка...

13

Большой Скорпион даже не сказал спасибо за то, что я сберег ему тюки, и не поинтересовался, где я буду спать следующую ночь. Во всяком случае, не в его доме.

— Нет, нет! Если ты будешь жить с нами, тебя перестанут уважать. Ведь ты иностранец. Почему бы тебе не пойти в иностранный квартал?

Какая бесстыдная наглость! Предсказания жителей Блестящей страны сбывались.

Сдержав гнев, я попробовал объяснить, почему мне хочется остаться здесь. Потом намекнул, что готов не жить в его доме, а только посмотреть и уйти. Он вновь не согласился. Этого следовало ожидать: за несколько месяцев, проведенных в роще, я даже не узнал, где он ночует. Сейчас он, наверное, боится, что я проникну в его склад дурманных листьев. Но если бы мне хотелось их украсть, я сделал бы это еще вчера вечером.

Большой Скорпион отрицательно покачал головой: он не может принять меня потому, что у него в доме женщины. Логичный довод, хотя от моего взгляда женщины не пострадают. Впрочем, что тут рассуждать!

В эту минуту над стеной выросла голова старого кота — вся седая, похожая на высушенную тыкву с усами. Это появился отец Большого Скорпиона.

— Нам не надо иностранцев! Не надо! Не надо! — замяукал он.

Я чуть не рассмеялся и в то же время испытал уважение к этому старому коту с тыквенной головой: он, по крайней мере, не боялся сильных, даже презирал их. Презрение, наверное, проистекало от невежества, но мне он все равно показался благороднее Большого Скорпиона.

Тут меня отозвало в сторону какое-то молодое существо, а Большой Скорпион, воспользовавшись случаем, улизнул за стену.

Молодой человек-кошка был сыном Большого Скорпиона. Я очень обрадовался этой встрече: теперь я знаком сразу с тремя поколениями. Хотя старшие поколения еще живы и, по-видимому, сохраняют значительную силу, они все-таки принадлежат прошлому. Пульс Кошачьего государства надо щупать на молодежи.

— Ты издалека? — спросил меня Маленький Скорпион.

На самом деле у него было свое имя, но для простоты я буду называть его так.

— Издалека! — воскликнул я. — Скажи, этот старик — твой дедушка?

— Да. Он считает, что все беды происходят от иностранцев, поэтому очень боится их.

— Он тоже ест дурманные листья?

— Представь себе, ест, хотя они и завезены из-за границы. Он думает, будто позорит этим иностранцев.

Вокруг уже толпилось немало прохожих, которые смотрели на меня, разинув рты и округлив глаза, словно на чудище.

— Нельзя ли нам найти для беседы местечко поспокойнее?

— Куда мы ни пойдем, они двинутся за нами, так что давай говорить здесь. Они совсем не слушают нас, только глазеют на тебя.

Прямота Маленького Скорпиона мне очень нравилась.

— Ладно, останемся здесь. Расскажи о своем отце.

— Он прогрессивная личность, по крайней мере был ею до двадцати лет. Тогда он выступал против дурманных листьев, но потом унаследовал дедовскую рощу. Еще он ратовал за свободу для женщин, а сейчас не пускает тебя к нам, потому что у него в доме женщины. Дед часто говорит, будто я тоже таким стану: в зрелые годы все вспоминают заветы предков. Дед, кроме заветов, ничего не знает. Отец — тот немного другой. В молодости он даже подражал иностранцам, а сейчас использует свои знания, чтобы на всем наживаться. Когда надо применить новинку, он ее применит ради выгоды, но в главном они с дедом одинаковы.

Рассказ собеседника ошеломил меня, и я зажмурил глаза. Мне показалось, будто он нарисовал картину общественного круговорота. Вне круга что-то мерцает, но внутри царит кромешная, все сгущающаяся тьма. Развеется ли когда-нибудь тьма — это целиком зависит от таких, как Маленький Скорпион, думал я, хотя еще не знал ни его подлинных взглядов, ни его возможностей.

— А ты ешь дурманные листья? — вдруг спросил я, точно в этих листьях крылись истоки всех бед.

— Ем, — ответил Маленький Скорпион.

Картина общественного круговорота еще больше затуманилась.

— Почему? Извини за бесцеремонность.

— Потому что без них нельзя бороться.

— Бороться? Может быть, приспосабливаться?

Маленький Скорпион долго молчал.

— Да, пожалуй, приспосабливаться...— ответил он наконец. — Я был за границей, повидал мир, но среди народа, который ничего не желает делать, можно только приспосабливаться, иначе не проживешь.

— А сам ты разве не способен действовать?

— Бесполезно! Что значу я один против глупой, наивной, жалкой и переменчивой в своих настроениях толпы; против солдат, которые умеют только махать дубинками, грабить дурманные рощи да насиловать женщин; против многомудрых, корыстолюбивых, близоруких и бесстыдных политиканов? В конце концов, своя голова дороже...

— И так думает большинство молодежи?

— Что? Молодежи? У нас такой нет. Вернее, она определяется только возрастом, а вслед за ней идут старые...— Он, наверное, выругался, но я не понял. — Наши молодые иногда древнее стариков, похуже моего папаши...

— Надо помнить о влиянии дурной среды, — попытался я его смягчить. — Не будем чересчур строги.

— Дурная обстановка, конечно, мешает, но ведь она способна и пробуждать! Молодежь должна быть живой, а мои сверстники с самого рождения какие-то полумертвые. Они всем недовольны, однако стоит им почуять малейшую выгоду для себя, как их сердца черствеют...

Теперь я уже встревожился.

— Ты, наверное, преувеличиваешь. Не обижайся на мои слова, но стоит ли превращаться в рассудочного пессимиста, которому не хватает смелости? Свое неумение действовать ты объясняешь чужими грехами, поэтому и видишь все в мрачном свете. Оглянись вокруг, мир не покажется тебе таким уж безнадежным.

— Возможно, — усмехнулся Маленький Скорпион. — Но эту исследовательскую работу я предоставляю тебе. Ты прибыл издалека и, наверное, увидишь все яснее меня.

Окружавшие нас зеваки, в свою очередь, уже изучили, как я моргаю и открываю рот. Теперь их любопытство сосредоточилось на моих штанах. У меня была еще масса вопросов к Маленькому Скорпиону, но вокруг не осталось ни глотка свежего воздуха. Я попросил собеседника найти мне какое-нибудь пристанище. Он сначала тоже посоветовал идти в иностранный квартал, причем

его доводы были более вескими, чем у кошачьих иностранцев. Наконец он сказал:

— Я не думаю, чтобы ты всерьез занялся изучением нашей жизни, твоя горячность скоро испарится. Но если ты в самом деле решил жить здесь, я могу подыскать тебе место. Правда, оно хорошо лишь тем, что в том доме не едят дурманных листьев.

— Главное, чтобы было место, а остальное пустяки! — воскликнул я, стараясь отогнать от себя мысль об иностранном квартале.

14

Я поселился в доме посланника. Сам хозяин давно умер, а его вдова имела одну особенность (помимо того, что съездила за границу): не ела дурманных листьев и твердила об этом раз сто на дню. Как бы там ни было, я наконец обрел пристанище и с гордостью молодого котенка полез на стену, чтобы увидеть внутренность городского дома.

Когда я прикоснулся к этой стене, мое сердце слегка екнуло: мне показалось, что стена качается и осыпается под моими руками. Вообще стена походила на сыроватую глиняную лепешку, в чем я окончательно убедился, добравшись до верха.

Крыши не было никакой. Что же они делают во время дождя? Любопытство еще больше укрепило меня в намерении пожить здесь. Аршинах в пяти от стены начинался деревянный помост с дырой, из которой выглядывала вдова посланника.

Ее широкое лицо и пронзительный взгляд меня не удивили. Но сквозь толстый слой пудры у нее пробивались серые волоски, как у тыквы, подернутой инеем. Это немного смущало.

— Вещи можешь класть на помост, весь верх твой, а вниз не спускайся. Кормлю два раза — на рассвете и в сумерках, не опаздывай. Дурманных листьев мы не едим, плату вперед! — Посланница знала толк в дипломатических переговорах.

Я отсчитал деньги — из тех пятисот национальных престижей, которые еще в деревне получил с Большого Скорпиона. Весь мой багаж был на мне, это следовало считать преимуществом, потому что как-то глупо вез-

ти мебель в дом, состоящий из помоста и четырех стен. Хорошо бы мне не свалиться в дыру на этом помосте, и все будет в порядке. Правда, кроме дыры, на помосте был еще слой глины, запах которой совсем не вязался с моим представлением о посольской резиденции. Сверху будет припекать, снизу смердить... В общем, я понял, почему люди-кошки весь день толкутся на улице.

Не успел я последовать их примеру, как из дыры снова показалась мадам, а вслед за ней — восемь кошек помоложе. Нерешительно озираясь на меня, они попрыгали на стену. Вдова тоже оглянулась, уже со стены.

— Мы уходим, до свиданья! — сообщила она. — Ничего не поделаешь, после смерти мужа все эти дуры свалились на мои плечи. Ни денег, ни мужа, а только восемь молоденьких тварей, за которыми я должна присматривать. Дурманных листьев мы не едим. Муж был посланником, я — его женой, и вот теперь я должна с утра до вечера следить за этими распутницами!

После этой тирады оставалось только убраться, иначе у нее просто не хватило бы бранных слов. К счастью, она оказалась сообразительной и тотчас исчезла.

Я терялся в догадках. Кто эти молодые женщины? Дочери посланника, сестры или наложницы? Конечно, наложницы! Они, наверное, есть и у Большого Скорпиона, поэтому он и не пустил меня к себе. Представляю, что за грязь, неразбериха и вонь царят там, под помостом, где старая кошка стережет восьмерых «распутниц», как она выражается. Напрасно я поселился в таком доме... Но деньги уже уплачены, и мне надо взглянуть, что делается внизу. Может быть, воспользоваться отсутствием хозяев? Нет, пожалуй, неловко. Пока я колебался, над стеной опять показалась голова посланницы:

— Скорее выходи из дома, а то знаю вас: подсматривать полезешь!

Смущенно повинуясь, я перелез через стену. Куда же идти? Поговорить можно только с Маленьким Скорпионом, хотя он и скептик. Но где его сейчас найдешь! Дома его, конечно, нет, а искать на улице все равно что искать иголку в море. Я протискивался сквозь толпу и видел вдали дома, которые, наверное, принадлежали аристократии или правительственным учреждениям, потому что они были гораздо выше остальных. Чем дальше от центра, тем меньше и хуже строения — по-видимо-

му, лавки да обиталища бедноты. Сообразив это, в Кошачьем городе очень легко ориентироваться.

Из толпы выбросило стайку женщин-кошек (они обычно светлолицы), которые направились прямо ко мне. Я снова смутился: Большой Скорпион и посланница дали мне понять, что местные женщины очень забиты, а эти бродят где хотят,— должно быть, легкого поведения. Новичку лучше вести себя осторожнее. Но не успел я ретироваться, как услышал голос Маленького Скорпиона:

— Уже приступил к изучению?

Оказалось, что женщин ко мне вел он. В одно мгновение я был окружен.

— Ну как, подарить одну? — смеялся Маленький Скорпион, поглядывая на своих спутниц. — Это Цветок, это Дурман — почище дурманных листьев, — это Звездочка...

Он назвал всех, но я не запомнил всех имен. Дурман подмигнула мне, и я растерялся. Если это женщины легкого поведения, то мне не мешает подумать о своей репутации, а если порядочные, то как бы их не обидеть. Говоря откровенно, я не очень люблю женщин. Их привычка мазаться, по-моему, свидетельствует о фальши и неискренности. Конечно, некоторые женщины не мажутся, но они тоже притворщицы. В общем, я старался держаться от женщин подальше и уважать их на расстоянии.

Маленький Скорпион, видимо, понял меня и стал шутя отталкивать девушек:

— Идите, идите! Дайте нам пофилософствовать!

Девушки засмеялись, втиснулись в толпу, а я по-прежнему стоял растерянный.

— Старые деятели предпочитают брать наложниц, новые деятели — жениться, а мы, пресыщенные старым и ненавидящие новое, не любим ни наложниц, ни жен, — задумчиво сказал Маленький Скорпион. — Лучше уж просто веселиться. Приспособленчество. Но кто устоит от приспособленчества к женщинам?

— Твои спутницы похожи на... — Я не знал, как лучше выразиться.

— Они похожи на всех женщин. Их можно и притеснять, и любить, и уважать, и кормить — кто как хочет. Сами женщины никогда не меняются. Еще моя прабабушка пудрилась, то же делают и бабушка, и мать, и

сестры, и эти девушки, да и внучки этих девушек будут пудриться. Запри их в комнату, они станут пудриться, выпусти на улицу — то же самое.

— Вот именно! — воскликнул я.

— Ну и что же? Признавая их слабости, мы как раз и проявляем уважение к женщинам. Ради них мужчины врут без передышки, превращаются то в святых, то в зверей. А женщины всегда чисты, всегда задорны и пудрятся, если не очень красивы от природы. Если бы мужчины чувствовали, что их собственные лица недостаточно красивы, они бы тоже пудрились.

Я задумался, не понимая, верит ли он сам в свою забавную теорию. А Маленький Скорпион продолжал:

— Сейчас ты видел так называемых новых женщин, смертельных врагов посланницы и моего отца. Это совсем не значит, что отец готов подраться с ними; он просто ненавидит их за то, что не может продать их как собственных дочерей, либо запереть в доме. как наложниц. И нельзя сказать, чтобы они были умнее или сильнее посланницы или моей матери. Нет, они истинные женщины, они еще ленивее, еще меньше склонны к размышлениям, зато пудрятся лучше. Они очень милы: даже такой мизантроп, как я, не может не увлечься ими.

— Их что, воспитали в новом духе?

— Воспитали?! — вскричал Маленький Скорпион в каком-то странном возбуждении. — У нас всюду воспитывают, кроме школ. Дед бранится — воспитание, отец торгует дурманными листьями — воспитание, посланница заживо хоронит восьмерых наложниц мужа — воспитание, вонючая канава на улице — воспитание. Этому служат и солдаты, бьющие людей по головам, и те женщины, которые умеют пудриться лучше других. Когда мне говорят о воспитании, я съедаю лишний десяток дурманных листьев, иначе меня тошнит.

— А здесь много школ?

— Много. Ты разве не видел?

— Нет.

— Надо посмотреть. У нас тут всюду культурные учреждения. Имеют ли они отношение к культуре, это еще вопрос, а учреждения есть, — усмехнулся Маленький Скорпион и вдруг вскинул голову. — Плохо дело, дождь собирается!

Туч на небе было еще мало, но ветер дул все сильнее.

— Пора домой! — сказал Маленький Скорпион, явно побаиваясь дождя. — Когда прояснится, встретимся здесь.

Людской поток понесся словно подхваченный ураганом. Я тоже бежал, хотя понимал, что в доме без крыши все равно промокну. Мне просто хотелось тоже бежать и смотреть, как весь город словно безумный карабкается на стены.

Ударил порыв ветра, небо сразу потемнело, огромная красная молния долетела до самой земли и скрестилась с линией домов. Грянул гром, а за ним посыпались крупные, как куриные яйца, капли дождя. Вдалеке что-то зашелестело, дождь на мгновение утих, небо немного прояснилось — и вдруг опять ветер, новый удар молнии, дождевые капли слились в мощные струи. Небо исчезло. Затем струи дождя внезапно изогнулись, задрожали и тоже пропали. Исчезло все, кроме вспышек молнии.

Но я был уже мокрым насквозь и, главное, не мог понять, где мой дом. Отступив от какой-то стены, я ждал новых молний. Мне казалось, что в небе поблескивает глазами гигантский черный дьявол — неудивительно, что этот блеск не помог мне. А, все равно чей дом, полезу, там видно будет! Уже на стене по знакомому шатанию я почувствовал, что случайно попал к дому посланника. Но в этот миг вспыхнула особенно яркая молния, гром обрушился прямо на меня, стена накренилась, и я, зажмурив глаза, полетел неведомо куда.

15

Громовые раскаты стали отдаляться. Во сне я слышу это или наяву? Я пытаюсь открыть глаза, но не могу, потому что вся глина посольского дома, кажется, облепила мне лицо. Да, это настоящий гром, я действительно очнулся. Ни руками, ни ногами тоже не могу пошевелить — они завалены камнями, глиной, как будто кто-то воткнул меня в землю вместо семени.

Наконец высвобождаю руки и голову: дом посланника превратился в бесформенную груду глины. Я приподнимаюсь и зову на помощь, беспокоясь не о себе, а о хозяевах, которые наверняка погребены заживо. Дождь еще капает, на мой крик никто не отзывается. Ведь люди-кошки боятся воды и ни за что не придут, пока небо совсем не прояснится.

Окончательно выбравшись из глины, я начал как сумасшедший разгребать ее, даже не посмотрев, ранен ли я. Тем временем дождь кончился, и все жители высыпали на улицу. Я снова позвал на помощь, люди-кошки прибежали и встали в стороне. Думая, что они не понимают меня, я объяснил, что спасать нужно не меня, а женщин, погребенных в земле. Кошки пододвинулись ближе и снова застыли. Тут я вспомнил, что умолять их бесполезно, и стал искать деньги, которые, к счастью, оказались в кармане.

— Каждый, кто поможет откапывать, получит по одному национальному престижу!

Они оживились, хотя и не очень поверили мне. Я повертел монетой. Зеваки бросились вперед, как осиный рой, но каждый брал лишь по одному камню или кирпичу, явно стараясь на мне нажиться. Ладно, черт с ними, лишь бы помогли откопать. К тому же работа у них, как ни странно, спорилась, точно у муравьев, которые растаскивают кучку риса. Буквально через минуту я услышал из-под земли голос, успокоился и тут же снова разволновался, потому что кричала одна хозяйка. Она сидела прямо в дыре (это мы увидели, когда разобрали развалины), а остальные женщины были придавлены помостом и не двигались. Я хотел помочь ей подняться, но она с возмущением оттолкнула мои руки:

— Не трогай меня, я вдова посланника! Сейчас же верните мне все кирпичи, а то я пойду жаловаться Его Величеству!

Глаза у нее были залеплены глиной, но она догадалась, что ее дом растаскивают, зная привычки своих добрых соплеменников.

Впрочем, искать кирпичи было уже бесполезно: некоторые помощники уносили горстями и землю. «Вот до чего доводит людей нищета, — подумал я. — Они считают, что лучше вернуться домой с горстью земли, чем с пустыми руками».

Посланница соскребла со своей головы глину, обнажив поцарапанные щеки, большую шишку на темени и горящие яростью глаза. Внезапно она бросилась, прихрамывая, за одним из грабителей и с проворством настоящей кошки вцепилась ему зубами в ухо. Тот заорал и начал отбиваться, колотя лапами по ее животу. Долго они крутились на одном месте. Наконец взгляд мадам упал на одну из погибших девиц, она отпустила обидчи-

ка, и тот стрелой пустился наутек. Остальные помощники с испуганными вздохами расступились. Обняв труп девушки, старуха горько заплакала.

«Оказывается, она не лишена чувства жалости!» — подумал я, но утешать ее не стал, опасаясь за собственные уши.

Вволю наплакавшись, она взглянула на меня:

— Это ты во всем виноват! Ты обрушил мой дом, а они разграбили его. Но вы от меня не убежите! Я пожалуюсь Его Величеству, и он всех вас казнит!

— Я не собираюсь убегать, — тихо сказал я. — Наоборот, я хочу помочь вам.

— Верю тебе, потому что ты иностранец. А на этих мерзавцев придется жаловаться Его Величеству. Пусть он устроит у них обыск и казнит каждого, у кого окажется хоть один кирпич! Я вдова посланника!

Изо рта у нее от ярости брызгала слюна. Я не был уверен, действительно ли мадам посланница имеет доступ к императору, но стал успокаивать ее, боясь, что она сошла с ума:

— Давайте сначала похороним их...

— А ты знаешь, как их хоронить? Мне хватало возни с живыми распутницами. Можешь сам ими заниматься.

Я умолк, потому что не имел ни малейшего представления о кошачьих похоронах. Взгляд посланницы стал еще страшнее: слезы в глазах, казалось, высохли от безумного огня, белки излучали какой-то фосфорический блеск.

— Дай хоть тебе пожалуюсь! — закричала она. — Я вдова посланника, дурманных листьев не ем, не имею ни денег, ни мужа, дай хоть тебе пожалуюсь!

Я понял, что старуха действительно сошла с ума: она уже забыла, что считает меня виновником всех бед, и собиралась излить мне свою душу.

— Вот эту чертовку, — она ткнула пальцем в один из трупов, — мой муж взял, когда ей было всего десять лет. Тельце еще не окрепло, а муж уже лакомился им. Помню, в первый месяц, едва стемнеет, как эта чертовка плачет, зовет папу, маму, меня хватает за руки, умоляет, чтобы я от нее не отходила. Но я добродетельная жена и не могла ссориться с посланником из-за какой-то десятилетней паршивки. Если муж наслаждается, я не мешаю, я жена. А эта чертовка орала благим матом при одном

приближении хозяина: «Госпожа посланница, госпожа посланница! Милая, спасите меня!» Но разве я похожа на нее, разве я способна мешать господину наслаждаться? А потом она лежала как мертвая — может, притворялась, а может, и в самом деле теряла сознание. Мне не было до этого дела. Я пичкала ее лекарствами, едой, а эта тварь даже ни разу не поблагодарила меня! Потом она выросла и так развилась, что сама была готова проглотить посланника. Когда он брал новую девочку, эта чертовка с утра до вечера рыдала, опять уговаривала меня помешать, но я жена посланника, если он не будет покупать девочек, кто его станет уважать? Она еще винила меня в том, что я не берегу мужа, позволяю ему изнашиваться!

Старуха оттолкнула от себя мертвую кошачью голову и схватила за волосы другую.

— Эта тварь была из проституток. Целыми днями ела дурманные листья и моего мужа пыталась приучить. А разве посланника, который ест дурманные листья, пустят за границу? Я не запрещала мужу якшаться с проститутками, но не могла позволить ему потерять место. Ты даже не представляешь, как трудно быть женой посланника! Днем я наблюдала, чтобы эта распутница не воровала дурманных листьев, вечером следила, чтобы она не кормила ими мужа... Проклятая тварь! Она еще удрать хотела все время. Если бы у посланника сбежала наложница, мы были бы навсегда опозорены!

Глаза посланницы снова вспыхнули, она схватила следующую голову.

— А эта стерва была самой зловредной! Из современных. Не успела еще в дом войти, как потребовала, чтобы посланник всех нас выгнал, одну ее своей женой сделал. Ха, ха, ха! Но где там! Мой муж понравился ей только своим званием. Других наложниц он купил, а эта сама отдалась ему, даром. Она весь женский род опозорила! Когда она здесь появилась, муж не смел с нами даже слова молвить. И все время таскалась за ним на улицу, в гости, будто законная жена. А я тогда зачем? Я не мешала посланнику покупать девок, это необходимо, но женой была я, и потому следовало ее проучить. Связала раза три, оставила под дождем, вот она и скисла. Стала просить господина, чтобы он отпустил ее домой, говорила, будто он обманул ее... Разве я могла освободить эту стерву да еще позволить ей снова замуж выйти? Нет уж...

Трудно, очень трудно быть женой посланника. Ни днем, ни ночью я с нее глаз не спускала. К счастью, муж вскоре купил вот эту девку. — Старуха повернулась и ткнула пальцем в другой труп. — Она ко мне довольно неплохо относилась, даже заключила со мной союз против той стервы. Но женщины все одинаковы, без мужчин жить не могут. Когда посланник спал с новой наложницей, та стерва всю ночь ревела, а я тут как тут. «Ты хотела быть законной женой? — спрашиваю. — Жить с посланником неразлучно? Посмотри на меня! Настоящая жена не пытается захватить мужа целиком, тем более посланника: это тебе не мелкий торговец, который всю жизнь довольствуется одной женщиной!»

Мадам снова схватила голову своей соперницы, несколько раз брякнула ее о землю и взглянула на меня. Я в страхе попятился.

— Когда муж был жив, я даже не отдыхала: одну девку надо бить, другую ругать, третью остерегаться. Они растранжирили все деньги посланника, высосали из него все силы, а сына ни одного не оставили. Рожать-то рожали, но никто не выжил. Как родится у одной мальчишка, так семеро остальных днем и ночью мечтают его извести, чтобы та не завоевала особую любовь хозяина, не стала его главной наложницей. Я-то им не завидовала и не мешала: пусть губят собственных детей, это их дело. Я законная жена, у меня свое положение... После смерти посланника эти восемь мерзавок достались мне вместо денег и сыновей! Но позволить им убежать или снова выйти замуж я не могла. Я с утра до вечера до хрипоты урезонивала их, учила величайшим премудростям жизни. Ты думаешь, они что-нибудь поняли? Вряд ли! Однако я не унывала и продолжала свой благородный труд. На что я надеялась? А ни на что, разве только на то, что мои высокие душевные качества, моя добродетель станут известны Его Величеству и он пожалует мне пенсию, а также большую доску с надписью: «Верная и стойкая жена». Но... ты слышал, как я сейчас плакала, слышал?

Я кивнул.

— А почему я плакала? Ты думаешь, из-за этих дохлых тварей? Еще чего! Я оплакивала свою судьбу, судьбу вдовы посланника, которая не ест дурманных листьев и у которой только что обвалился дом. Все, что я создавала, рухнуло. Если Его Величество примет меня и, си-

дя на своем драгоценном троне, спросит: «Госпожа посланница, в чем твои заслуги?» — что я смогу ответить ему? Я пролепечу, что стерегла восьмерых наложниц умершего мужа, не дала им пасть или убежать. «А где они?» — спросит Его Величество, и тут мне придется сказать, что они умерли. «Где же доказательства твоего подвига?» — снова спросит Его Величество...

Посланница уронила голову на грудь. Я хотел подойти, но боялся, что она примется за меня. Внезапно старуха вскинула голову:

— Вдова посланника ездила за границу, отказалась от дурманных листьев!.. Пенсия!.. Большая доска!..

Глаза ее остекленели, голова поникла, и она медленно опустилась между двумя мертвыми кошками.

16

Я был подавлен жалобой посланницы, потому что в ее рассказе мне открылась женская доля в Кошачьем государстве за многие столетия, словно моя рука перелистала самые мрачные страницы истории, и я не мог больше читать.

Напрасно я не пошел в иностранный квартал, теперь я снова бездомен. Куда же идти? Люди-кошки, помогавшие мне откапывать засыпанных, по-прежнему смотрели на меня, явно ожидая денег. Да, они растащили резиденцию посланника, но ведь это не могло лишить их обещанного вознаграждения. Запустив руку в карман, я достал пятнадцать национальных престижей и швырнул на землю, пусть сами делят. Страшно трещала голова — наверное, я заболеваю. Хозяев моих не воскресить, под старухой виднелась лужа крови, а глаза ее были широко раскрыты, как будто она и после смерти следила за наложницами мужа. У меня не хватило бы сил похоронить их, соседям было все равно, в общем, я задыхался от омерзения и отчаяния.

Но что же тогда здесь сидеть? Я с трудом поднялся и заковылял, изрядно подорвав веру жителей в силу иностранцев. Улица опять была полна народу. Несколько молодых людей-кошек писали мелом на стенах. Стены уже почти просохли, и едва подул ветерок, как надписи стали необычно яркими: «Движение за чистоту», «Все помыто»... Несмотря на головную боль, я не мог удер-

жаться от смеха. Ловко они работают: после того как дождь вымыл весь город, наведение чистоты не потребует ни малейших усилий! Даже в вонючей канаве вода стала прозрачной. Движение за чистоту! Ха, ха, ха! Может, я свихнулся? Мне очень хотелось вытащить пистолет и пристрелить тех, кто писал лозунги.

Тут я вспомнил шутку Маленького Скорпиона насчет культурных учреждений и свернул в сторону — не для того, чтобы посмотреть на них, а просто чтобы найти укромный уголок. Мне всегда казалось, что дома на улице должны стоять лицом друг к другу, но тут были видны только задние стены. Этот новый порядок градостроительства отвлек меня от головной боли, хотя я понимал, что он вполне естествен для людей-кошек, которые не любят свежий воздух и солнечный свет. Между домами никакого просвета — в общем, это не улица, а фабрика эпидемий. Голова опять разболелась, и я совсем помрачнел, потому что болезнь на чужбине могла лишить меня всякой возможности вернуться в Китай.

Найдя первое попавшееся место в тени, я лег и тотчас потерял сознание.

Очнулся я уже в комнате, причем чистой. Это показалось мне настолько невероятным, что я потрогал свой лоб, вообразив, будто от высокой температуры у меня начались галлюцинации. Но лоб был не очень горячим. Я еще больше удивился и решил опять заснуть, потому что чувствовал себя слабым. Послышались легкие шаги, я приоткрыл глаза — а, это Дурман, которая почище дурманных листьев! Она подошла и тоже потрогала мой лоб, потом тихо сказала:

— Ему уже лучше.

Совсем открыть глаза я не решался, так как не мог понять, зачем я нужен этой девушке. Но тут вошел Маленький Скорпион, и я успокоился.

— Ну как он? — спросил мой приятель.

Не дожидаясь, пока Дурман ответит, я открыл глаза.

— Тебе лучше? — обрадовался Маленький Скорпион.

Я сел и постарался тотчас удовлетворить свое любопытство.

— Это твоя комната?

— Наша с ней. — Маленький Скорпион показал на Дурман. — Я с самого начала хотел поселить тебя здесь, но боялся, что отец разозлится. Он ведь думает, будто ты его собственность, и не позволяет мне с тобой

дружить. Говорит, что у меня и так много иностранных замашек.

— Спасибо вам, — промолвил я, оглядывая комнату.

— Ты, наверное, удивляешься, почему здесь чисто? Это и есть иностранные замашки, о которых говорит мой отец.

Маленький Скорпион и Дурман рассмеялись, а я подумал, что юноша действительно похож на иностранца. Даже его словарь раза в два богаче, чем у отца; по-видимому, многие слова Маленького Скорпиона заимствованы из других кошачьих языков.

— Это ваш собственный дом? — спросил я.

— Нет, одно из культурных учреждений; мы просто заняли его. Высокопоставленные люди могут захватывать учреждения. Не уверен, что этот обычай хорош, но мы по крайней мере содержим комнату в чистоте, иначе от культуры и следа бы не осталось. В общем, приспосабливаемся, как ты однажды сказал. Дурман, дай ему еще листьев!

— Я уже ел их?!

— Если бы мы не напоили тебя соком дурманных листьев, ты бы никогда не очнулся. Здесь это универсальное средство. Если уж оно не вылечивает, значит, пропал человек. У дурманных листьев есть только один изъян: больных лечит, а страну губит! — сказал Маленький Скорпион со своей скептической усмешкой.

Я выпил еще немного сока и действительно приободрился. Но делать ничего не хотелось. Жители Блестящего государства и другие иностранцы проявляют большую мудрость, когда поселяются отдельно. С кошачьей цивилизацией шутки плохи: стоит приблизиться к ней, как она обволакивает тебя, словно масло, или затягивает, будто водоворот, из которого никогда не выбраться. Лучше не приезжать в Кошачье государство, но если приехал, неминуемо превратишься в кошку. Вот я не хотел есть дурманных листьев, и что же? Все равно ем! Альтернатива поистине жесткая: либо ты не здесь и не ешь, либо ты здесь и ешь. Если бы эта цивилизация охватила весь Марс — а многие жители Кошачьего государства наверняка лелеют такую мечту, — то марсиане вскоре вымерли бы от грязи, болезней, беспорядка, глупости, темноты. Конечно, в кошачьей цивилизации есть и светлые стороны, но они не способны выдержать борьбу с мраком. Я предчувствовал, что в один прекрасный день этот мрак будет

побежден настоящим светом или каким-нибудь ядом вроде тех, которыми травят микробов. Однако сами люди-кошки о подобном и не задумываются. Маленький Скорпион, может быть, и задумывался, но теперь считает, что шахматная партия проиграна, беспечно смешивает фигуры и смеется над собственным поражением. А остальные люди-кошки просто спят.

Я хотел расспросить Маленького Скорпиона и о политике, и об образовании, и об армии, и о финансах, и о хозяйстве, и о семье...

— В политике я мало понимаю, — сказал он. — Об этом нужно спросить отца, он специалист. Остальное мне более или менее известно, но лучше тебе все-таки самому понаблюдать, а потом уж меня спрашивать. По-настоящему я разбираюсь только в культуре, потому что отец не может за всем уследить и выделил эту область мне. Если ты хочешь осмотреть школы, музеи, библиотеки, тебе достаточно только сказать...

Я почувствовал себя еще лучше, чем после дурманного сока: благодаря двум Скорпионам я познакомлюсь едва ли не с самыми главными областями жизни в Кошачьем государстве — политикой и культурой! Но могу ли я остаться жить в этой чистенькой комнате? Честно говоря, у меня не было ни малейшего желания покидать ее и в то же время не хотелось унижаться перед хозяевами. Ладно, подожду, пусть сами решат.

Маленький Скорпион осведомился, что я намерен осмотреть прежде всего. К моему стыду, мне по-прежнему было лень двигаться, поэтому я попросил его рассказать о своей жизни. Он усмехнулся. Эта усмешка всякий раз казалась мне и милой и неприятной: он явно чувствовал свое превосходство над другими людьми-кошками, но не желал ничего делать, боясь испачкать лапы! Он, наверное, страдал из-за того, что родился в Кошачьем государстве, воображал себя единственной розой среди чертополоха, а я не люблю зазнайства.

— О детстве моем рассказывать неинтересно, — начал Маленький Скорпион, сидя рядом с Дурман, которая глядела на него во все глаза. — Родители меня любили, но я тут ни при чем. Дед тоже любил — в этом нет ничего удивительного, потому что все дедушки обожают своих внуков. — Он задумался, поднял голову, и Дурман последовала за ним взглядом. — Впрочем, есть одна деталь, о которой тебе стоит знать, хотя мне не очень приятно о ней

говорить: моей кормилицей была проститутка. Это считалось в нашей семье вполне естественным, как и то, что мне нельзя было играть с другими детьми. Ты спросишь, почему проститутка согласилась возиться с ребенком? Из-за денег. У нас говорят, что «деньги даже чертей привлекают». Наняли ее потому, что проститутки считаются лучшими воспитателями для мальчиков, а солдаты — для девочек. Просветившись в вопросах пола, дети рано женятся, сами рожают детей и тем услаждают своих предков.

Всей науке Кошачьего государства меня обучали, кроме проститутки, пятеро учителей, похожих на чурбаны. Потом один из учителей перестал походить на чурбан и сбежал с моей кормилицей, а остальные постепенно уволились. Когда я вырос, отец послал меня за границу. Он считал, что человек, умеющий сказать несколько фраз на иностранном языке, все постиг. Ему нужен был эрудит. За границей я прожил четыре года, все понял, но вопреки желанию отца, не все постиг, а только набрался иностранных замашек. К счастью, он не перестал из-за этого любить меня, по-прежнему дает мне деньги, и я имею возможность веселиться со Звездочкой, Цветком и Дурман. Внешне я наследник отца, его полномочный представитель в вопросах культуры, а фактически всего лишь паразит. На дурные дела я не размениваюсь, но и на хорошие не способен. Приспосабливаюсь: мне все больше нравится это слово! — улыбнулся Маленький Скорпион, и Дурман засмеялась вместе с ним.

— Дурман — моя подруга, — продолжал Маленький Скорпион, предвосхитив мой вопрос, — подруга, с которой я живу, помимо жены. Это тоже иностранная привычка. Кормилица меня уже к шести годам всему научила, так что в двенадцать лет, когда я женился, меня отнюдь нельзя было назвать профаном. Моя жена все умеет, особенно рожать; отличная женщина, как говорит мой отец. Но мне больше нравится Дурман. У отца двенадцать наложниц, поэтому он и меня убеждает взять Дурман в наложницы, хотя ненавидит ее. Ко мне он относится лучше, потому что объясняет все иностранными замашками, но иногда злится и на меня. Дело в том, что мое сожительство с Дурман оказывает сильное влияние на нашу молодежь. Ты ведь знаешь, что отношения мужчин и женщин у нас сводятся только к блуду. Ради этого женятся, берут наложниц, ходят к проституткам, заключают свободные союзы. На первом месте дурманные листья, на втором —

блуд. Поскольку для молодежи я образец, теперь все, кроме жен, имеют любовниц. Но старики ненавидят меня, потому что для любовниц по иностранному обычаю нужно снимать специальное жилье, тратить на них деньги, ссориться с родителями, если денег не хватает. В общем, мы с Дурман большие преступники.

— А совсем порвать с семьей ты не можешь? — спросил я.

— Что ты! Денег нет. Свободный союз — иностранный обычай, но он отнюдь не устраняет национальную привычку требовать деньги у стариков. Если эти обычаи не примирить, то к жизни не приспособишься.

— Почему же старики не разлучат вас?

— А что они могут сделать? Они-то и завели этот порядок, держат наложниц и, естественно, не борются по-настоящему со свободным браком. Ни они, ни мы — никто ничего не может поделать. Старики домогаются наложниц, молодые — свободы; внешне идет борьба за принципы, а на самом деле за сожительство с кем захочешь. Во всех случаях рождается множество котят, которых некому ни кормить, ни воспитывать. Так делали и деды, и отцы, и мы так делаем. На свете нет ничего противнее ответственности.

— Но как же к этому относятся сами женщины?

— Скажи, Дурман! Ты ведь женщина, — попросил Маленький Скорпион.

— Я? Я люблю тебя, и мне нечего больше сказать. Если ты хочешь вернуться к жене, которая умеет рожать, иди. Когда я узнаю, что ты разлюбил меня, я просто съем сорок дурманных листьев, и все будет кончено!..

17

Комната осталась за мной, хотя ни я, ни Маленький Скорпион не говорили об этом. На следующий же день я начал свою исследовательскую работу. Никакого определенного плана у меня не было. Просто ходил и смотрел.

В конце улицы дети почти не показывались — все они сосредоточились здесь, около культурных учреждений, и я обрадовался: по-видимому, люди-кошки не забывают своих детей, воспитывают их, сейчас, должно быть, послали в школу.

Кошачьи дети — самые жизнерадостные существа в мире. Грязные (невероятно грязные, невозможно описать, до чего грязные), худые, вонючие, уродливые, безносые, прыщавые, но очень жизнерадостные. Я видел одного мальчишку, у которого физиономия вспухла, как глиняный горшок, рот даже закрыться не мог, щеки в кровь исцарапаны, а он прыгал, бегал и смеялся вместе со всеми. Мое оптимистическое настроение моментально улетучилось. Я не мог представить себе такого мальчишку в нормальной семье или школе. Живость? Только общество идиотов могло породить грязных, худых, вонючих, уродливых, безносых, но все-таки жизнерадостных детей. Это подражание взрослым и наказание им. Когда эти дети вырастут, страна станет еще грязнее, вонючее и уродливее. Я снова увидел грозный перст, занесенный над Кошачьим государством. Многоженство, свободные союзы, блуд — и ни единой мысли о будущем. Что за беспечность!

Но я все-таки не хотел спешить с заключениями и вслед за детьми направился к школе. Это была пустая площадка, окруженная стеной. Дети вошли в ворота, а я стал наблюдать с улицы. Одни школьники катались по земле, другие лезли на стену, третьи что-то рисовали на ней. Учителей не было. Наконец вдали появились трое взрослых, худых как скелеты. Казалось, они с самого рождения ни разу не ели досыта. Учителя — их профессию было теперь легко определить — шли медленно, держась за стену; при каждом дуновении ветерка останавливались и долго дрожали. Когда они вползли в ворота, школьники продолжали кататься, шуметь, лазать на стены. Чтобы отдышаться, учителя сели на землю, закрыли глаза и заткнули уши, так как дети шумели все больше. Потом учителя поднялись и стали уговаривать детей сесть, но те, видимо, решили ни за что не соглашаться. Промучавшись примерно с час, учителя догадались воскликнуть:

— За воротами иностранец!

Тут дети плюхнулись на землю и уже больше не смели повернуть головы.

Один из учителей заговорил.

— Первым делом споем государственный гимн, — сказал он.

Но никто не запел; все оторопело смотрели на учителя.

— Тогда восславим императора.

Все по-прежнему молчали.

— Помолимся богам!

Тут дети, не выдержав, начали толкать друг друга, кричать и ругаться.

— За воротами иностранец!

Школьники снова стихли.

— С вами хочет говорить директор.

Директор вышел вперед и воззрился на склоненные головы.

— Сегодня для вас торжественный день, вы кончаете институт...

Я чуть не упал в обморок. Как?! Это институт, и эти сопляки кончают его? Но не надо давать волю чувствам, лучше внимательно послушать.

— Вы кончаете высшее учебное заведение, — продолжал директор, — и должны осознать, какая это торжественная минута. Теперь вы овладели всеми науками, и важнейшие дела государства легли на ваши плечи. Это огромная честь! — Директор протяжно и громко зевнул. — Все!

Преподаватели яростно зааплодировали, а «студенты» снова начали шуметь.

— Иностранец!

Все стихли.

— Слово преподавателям.

Преподаватели долго пререкались, уступая друг другу очередь. Наконец один из них, особенно худой, сделал шаг вперед. Я сразу понял, что этот господин — пессимист, потому что в уголках его глаз повисли две огромные слезы.

— Господа, — сказал он с невыразимой печалью. — Сегодня вы кончаете высшее учебное заведение и должны осознать, какая это торжественная минута. — Одна из его слезищ капнула. — В нашей стране все учебные заведения высшие, это особенно приятно! — Упала вторая слезища. — Не забудьте добро, которое делали вам директор и преподаватели. Для нас большая честь быть вашими учителями, но вчера вечером умерла от голода моя жена, это... — Он долго боролся с собой и наконец взял себя в руки. — Не забудьте своих учителей, помогайте им чем можете: деньгами или дурманными листьями. Вы, наверное, знаете, что мы уже двадцать пять лет не получаем жалованья. Господа!.. — Он не мог больше продолжать и, пошатнувшись, сел на землю.

— Сейчас будут выдаваться дипломы.

Директор вытащил из-под стены кучу каменных пла-

стинок, на которых было что-то написано (что именно, я не разглядел), положил их перед собой и произнес:

— Вы все заняли первое место, можете гордиться. Теперь подходите и берите любой диплом. Они абсолютно одинаковые, потому что все вы заняли первое место. Торжественное собрание объявляю закрытым.

Директор повернулся и медленно побрел к воротам, следом за ним поплелись преподаватели. Но студенты даже не думали о дипломах — они предпочли снова карабкаться на стенку, орать или кубарем кататься по земле.

«Что за чертовщина?!» — подумал я и пошел за объяснением к Маленькому Скорпиону. Его не оказалось дома; пришлось вернуться и продолжить наблюдения.

Наискосок от «института», который я только что видел, было другое учебное заведение, наполненное юнцами лет по пятнадцать-шестнадцать. Несколько юнцов прижали кого-то к земле и явно пытались его оперировать. Рядом толпа учащихся связывала сразу двоих. Это, наверное, был семинар по биологии. Хотя подобные опыты показались мне слишком жестокими, я решил досмотреть до конца. Между тем связанных бросили к стене, а у оперируемого отрезали руку и подкинули ее в воздух!

— Посмотрим, как он теперь будет руководить нами, дохлая тварь! — кричали юнцы. — Ты хотел, чтобы мы учились? И еще не разрешал трогать девушек? Общество разложилось, а ты заставлял нас учиться?! Вырвать у негодяя сердце!

В воздух взлетело что-то кроваво-красное.

— Тех двоих связали? Тащите сюда одного!

— Директора или историка?

— Директора!

Я застыл от ужаса. Оказывается, они резали учителей! Вполне возможно, что эти учителя ничего хорошего не заслуживали, но я никогда не видел, чтобы школьники сами чинили расправу, да еще такую жестокую. Взбешенный этим фантастическим произволом, я выхватил пистолет и нажал курок, забыв, что для людей-кошек достаточно моего окрика. Отсыревшие после дождя стены не выдержали натиска убегавших и рухнули, завалив и учителей, и их убийц. Я растерялся. Конечно, директор заслуживал смерти: засыпал в стену какую-то труху, а деньги, отпущенные на строительство, небось присвоил. Однако надо помочь придавленным. Я лихорадочно бросился разгребать мусор и вытащил многих, но каждый

убегал от меня как сумасшедший, даже не стряхнув с себя грязи. Тяжелораненых не было. Я облегченно вздохнул и даже нашел это приключение забавным. В конце концов удалось извлечь директора и уцелевшего преподавателя, которые не убежали, потому что были связаны. Положив их в сторонке, я стал ворошить ногами мусор, стараясь определить, нет ли там еще кого-нибудь. Но больше никого не осталось, и я вернулся к связанным, чтобы снять с них путы.

К счастью, они очнулись без всякого лекарства, которого у меня и не было, и медленно сели, со страхом озираясь по сторонам. Я усмехнулся и задал первый из множества интересовавших меня вопросов:

— Кто из вас директор?

Они испуганно переглянулись и показали друг на друга.

«Совсем ошалели», — подумал я.

Они так же медленно поднялись, закивали головами и вдруг побежали, как две стрекозы, гоняющиеся друг за другом. Я решил, что они хотят размяться, но их уже и след простыл. Состязаться с людьми-кошками в беге было бесполезно. Я вздохнул и сел на землю.

Вот оно в чем дело! Едва очнувшись, они уже дрожали за свою шкуру, поэтому и показывали друг на друга, считая, что я тоже хочу убить директора! Я горько засмеялся — не над ними, а над обществом, в котором они живут. Всюду у них царит подозрительность, эгоизм, подлость, жестокость. Ни капли доверия, доброты, благородства! Раз ученики режут директора, значит он не смеет назваться директором даже перед другими. Мрак, мрак, кромешный мрак! Неужели они не видели, что я спас их? А-а, им, наверно, никогда никто не помогал! Я вспомнил посланницу с ее молодыми кошками. Должно быть, они до сих пор там гниют. Директора, преподаватели, учителя, посланницы, молодые распутницы... Где же люди? И вообще, что вокруг происходит?!

Чуть не заплакав, я снова отправился за объяснениями к Маленькому Скорпиону.

18

Вот что рассказал Маленький Скорпион:

— Кошачье государство древнее и имело свою систему образования еще тогда, когда многие страны Марса

были населены дикарями. Но современные учебные заведения, которые ты сегодня видел, мы заимствовали из-за границы. Это отнюдь не значит, что подражание вредно; напротив, оно необходимо и является одной из движущих сил прогресса. Кроме того, оно показывает, кто вырвался вперед, а кто отстал. Недаром нашу систему образования никто не заимствовал, а мы были вынуждены заняться подражанием еще двести с лишним лет тому назад. Если бы мы подражали правильно, то давно стали бы вровень с другими государствами, но мы даже подражать не умеем, и получилась у нас одна глупость. Собственное не развили, чужому не научились... Да, я пессимист и считаю свою нацию слабой. Переделывать ее смешно, так же как и надеяться на наше образование. Ты спрашиваешь, почему маленькие дети у нас учатся в институтах?! Ты слишком наивен, вернее — недогадлив. Эти дети вовсе не учились, они пришли сегодня впервые. Если уж разыгрывать комедию, так до конца — этим только мы и славимся. История нашего образования за последние двести лет — это история анекдотов; сейчас мы добрались до заключительной страницы, и ни один умник уже не способен выдумать анекдот, который был бы смешнее предыдущих. Когда новое образование еще только вводилось, в наших школах существовали разные классы, учеников оценивали по качеству знаний, но постепенно экзамены были упразднены (как символ отсталости), и ученик кончал школу, даже если не ходил в нее. К сожалению, выпускники начальных школ и университетов пользовались неравными привилегиями, и это вызвало недовольство учащихся начальной школы: «Ведь мы ходим на уроки не меньше, чем студенты!» Тогда была проведена кардинальная реформа, согласно которой день поступления в школу считался одновременно днем окончания университета. А потом... Прости, «потом» не было. Какое тут может быть «потом»?

Реформа оказалась прекрасной — для Кошачьего государства. По статистическим подсчетам, наша страна сразу заняла первое место на Марсе по числу людей с высшим образованием. Мы очень обрадовались, хотя и не возгордились: люди-кошки любят только факты. Это же факт, что у нас больше всего людей с высшим образованием, поэтому все удовлетворенно улыбались. Император был доволен реформой потому, что она свидетельствовала о его любви к народу, к просвещению. Учителя были довольны тем, что все они стали преподавателями универ-

ситетов, что все учебные заведения превратились в высшие, а все ученики стали первыми. Отцы семейств с удовлетворением взирали на своих семилетних сопляков, которые кончали университеты, так как умные дети — гордость отцов и матерей. Об учениках я уже не говорю: они были просто счастливы, что родились в Кошачьем государстве. Достаточно им было не умереть к семилетнему возрасту, как высшее образование обеспечено. Еще больший эффект принесла эта реформа с экономической точки зрения. Раньше императору приходилось ежегодно выделять средства на образование, а образованные люди часто начинали вредить ему. За свои же деньги такие неприятности! Теперь стало иначе: император не тратил ни монеты, число людей с высшим образованием все увеличивалось, и ни один из них даже не думал затронуть Его Величество. Правда, многие учителя померли с голоду, но крови проливалось куда меньше, чем прежде, когда преподаватели ради заработка подсиживали друг друга, ежедневно губили своих коллег и подбивали студентов на волнения. Сейчас император просто не давал им жалованья, из-за которого можно было бы соперничать. На протесты Его Величество не обращал внимания или посылал в качестве арбитров солдат. Прежде учителей защищали студенты, но теперь учащиеся непрерывно менялись и помогать никому не желали. Преподавателям оставалось только ждать голодной смерти, а это смерть благородная: против нее император не возражал. Разрешилась и проблема платы за обучение. Теперь отцам семейств достаточно было послать ребенка в школу и дать ему немного еды, если она была. Если же еды не было, то не все ли равно, где голодать: дома или в школе? По крайней мере отпрыск получит высшее образование. На книги и письменные принадлежности тратиться не приходилось, потому что в школу ходили не учиться, а получать диплом. Ну скажи, разве не прекрасная реформа?

Ты спрашиваешь, почему люди еще соглашаются быть директорами или преподавателями? Это связано с двухвековой исторической эволюцией. Сначала предметы в школах были разные и специалисты из этих школ выходили разные. Одни изучали промышленность, другие — торговлю, третьи — сельское хозяйство... Но что они могли делать после окончания? Для тех, кто изучал машины, мы не приготовили современной промышленности; изучавшие торговлю были вынуждены становиться лоточниками, а

стоило им начать дело покрупнее, как их грабили военные; специалистам по сельскому хозяйству приходилось выращивать только дурманные деревья. Словом, школы никак не были связаны с жизнью, и у выпускников оставалось два основных пути: в чиновники или в преподаватели. Для того чтобы стать чиновником, нужно было иметь деньги и связи, лучше всего при дворе, тогда ты одним скачком мог оказаться на небе. Но у многих ли бывают сразу и деньги, и связи? Большинству приходилось идти в учителя, потому что люди, получившие новое образование, неохотно становились ремесленниками или лоточниками.

Постепенно общество разделилось на два класса: окончивших и не окончивших школу. Первые старались стать чиновниками или преподавателями, а вторые довольствовались ролью простолюдинов. Сейчас я не буду говорить, как это повлияло на политику, но наша система образования превратилась в заколдованный круг. Скажем, я закончил школу и начал учить твоих детей, твои дети закончили школу и начали учить моих внуков. Учили все время одно и то же, учителя вырождались, все больше юнцов кончало школы, и выпускники, кроме немногих, становившихся чиновниками, также начинали преподавать. А откуда наберешь столько школ? Опять анекдот! Это циклическое образование основывалось лишь на нескольких канонизированных учебниках и совершенно не требовало нравственного воспитания. О благородстве и добродетели было забыто. Не удивительно, что борьба за преподавательские места иногда выливалась в настоящую войну, сопровождавшуюся кровопролитиями и убийствами, — войну, которую объясняли тягой к просвещению. Тем временем император, политики и военные начали присваивать учительское жалованье, и учителя, вынужденные клянчить себе на пропитание, совершенно прекратили готовиться к занятиям. Учащиеся раскусили своих наставников, перестали ходить на уроки и подняли движение, о котором я только что говорил, — за то, чтобы кончать школу не учась. Император, политики и военные поддержали эту кампанию и совсем перестали отпускать средства на просвещение — им давно уже казалось, что учителя вовсе не нужны. Но школы они не могли закрыть, боясь насмешек иностранцев, поэтому объявили о праве кончать университет в один день. Так циклическая система обучения превратилась в отсутствие какого-либо

обучения. Школы по-прежнему были открыты, а расходов — ни гроша.

В разгар этого движения наставников молодежи охватила особая страсть к «науке»: днем и ночью они ссорились из-за школьного имущества, например, из-за столов и стульев. Когда ассигнования на школы были прекращены, директора и преподаватели стали тайком распродавать это имущество, стремясь перейти в те школы, где столов и стульев осталось больше. Снова начались кровопролитные драки. Но император был гуманен и не мог запретить преподавателям, которых он сам разорил, торговать столами и стульями. Школы превратились в рынки, а затем в пустыри, окруженные стенами.

Теперь ты сам можешь понять, откуда берутся директора и учителя. Ведь они все равно бездельничают, почему бы при этом не числиться на службе? Кроме того, преподавательское звание почетно: студент превращается в учителя, учитель в директора школы, продвигаясь по несуществующей служебной лестнице. Жалованья преподавателям не платят, но иногда они могут стать чиновниками, а это уже дело нешуточное. Если в школе ничему не учат, то как научиться читать? По старинке: надо откопать настоящего учителя и пригласить его на дом. Конечно, это доступно только богатым — большинство детей вынуждено ходить в школы.

Раньше в школах чему-то учили. Но ведь наука непрестанно движется вперед, ищет истину, а когда эта наука попадала к нам, она седела и плесневела. Мы как будто отрезали кусок чужого мяса, налепляли его на себя и ничуть не заботились о том, чтобы оно приросло. Вызубрив кучу сведений, мы не умели самостоятельно мыслить. Это было профанацией науки, но тогда, по крайней мере, верили, что налепленный кусок чужого мяса поможет Кошачьему государству сравняться с другими странами. А сейчас все думают, что школы предназначены лишь для борьбы за директорские места, для избиения преподавателей и потасовок, так что от профанации наук мы перешли к ниспровержению наук.

В домашних школах новые знания тоже нельзя получить; здесь штудируются только древние каменные книги, которые за последнее время подорожали в десять раз. Мой дед страшно доволен этим, считает, что все эти заморские новшества потерпели крах и достоинство нации спасено. Отец также доволен, но по другой причине: он

послал меня за границу специально для того, чтобы я выучился разным новациям и помог ему обманывать владельцев каменных книг. Как хитрый человек, он понимает, что расцвет государства могут обеспечить лишь люди, приобщенные к иностранной учености. Однако большинство наших граждан солидарны с дедом, воображая, будто новые науки — это дьявольские фокусы, которыми морочат людям головы, натравливают молодежь на родителей, на учителей и так далее. От подобного ниспровержения наук очень близко до гибели государства.

Ты спрашиваешь, чем вызван крах нашей системы образования? Я не знаю точно... Думаю, что утратой человечности. Даже в самом начале знакомства с новыми науками они понадобились только для наживы, для создания всяких ценных безделушек, а не для познания истин, которые можно передать потомкам. Такой взгляд на образование лишил воспитателей главного — обязанности воспитывать, развивать в учениках способность к самостоятельному мышлению. Да, в новых школах не оказалось людей: директора и преподаватели ссорились из-за денег, ученики готовились к тому же; словом, в школах занимались чем угодно, кроме воспитания. Человечности не было ни у императора, ни у политиков, ни у народа — естественно, что страна обеднела, а в стране, где даже едят не досыта, люди еще больше теряют человеческий облик. Но это не оправдывает воспитателей. Они должны были понимать, что страну можно спасти только знаниями и человечностью, должны были пожертвовать мелочной выгодой, раз уж согласились стать директорами школ или учителями. Возможно, я предъявляю к ним чрезмерные требования. Все люди боятся голодной смерти — от проститутки до преподавателя; я, пожалуй, не имею права упрекать их. Но ведь есть женщины, которые готовы умереть, но не торговать собой. Так почему же мои соотечественники, занимающиеся воспитанием, не могли сохранить в себе хоть каплю человеческого достоинства?

Конечно, правительство всегда обижает честных людей, и обижает тем больше, чем они честнее. Но даже самое дурное правительство не может вовсе не считаться с народом. Если бы наши воспитатели были настоящими людьми и пытались вырастить таких же настоящих людей, общество рано или поздно оценило бы их усилия, особенно если бы эти усилия принесли плоды. Тогда задумалось бы и правительство, которое сейчас презирает образо-

вание и не дает на него средств. У нас часто говорят, что страна погружена во мрак. А кто должен просвещать ее, как не культурные люди?! Если они не будут помнить о своей ответственности, не будут чувствовать себя звездами в темной ночи, нам не на кого будет надеяться! Мой взгляд односторонен, идеалистичен, но должен же быть у нас какой-то идеал? Я знаю, что ни правительство, ни общество не любят помогать культурным людям, но ведь темному народу вообще никто не будет помогать.

Ты видел, как режут преподавателей? Удивляться нечему — это результат воспитания. Когда жестоки учителя, жестоки и ученики; они деградируют, впадают в первобытное состояние. Прогресс человечества идет очень медленно, а регресс — мгновенно: стоит утратить гуманность — и ты снова дикарь. К тому же наши «новые» школы существуют больше двухсот лет, и все это время ежедневно шли драки между директорами, преподавателями, учащимися. Битье способствует одичанию, поэтому убийство директоров или преподавателей сейчас самое заурядное явление. И не сокрушайся о них: благодаря нашей циклической системе учащиеся, в свою очередь, станут директорами либо преподавателями, и их тоже прирежут. В этом мрачном обществе люди звереют, едва родившись на свет. Они рыщут повсюду за лакомым куском, за ничтожной выгодой и всегда готовы пустить в ход и зубы и когти. Ради одного-единственного дурманного листа они способны усеять землю трупами. Для молодежи волнения естественны, но у нас они приобретают особый характер. Ухватившись за какой-нибудь громкий лозунг, учащиеся рушат дома, ломают вещи, а затем разворовывают кирпичи и обломки. Отцы семейств очень довольны этим, потому что после каждого студенческого волнения в доме оказывается несколько лишних палок или кирпичей. Уцелевшие директора школ и преподаватели получают новый повод для воровства — в общем, все они негодяи, которые соперничают друг с другом. Таково наше воспитание. Оно превращает человека в зверя — значит, его нельзя назвать бездейственным!

19

Слушая Маленького Скорпиона, я не мог не учитывать его склонности к скепсису, но ведь убийство преподавателей совершилось на моих глазах. Как бы я ни сомневал-

ся в пессимистических выводах собеседника, возразить было нечего, поэтому я спросил:

— А есть ли у вас ученые?

— Есть, и очень много! — не без иронии ответил Маленький Скорпион. — Обилие ученых свидетельствует либо о расцвете культуры, либо о ее упадке. Смотря что понимать под учеными. Я не собираюсь давать собственное определение, но если ты хочешь посмотреть на наших ученых, могу кликнуть.

— То есть пригласить?

— Кликнуть! На приглашение они как раз не откликнутся — ты еще их не знаешь. Дурман, тащи сюда несколько мудрецов, скажи, что я дам им листьев. Пусть Звездочка и Цветок помогут тебе.

Девушка со смехом вышла. Мне так хотелось повидать ученых, что я забыл обо всех других вопросах и сидел молча. Но вскоре появилась Дурман с подругами, пока что без ученых. Они сели вокруг меня.

— Осторожнее, назревает допрос! — шутливо предупредил Маленький Скорпион.

Девушки захихикали.

— Можно нам и в самом деле кое о чем спросить тебя? — начала Дурман.

— Пожалуйста, только я не мастер любезничать, — ответил я, невольно подражая игривому тону Маленького Скорпиона.

— Скажи, как выглядят ваши женщины?

Я почувствовал, что могу потрясти их воображение:

— Наши женщины тоже пудрятся. (Все ахнули.) Но выделывают разные красивые штуки со своими волосами: то отращивают их, то подрезают, то расчесывают на пробор, то укладывают в пучок, то мажут ароматным маслом или обрызгивают духами. (Мои слушательницы взглянули на куцые волосы друг друга и разочарованно закрыли свои смешные круглые рты.) В уши они вдевают серьги с жемчугом или драгоценными камнями, которые колышутся и поблескивают, когда женщина ходит. (Девушки схватились за свои крохотные ушки, а одна — кажется, Цветок — даже попыталась немного вытянуть их.) Руки, ноги и шею они часто оставляют открытыми, но остальное закрывают: это еще соблазнительнее, чем ходить совсем голыми. — Я нарочно подсмеивался над девушками. — Голый человек может пленить только красотой тела, но оно у всех почти одинаково, а разноцветные

одежды придают ему особую прелесть. Поэтому-то наши женщины и одеваются, даже летом, хотя они умеют и раздеваться. Еще они носят туфли — кожаные, матерчатые, с высокими каблуками, с острыми носами, иногда вышитые или разукрашенные. (Рты девушек походили на безмолвную букву «О».) В той стране, где я родился, женщины раньше бинтовали ноги, и они были у них совсем маленькие. Сейчас уже перестали бинтовать...

— Почему?! — закричали все, не дожидаясь продолжения. — Глупые! Ведь маленькие ножки — это так красиво!..

Видя, что девушки совсем потрясены, я пошел на попятную:

— Не волнуйтесь! Дайте договорить! Они перестали бинтовать ноги, но зато начали носить туфли на высоком каблуке и стали выше, стройнее. Правда, при этом у них искривились кости, и им иногда приходится ходить, держась за стены. Они часто ковыляют, падают, особенно если каблук сломается...

Все притихли, проникшись уважением к земным женщинам, и спрятали собственные ноги. Я уже хотел переменить тему разговора, но туфли с высокими каблуками оказались слишком притягательными.

— А какой высоты эти каблуки? — спросила одна.

— На туфлях рисуют цветы, да? — подхватила другая.

— Когда идешь, каблучки стучат?!

— Как же искривились кости? Сами собой или нужно сначала искривить кости, а потом туфли надевать?

— Ты говорил про кожаные туфли. Человеческая кожа для них годится?

— А какие вышивки, какого цвета?

Я мог бы крупно разбогатеть, если бы умел выделывать кожу или шить туфли. Но едва я успел сообщить, что наши женщины умеют не только наряжаться, как пришли ученые.

— Дурман, — сказал Маленький Скорпион, — приготовь сок из листьев. А вы, — обратился он к остальным девушкам, — ступайте обсуждать туфли на высоком каблуке где-нибудь в другом месте.

Ученых явилось сразу восемь. Поклонившись Маленькому Скорпиону, они сели на пол и возвели очи горе. Меня они не удостоили даже взглядом.

Дурман дала им по чашке сока, они выпили и закрыли глаза, давая понять, что решительно не желают смот-

реть на меня. Это было очень кстати, потому что я мог подробно рассмотреть их.

Все ученые оказались страшно худыми и грязными; даже их маленькие уши были набиты грязью. Двигались они еще медленнее, чем Большой Скорпион.

Сок дурманных листьев, видимо, произвел свое действие: они открыли глаза и снова устремили их ввысь. Наконец один из мудрецов заговорил:

— Я первый ученый во всем Кошачьем государстве!

Его коллеги беспокойно зашевелились, стали чесаться, скрипеть зубами и хором воскликнули:

— Ты первый?!! Ты такой же мерзавец, как твои отец и дед!

Я подумал, что они кинутся друг на друга, но первый ученый, видимо, привык к ругани и только засмеялся:

— Наш род уже три поколения изучает астрономию. Астрономию! А вы кто такие?! Заморские астрономы используют множество всяких приборов, подзорных труб, а мы уже три поколения наблюдаем звезды простым глазом — вот где настоящие способности! Мы изучаем влияние звезд на человеческую судьбу, на счастье и несчастье — разве иностранцы понимают что-нибудь в этом? Вчера ночью, когда я наблюдал звезды, Венера стояла прямо над моей головой. Кого же следует назвать первым ученым нашей страны?

— Меня, — пошутил Маленький Скорпион, — потому что мне Венера улыбалась.

— Вы совершенно правы, господин! — ответил астроном и умолк.

Остальные ученые тоже подтвердили, что Маленький Скорпион совершенно прав, после чего все они погрузились в глубокомысленное молчание.

— Ну говорите же! — приказал Маленький Скорпион.

— Я первый ученый во всем Кошачьем государстве, — изрек другой, бросив вокруг победоносный взгляд. — Что такое астрономия? Чистейшая ерунда. Ученость начинается с письмен, и это единственная наука. Я тридцать лет изучал письмена. Кто посмеет не признать меня первым ученым?!

— Пошел к собачьей матери! — откликнулись остальные ученые мужи.

Но специалист по письменам был не так робок, как астроном. Вцепившись в одного из своих коллег, он заорал:

— Так ты не признаешь?! Отдай сперва свой долг — дурманный лист, который ты у меня занял! Иначе я сверну тебе башку, не будь я первым ученым!

— Я, всемирно известный ученый, буду занимать у тебя дурманный лист?! Оставь меня в покое, не пачкай мою руку!

— Съел чужой дурманный лист и еще отнекиваешься?! Хорошо, погоди, когда я сочиню историю письмен, я докажу, что среди древних слов не было твоей фамилии! Погоди!

Ученый, не признавший долга, испугался и стал умолять Маленького Скорпиона:

— Господин, одолжи мне скорее один лист, я рассчитаюсь с ним! Ты ведь знаешь, что я первый ученый в нашей стране, а ученые всегда без денег. Может, я и брал у него этот проклятый лист, не помню точно. И еще молю тебя, господин: попроси у своего отца, чтобы он давал ученым больше дурманных листьев. Другие без них в состоянии обойтись, но мы (особенно я, первый ученый) просто не можем иначе заниматься наукой. Недавно я выяснил, что наши предки действительно сдирали кожу с живых соплеменников. Скоро я напишу об этом статью и буду умолять твоего отца передать ее императору. Тогда Его Величеству будет удобнее восстановить этот интересный и имеющий глубокие исторические корни род казни. Разве такое открытие не делает меня первым ученым? Подумаешь, изучение письмен! Только история — подлинная наука!

— А разве история не пишется? Отдавай мой дурманный лист! — Позиция лингвиста была непоколебимой.

Маленький Скорпион велел одной из девушек принести историку лист, но тот отломил половину, прежде чем передать его лингвисту.

— Возвращаю тебе, хотя и не следовало бы.

— Ах, ты отдаешь только половину?! — завопил лингвист. — Будь я проклят, если не украду твою жену!

Тут все ученые необычайно заволновались и стали жаловаться Маленькому Скорпиону:

— Господин, почему у нас, ученых, бывает только по одной жене? Не удивительно, что мы вынуждены думать о похищении чужих женщин! Мы трудимся во славу своего государства, наши потомки пронесут через века научный опыт многих поколений, почему же каждому из нас нельзя иметь хотя бы по три жены?

Маленький Скорпион молчал.

— Возьмем, к примеру, звездные скопления. Там вокруг большой звезды всегда много маленьких. Если небо так создано, то и у людей должно быть так же, во всяком случае, у меня, первого ученого. К тому же моя жена совсем старая, она ни на что не годится.

— А вспомним форму письменных знаков, которые издревле содержали изображение частей женского тела. В одной своей работе я совершенно неопровержимо доказал, что у ученого должно быть много жен...

Далее пошли туманные и не совсем приличные доказательства, из которых, однако, было ясно, для чего ученым нужны жены. Маленький Скорпион по-прежнему молчал.

— Может быть, вы устали, господин? Мы...

— Дурман, дай им немного листьев, и пусть убираются! — проговорил наконец Маленький Скорпион.

— Благодарим вас, господин, извините! — зашумели ученые мужи.

Потом они схватили дурманные листья, поклонились Маленькому Скорпиону и, переругиваясь, выкатились за дверь. На смену им тут же влетела стая молодых ученых. Они давно ждали за дверью и не входили только потому, что боялись встретиться со своими старшими коллегами. Когда встречались представители старых и новых наук, совершалось, по крайней мере, два убийства.

У молодых ученых вид был гораздо лучше, чем у старых: не грязные, вполне упитанные и жизнерадостные. Прежде чем сесть, они поздоровались не только с Маленьким Скорпионом и со мной, но даже с девушкой. Я приободрился: видимо, у Кошачьего государства еще есть надежда.

— Это те ребята, которые учились по нескольку лет за границей и все постигли, — прошептал мне на ухо Маленький Скорпион. Его замечание меня несколько охладило, особенно когда гости вцепились в предложенные им дурманные листья.

Поев, молодые ученые начали разговаривать, но я ничего не понял, хотя от Маленького Скорпиона уже знал немало новых слов. В ушах стояли какие-то «варэ», «вский» * и прочее. Я заволновался, потому что гости

* Подражание японским и европейским словам.

явно обращались ко мне. Наконец до меня дошел смысл одного из вопросов:

— Что это на вас надето, господин иностранец?

— Штаны, — ответил я, чувствуя себя довольно неловко.

— А зачем они?

— О какой ученой степени они свидетельствуют?

— Наверное, ваше общество делится на классы штанных и бесштанных?

Я выдавил из себя лишь глупую усмешку. Они были очень раздосадованы, пощупали мои рваные штаны, потом снова затараторили. Мне стало скучно. Наконец молодые ученые ушли, и я спросил Маленького Скорпиона, о чем они говорили.

— Ты меня спрашиваешь? — улыбнулся Маленький Скорпион. — А я кого спрошу? Ничего они не говорили.

— Ну как же? Они говорили «варэ», «вский»...

— Это обычные иностранные слова, означающие «химия» и «роль» *, только эти субъекты употребляют их без понятия, как придется. Умеющие произносить такие выражения и называются учеными нового типа. Слова «варэ», «вский» да еще «изм» стали в последнее время особенно модными. Первые два слова, сливаясь, означают все, что угодно: «Родители бьют ребенка», «Император ест дурманные листья», «Ученый покончил с собой»... Произноси их — и тебя тоже сочтут ученым. Главное — существительные. Глаголы не нужны, а прилагательные образуются от существительных.

— Почему они спрашивали меня про штаны?

— А почему девушки расспрашивали о туфлях на высоком каблуке? Молодые ученые похожи на женщин: они тоже стараются быть чистыми, красивыми и модными. Старые ученые напрямик требуют девок, а молодые сперва хорохорятся. Вот погоди, через несколько дней они все наденут штаны...

Мне показалось, что в комнате стало слишком душно; я извинился перед Маленьким Скорпионом и вышел на улицу. Цветок и ее подруги, привязав к пяткам куски кирпича и держась за стену, учились ходить на высоких каблуках.

---

* Перевод так же условен, как сами «иностранные слова».

20

Да, у этого пессимиста было что позаимствовать. Он, по крайней мере, сначала размышлял, а потом уж предавался своему пессимизму. Возможно, Маленький Скорпион недальновиден или труслив, но мне он все больше нравился, да и на молодых ученых я еще не поставил крест. Даже если они не уступают в глупости старым, они хоть живые и веселые. Маленькому Скорпиону стоило бы позаимствовать у них оптимизм, и тогда, быть может, он совершил бы немало полезного. Мне захотелось еще раз повидать молодых ученых, и я узнал у Дурман, где они живут.

По дороге я прошел мимо многих школ, или институтов, то есть пустырей, окруженных стенами. Когда я видел учеников, разгуливавших по улице, мои глаза наполнялись слезами. Эти юнцы (особенно те, что были постарше) выглядели невероятно самодовольными: точь-в-точь как Большой Скорпион, возлежавший на головах семи кошек. Они, наверное, воображали себя божественными избранниками и не понимали, что их государство самое жалкое во вселенной. Только очень глупые воспитатели могли взрастить столь невежественных юнцов. И все же, думал я, к двадцати годам человек должен что-то соображать, а не чувствовать себя в аду, как в раю. Я чуть было не начал спрашивать у них, чем они так довольны, но вовремя сдержался.

Один из молодых ученых, к которому я шел, заведовал музеем, что было весьма кстати. Музей оказался довольно большим зданием из двадцати или тридцати комнат. У входа, прислонившись к стене, сидел привратник и сладко спал. Кроме него, здание никто не охранял, а все двери были открыты. Удивительно, ведь люди-кошки воруют что попало. Не осмелившись потревожить привратника, я вошел в музей, прошел через два пустых зала и здесь наткнулся на своего нового знакомого. Он очаровал меня своим весельем, опрятностью, вежливостью. Фамилия его была Кошкарский. Я чувствовал, что она иностранного происхождения, и боялся, как бы, сопровождая меня по музею, он не замучил меня незнакомыми словами. Лишь бы он не называл экспонаты «варэ» или «вский», и тогда все будет в порядке.

— Пожалуйста, проходите сюда! — радушно пригласил Кошкарский. — Это зал каменной утвари восьмого

тысячелетия до нашей эры. Утварь разложена по новейшей системе. Посмотрите!

Я оглянулся — ничего нет. Что за наваждение?! Но Кошкарский уже показывал на стены:

— Перед вами древний каменный сосуд, на котором вырезана какая-то иностранная надпись, стоит три миллиона национальных престижей.

Теперь я действительно заметил надпись, но не на сосуде, а на стене — там, где когда-то, видимо, стоял драгоценный сосуд.

— Перед вами каменный топор, которому исполнился десять тысяч один год, цена двести тысяч национальных престижей, это — триста тысяч престижей, это — четыреста тысяч...

Мне нравилось только одно — что он так бегло называет цену экспонатов. Мы вошли в следующий пустой зал. Кошкарский продолжал все тем же бодрым и почтительным тоном:

— А тут хранятся древнейшие книги мира, которым перевалило за пятнадцать тысяч лет. Разложены по новейшей системе.

Он начал перечислять названия книг и их цену, но я не увидел ничего, кроме нескольких тараканов на стене.

Когда мы вышли из десятого пустого зала, мое терпение иссякло. Я уже хотел распрощаться с Кошкарским и уйти, как вдруг перед последним залом увидел около двадцати солдат с дубинками. Видимо, они что-то охраняют? В зале действительно были экспонаты, и я возблагодарил небо и землю. Хоть в одном из одиннадцати залов что-то есть — значит, я пришел не напрасно.

— Вы пришли очень удачно, — подтвердил Кошкарский. — Через каких-нибудь два дня вы бы и этого не увидели. Перед вами глиняная утварь десятого тысячелетия до нашей эры, разложенная по новейшей системе. Двенадцать тысяч лет назад эти сосуды были самыми прекрасными в мире, но потом, начиная с шестого тысячелетия до нашей эры, мы утратили секрет гончарного искусства и до сих пор не можем вновь обрести его.

— Как же так? — спросил я.

— О, вский! — воскликнул мой гид, приведя меня в полнейшее недоумение. — Это самые драгоценные предметы на Марсе, но они уже проданы иностранцам за три биллиона национальных престижей. Если бы правительство не поторопилось, оно могло бы выручить за них,

по крайней мере, пять биллионов, потому что два биллиона мы получили даже за каменные сосуды, которым нет еще десяти тысячелетий. Правительство просчиталось, и мы, посредники, получим меньше комиссионных. Это ужасно! Чем мы будем кормиться? Жалованья нам не выдают уже несколько лет. Правда, на комиссионных можно неплохо заработать, но ведь мы ученые нового типа, и нам нужно во много раз больше денег, чем старым ученым. Мы пользуемся только импортными вещами, а каждая такая вещь могла бы прокормить дюжину старых ученых!

Безмятежная физиономия Кошкарского вдруг помрачнела.

— Как случилось, что утрачен секрет гончарного искусства? О, вский! Почему продаются древности? Чтобы заработать на них. У меня уже не осталось никаких иллюзий в отношении новых ученых. Мне лишь хотелось обнять оставшиеся сосуды и разрыдаться. Итак, торговля музейными редкостями служит одним из источников правительственного дохода, а ученые получают комиссионные да докладывают посетителям цены.

— Что же будет, когда вы продадите последние экспонаты и не сможете больше получать комиссионных?

— О, вский!

Я понял, что это слово означает для него приспособленчество, в тысячу раз более подлое, чем у Маленького Скорпиона. Кошкарский с его восклицаниями стал мне омерзителен, но дурманные листья располагают к апатии, и я не надавал своему гиду пощечин. С какой стати мне, китайцу, вмешиваться в дела людей-кошек?

Не попрощавшись с Кошкарским, я вышел, и мне чудилось, будто за мной вдогонку несутся стенания похищенных реликвий.

На улице я немного успокоился и подумал, что для кошачьих древностей, пожалуй, счастье попасть за границу. Раз люди-кошки все разворовывают и уничтожают, пусть уж лучше их реликвии хранят иностранцы. Разумеется, это ничуть не оправдывает Кошкарского. Хотя торговля затеяна не им, он бессовестно поддерживает ее и вообще забыл о чести и совести. Мне всегда казалось, что человечество чтит свою историю, а люди-кошки безжалостно порывают даже с отечественной историей. К тому же Кошкарский образован. Если так поступают ученые, то что же творит невежественная масса?!

У меня пропало желание идти к другим новым ученым и смотреть культурные учреждения. Показавшаяся впереди библиотека вновь сулила «хитрость с пустой крепостью» *. Само здание было неплохое, хотя явно не ремонтировалось уже много лет. Но когда из библиотеки вышла группа школьников, которые, должно быть, читали там книги, во мне снова пробудилось любопытство.

Войдя в ворота, я увидел на стенах множество свежих надписей: «Библиотечная революция». Интересно, против кого она направлена? Размышляя об этом, я вдруг споткнулся о лежащего человека, который тотчас заорал: «Спасите!»

Рядом с ним валялись еще больше десяти жертв, связанных по рукам и ногам. Едва я развязал их, как они трусливо сбежали — все, кроме одного, в котором я узнал молодого ученого. Это он просил о помощи.

— Что здесь происходит?! — изумился я.

— Снова революция! На этот раз библиотечная.

— Против кого же она?

— Против библиотек. Посмотри, господин! — Ученый показал на свои ляжки.

Я увидел короткие штаны, на которые прежде не обратил внимания. Но как они связаны с библиотечной революцией? Ученый объяснил мне это:

— Ведь ты носишь штаны, и мы, ученые, призванные знакомить народ с передовой наукой, передовой моралью и обычаями, тоже надели штаны. Это революционный акт...

«Вот так революция!» — подумал я.

— К сожалению, студенты соседнего института узнали о нашем революционном акте, явились сюда и потребовали каждый по паре штанов. Я — заведующий библиотекой, и прежде, когда торговал книгами, постоянно давал часть своей выручки студентам. Дело в том, что они преданы кошкизму, а кошкисты — народ опасный. К сожалению, они ревностно проводят свои принципы и потребовали у меня штаны. Я не мог на них напастись, и студенты восстали. Мой революционный акт состоял в том, что я надел штаны; их — в том, чтобы сшить

---

* Намек на легенду об известном китайском полководце Чжугэ Ляне (III в.), который, оставшись без войска, раскрыл перед противником городские ворота. Испугавшись засады, враг отступил от стен крепости.

штаны, каких нет ни у кого. В общем, они связали нас и похитили все мои ничтожные сбережения!

— Надеюсь, книги они не растащили? — воскликнул я, беспокоясь о библиотеке, а не о его сбережениях.

— Нет, их не могли растащить, потому что последняя книга продана пятнадцать лет назад. Сейчас мы занимаемся перерегистрацией.

— Что же вы регистрируете, если книг нет?

— Дом, стены... Готовимся к новой революции, хотим превратить библиотеку в гостиницу и получать хотя бы небольшую аренду. Фактически здесь уже несколько раз квартировали солдаты, но с гражданской публикой было бы как-то удобнее...

Мне очень хотелось уважать людей-кошек, и именно поэтому я не стал больше слушать, иначе я мог бы перейти на брань.

21

Ночью снова полил дождь, который в Кошачьем городе был лишен всякой поэтичности. Трудно предаваться лирическому настроению, когда слышишь треск и грохот стен, падающих одна за другой. Город походил на морской корабль в бурю. Каждую минуту он сотрясался, ожидая своей гибели, но разве это было бы так уж плохо? Я вовсе не жаждал крови и лишь желал людям-кошкам легкой смерти, от обычного дождя. Ради чего они живут? В их истории произошла какая-то нелепая ошибка, за которую они теперь вынуждены расплачиваться. Впрочем, собственные мысли тоже казались мне пустыми и эфемерными.

Ладно, поразмышляю — все равно не уснуть. Что означает, например, кошкизм или другие слова, которыми умудрились немало навредить себе люди-кошки? Я вспомнил о студентах, «преданных кошкизму». На Земле студенчество всегда было носителем передовой мысли, но иной раз его горячность оказывалась поверхностной, а политическая острота сводилась к жонглированию несколькими новыми словами. Если здешние студенты именно таковы, то мне остается лишь закрыть глаза на будущее Кошачьего государства. Винить во всем студенчество несправедливо, но я не должен идеализировать его только потому, что возлагаю на него надежды. Мне так захотелось познакомиться с кошачьей политикой, что

я не спал почти всю ночь. Хотя Маленький Скорпион и отрицал свою причастность к политике, я могу узнать у него исторические факты, без которых невозможно понять современную жизнь.

Чтобы не упустить Маленького Скорпиона, я встал очень рано и сразу же обратился к нему с вопросом:

— Скажи мне, что такое кошкизм?

— Политическое учение, согласно которому люди-кошки живут друг для друга, — ответил он, жуя дурманный лист. — При кошкистском строе общество представляет собой большой слаженный механизм, каждый человек в нем играет роль винтика или шестеренки, но все работают спокойно и счастливо. Совсем неплохое учение.

— Какие-нибудь государства на Марсе уже осуществляют подобный строй?

— Да, уже более двухсот лет.

— А ваша страна?

Маленький Скорпион задумался. Мое сердце прыгало от нетерпения. Наконец он сказал:

— Мы тоже пытались, шумели. Я даже не помню учения, которое бы мы не пытались осуществить.

— Что значит «шумели»?

— Предположим, у тебя непослушный ребенок. Ты его ударил. Я узнал об этом и ударил своего ребенка — не потому, что он непослушный, а просто в подражание тебе. Поднимается шум, шумиха. То же самое и в политике.

— Расскажи, пожалуйста, подробнее, — попросил я. — Может, шумиха — это не так уж плохо, если она приводит к переменам.

— Перемены — не всегда прогресс...

Я улыбнулся. Ну и ядовит же этот Маленький Скорпион! А он продолжал после недолгого молчания:

— На Марсе больше двадцати стран, у каждой свое политическое направление, своя история. А мы случайно узнаем о какой-нибудь стране и поднимаем у себя шумиху. Потом услышим, что в другой стране произошла реформа — снова не обходимся без шумихи. В результате другие страны действительно проводят реформы, а мы — нет. Особенность наша в том, что чем больше мы шумим, тем хуже нам живется.

— Пусть не по порядку, но говори конкретнее, — снова попросил я.

— Хорошо, начну со свор.

— Свор?!

— Это заимствование, нечто вроде штанов. Не знаю, есть ли что-либо подобное у вас на Земле. Собственно, это организация, в которую объединяются кошки, одержимые политическими амбициями. Почему эти объединения называются сворами, я еще поясню... С древности мы беспрекословно подчинялись императору, не смели даже пискнуть и считали высшей добродетелью так называемую «моральную чистоту». И вдруг из-за границы прилетела весть о том, что народ тоже может организовываться и участвовать в правлении. Как ни листали мы древние книги, но подходящего слова на кошачьем языке найти не могли: единственное объединение, которое удалось обнаружить, принадлежало собакам, поэтому мы и назвали свои организации сворами. С тех пор в нашей политике произошло немало изменений, однако я уже говорил тебе, что политикой не занимаюсь, знаю только факты.

— Да, да, факты, — подхватил я, боясь, как бы он не умолк.

— Первая политическая реформа состояла в том, что императора попросили сделать правление более гуманным. Он, конечно, не согласился, тогда реформаторы приняли в свою свору множество военных. Видя, что дело плохо, император даровал важнейшим реформаторам высокие чины, они увлеклись службой и забыли, чего хотели. Тем временем прошел слух, что император вовсе не нужен. Образовалась свора массового правления, поставившая себе целью изгнать императора. А он, проведав об этом, создал собственную свору, каждый член которой получал в месяц тысячу национальных престижей. У сторонников массового правления загорелись глаза, потекли слюнки. Они стали ластиться к императору, но он предложил им только по сто национальных престижей. Дело бы совсем расклеилось, если бы жалованье не было повышено до ста трех престижей. Однако на всех не хватило, и возникли оппозиционные своры из десяти, двух и даже одного человека.

— Извини, я перебью: были в этих организациях люди из народа?

— Я как раз хотел сказать об этом. Конечно, нет, потому что народ оставался необразованным, темным и излишне доверчивым. Каждая свора твердила о народе,

а потом принимала деньги, которые император с него содрал. Своры и сами были не прочь содрать с народа деньги; если же народ не поддавался обману, то привлекали на помощь военных. В общем, чем больше становилось свор, тем больше беднела страна.

— Неужели в этих сворах не было ни одного благородного человека, действительно болевшего душой за народ?

— Разумеется, были. Но ты ведь знаешь, что благородным людям тоже хочется есть и любить, а для этого нужны деньги. Получив деньги, хорошие люди добывали еду и жен, становились рабами семьи и уже больше не могли подняться. Революцию, политику, государство, народ они старались поскорее забыть.

— Выходит, люди, имеющие работу и еду, у вас совсем не участвуют в политическом движении? — усомнился я.

— Да, не участвуют, потому что боятся. Стоит им шевельнуть пальцем, как император, военные или очередная свора ограбят их до нитки. Им остается либо терпеть, либо купить небольшой чиновничий пост. Заниматься политикой у нас могут только учившиеся за границей, хулиганы или полуграмотные военные, которым нечего терять: в своре они получат еду, а без своры вообще останутся голодными. Перевороты в нашей стране стали своего рода профессией; политика изменяется, но не улучшается; о демократии кричим, а народ по-прежнему беднеет. И молодежь становится все более поверхностной. Даже те, кто в самом деле хочет спасти страну, только попусту таращат глаза, когда захватывают власть, потому что для правильного ее использования у них нет ни способностей, ни знаний. Приходится звать стариков, которые тоже невежественны, но гораздо хитрее. Внешне правят «сторонники нового», а по существу — старые лисы. Не удивительно, что все смотрят на политику как на взаимный обман: удачно обманул — значит выиграл, неудачно — провалился. Поэтому и учащиеся перестали читать: только зубрят новые словечки да перенимают разные хитрости, воображая себя талантливыми политиками.

Я дал Маленькому Скорпиону отдохнуть, а потом напомнил:

— Ты еще не рассказал о кошкизме.

— Сейчас скажу. Итак, народ становился беднее, по-

тому что во время раздоров и драк не обращали внимания на экономику. И тут появился кошкизм — он вышел из народа, вырос именно из экономических проблем. Раньше перевороты не приводили к свержению императора: монарх объявлял, что целиком верит какой-нибудь из свор, иногда даже становился ее вождем, поэтому один поэт торжественно назвал нашего императора «хозяином всех свор». Только кошкисты первые убили императора. Но после того, как власть перешла к ним, было истреблено немало народу, потому что они требовали уничтожить всех, кроме преданных кошкистов и мяуистов. Убийства, конечно, никого не удивили — в Кошачьем государстве всегда легко убивали. Если б вместо негодяев действительно встали у власти крестьяне и рабочие, это было бы совсем неплохо. Но кошки остаются кошками и во время переворотов: они не убивали, например, тех, кто платил выкуп. В результате невинные погибли, а негодяи уцелели. Эти спасшиеся проходимцы влезли в свору, начали интриговать, и с тех пор расправы утратили уже всякий смысл.

Кроме того, чтобы улучшить жизнь, нужно было первым делом изменить экономическую систему, а во-вторых, воспитать в людях желание жить друг для друга. Но наши кошкисты не имели никакого понятия об экономике и тем более о новом воспитании. Кончив убивать, они вытаращили глаза, захотели помочь крестьянам и рабочим, но обнаружили, что ничего не смыслят ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности. Поделили между крестьянами землю, долго думали, сажать ли дурманные листья, и, прежде чем деревья выросли, все голодали. Для рабочих дела вообще не нашлось. Снова начали убивать. Так иногда сдирают шкуру вместо того, чтобы почесаться.

Кошкизм разделил судьбу многих заимствованных нами учений. В других государствах они становятся прекрасным средством лечения общества, а у нас превращаются в сплошное самобичевание. Мы никогда не думаем, не смотрим правде в глаза, поэтому и получаем от переворотов одни разрушения. Другие извлекают из них новые мысли, новые планы, а мы устраиваем революции только ради шумихи, потому что ничего не знаем, ничего не делаем, забываем о том, что революционное дело требует от человека высоких духовных качеств, — только нападаем друг на друга, прибегая к самым подлым при-

емам. Пока мы занимались убийствами да таращили глаза, вождь кошкистского движения сам стал императором. Кошкизм и император — это ведь совершенно несовместимо, похоже на дурной сон! Но у нас такие вещи не удивительны, потому что мы абсолютно не разбираемся в политике. Кошкизм тоже привел к воцарению Его Величества, и все успокоились. Император благоденствует, по-прежнему зовется «хозяином всех свор», а кошкизм прозябает между этими сворами!

Я впервые увидел на глазах Маленького Скорпиона слезы.

22

Хотя Маленький Скорпион всегда говорил мне правду, его критика вновь показалась мне бесплодной, слишком мрачной. Конечно, я приехал из спокойного, счастливого Китая, поэтому и считал, что не может быть все так безнадежно. Здоровому человеку нелегко понять пессимизм больного. Но надежда обязательно должна быть, это мать усилий, своего рода долг человечества. Я не верил, что люди-кошки не способны ничего добиться. Они все-таки люди, а люди могут преодолеть все.

Я решил пойти к Большому Скорпиону и познакомиться через него с политическими деятелями. Если я встречу среди них здравомыслящих людей, то они должны сообщить мне что-нибудь обнадеживающее. Конечно, еще полезнее было бы поговорить с народом, но простые кошки слишком боятся иностранцев и вряд ли разбираются в политике. Хотя преклонение перед героями мне всегда было чуждо, я решил поискать свой идеал среди политиков, способных что-то сделать для народа.

Как раз в это время Большой Скорпион пригласил меня на званый обед. Он был видной фигурой, среди его гостей должны оказаться политики. Кроме того, я давно уже не выбирался из дому. Улица по-прежнему была заполнена прохожими, которые напоминали муравьев — но только суматошностью, а не трудолюбием. Я не мог понять, какой притягательной силой обладает этот жалкий город, почему люди-кошки так стремятся в него. Видимо, в деревне уже совсем скверно. Единственное изменение к лучшему, которое я заметил, состояло в том, что меньше воняли улицы: в последние дни лил дождь и вместо жителей провел «Движение за чистоту».

Большого Скорпиона не оказалось дома, хотя я пришел вовремя. Встретил меня человек-кошка, который в дурманной роще носил мне еду; мы были знакомы, поэтому он и решился заговорить со мной.

— Если тебе назначают встречу в полдень, приходи вечером или на следующее утро. Можно и через два дня — это наш обычай.

От души поблагодарив его за науку, я спросил, кто еще приглашен. У меня было сильное желание уйти, если гости окажутся неподходящими, но он ответил:

— Все важные персоны. Иначе не пригласили бы тебя, иностранца.

Ладно, останусь. Но что делать до пира, который неизвестно когда начнется? Тут я вспомнил, что в кармане у меня есть несколько национальных престижей, и дал их старому слуге. Все остальное свершилось само собой. Вскоре я уже сидел на помосте и слушал небезынтересные сведения. Деньги — лучший ключ, отмыкающий людям-кошкам рты.

— Чем зарабатывают на жизнь горожане? — первым делом осведомился я.

— Эти? — переспросил слуга, указывая в сторону людского моря за стеной. — Ничем.

— Как так? Что же они едят?

— Известно что: дурманные листья.

— Но ведь их нужно откуда-то брать...

— Достаточно одному служить чиновником, чтобы многие были обеспечены. Чиновник выращивает дурманные листья, торгует ими, а часть дает родственникам и друзьям. Мелкий чиновник, наоборот, покупает листья, но все равно помогает родственникам и друзьям. Остальные ждут, пока у них появится свой чиновник.

— Видимо, чиновников очень много?

— Да, все, кроме безработных, считаются чиновниками. Я тоже чиновник, — улыбнулся слуга. Этой не веселой, а презрительной улыбкой он отплатил за клок шерсти, который я когда-то у него вырвал.

— А чиновники получают жалованье?

— Конечно, от Его Величества.

— Откуда уже у императора деньги, если столько народу бездельничает и ничего не производит?

— От продажи драгоценностей, земель... Ведь вы, иностранцы, любите покупать их! Пока они есть, о деньгах нечего беспокоиться.

— Музеи и библиотеки вам неплохо помогают... Но неужели ты сам не чувствуешь, что лишаться книг и древностей нехорошо?

— Какое это имеет значение. Были бы деньги!

— Выходит, у вас нет никаких экономических затруднений?

Этот вопрос был слишком сложен, и на него слуга ответил не сразу:

— Раньше были, а теперь уже нет.

— Что значит раньше: когда все работали?

— Да. Сейчас деревни почти опустели, в городах торгуют иностранцы, нам незачем работать, поэтому люди и отдыхают.

— Откуда же тогда чиновники? Ведь не могут они все время бездельничать! Зачем становиться чиновником, если дурманные листья и так дают?

— Крупный чиновник получает столько, что, кроме дурманных листьев, может покупать иностранные вещи, заводить себе новых жен, а нечиновному едва на листья хватает. Кроме того, быть чиновником совсем нетрудно: больше привилегий, чем работы. И хотел бы делать что-нибудь, да нечего.

— Скажи, пожалуйста, чем питалась вдова посланника? Ведь она не ела дурманных листьев.

— Можно и другое есть, только дорого очень. Мясо, овощи — все ввозится из-за границы. Когда ты в деревне не хотел есть дурманные листья, мы на тебя немало денег потратили. Вдова посланника тоже была странной женщиной, но ее капризам никто не потакал. Вот и приходилось ей вместе с девками собирать дикие плоды или коренья.

— А мясо они ели?

— Мясо не соберешь, его даже купить трудно. Мы давным-давно перебили всю живность — еще когда ели не только дурманные листья. Ты видел у нас хоть одного зверя или птицу?

Я задумался.

— Зверя действительно нет, а птиц видел — коршунов с белыми хвостами.

— Да, только они и остались, потому что у них мясо ядовитое, иначе и им бы несдобровать.

«Быстро вы действуете! — подумал я. — Муравьи и пчелы тоже не размышляют о своем будущем, но их спасает инстинкт, а у вас и этого нет. Интересно, какой

император или бог лишил вас природных инстинктов, не дав взамен разума? Ловко он посмеялся над вами! Школы без образования, политики без головы, люди без человечности, души без стыда. Не слишком ли жестокая шутка?»

И все-таки я решил повидать политиков — может быть, они уже придумали что-то вразумительное. Наверное, есть какой-нибудь простой способ: предположим, разделить поровну дурманные листья, устроить своего рода дурманный кошкизм. Конечно, это уж последнее дело. Чтобы не погибнуть, им надо вернуться к прежним временам, запретить дурманные листья, восстановить сельское хозяйство и промышленность. Но кто все это сделает? Слишком много нужно сил, твердости и решительности, чтобы из животных превратиться в людей! Я стал почти таким же пессимистом, как Маленький Скорпион.

Пришел Большой Скорпион. Он сильно похудел с тех пор, как приехал в город, но выглядел еще хитрее и подлее. Перед ним я не собирался расточать вежливых слов.

— Зачем позвал?

— Да так просто, поговорить хотелось.

Наверняка что-то задумал! Я снова почувствовал к нему отвращение.

Потом начали прибывать гости — все незнакомые мне и мало походившие на обычных людей-кошек. Каждый называл меня старым другом. Я достаточно бесцеремонно заявил, что прилетел с Земли и не имел чести дружить с ними, но они спокойно проглотили пилюлю и продолжали называть меня старым другом.

Гостей пришло больше десятка. Мне везло — все они оказались политиками.

По моему беглому впечатлению, их можно было разделить на три группы. К первой, самой старшей, принадлежал Большой Скорпион. Они называли меня другом очень непринужденно, но с едва заметным неудовольствием. Это были старые лисы, по определению Маленького Скорпиона. Члены второй группы, помоложе, отнеслись ко мне с особым вниманием, в котором сквозило зазнайство, и все время бессмысленно смеялись. Видно было, что они выучились кое-каким приемам старых лисов, но еще не совсем освоились. Третья, самая младшая, группа произносила слова «старый друг» со-

всем неестественно, даже несколько смущенно. Именно их особенно рекламировал Большой Скорпион:

— Эти друзья только что оттуда.

Я не очень понял его, но вскоре сообразил, что «оттуда» — значит из школы, института. Это были новички в политике, и я решил посмотреть, как они будут обращаться со старыми лисами.

Начался пир — мой первый пир на Марсе. Все гости уселись за стол и стали есть дурманные листья. Этого я ожидал, но дальнейшее было для меня новинкой.

— Сегодня мы приветствуем друзей, только что пришедших оттуда, — изрек Большой Скорпион, — поэтому им предоставляется право самим избрать проституток.

Молодые политики гордо улыбнулись, зажмурили глаза, опять смутились и начали что-то бормотать о кошкизме. Мне стало так больно, как будто я потерял любимого человека. Так вот каковы их принципы! Ладно, не буду возмущаться, буду наблюдать.

Когда женщины пришли, все снова принялись за дурманные листья. Молодые политики с раскрасневшимися под серой шерстью физиономиями украдкой поглядывали на Большого Скорпиона. Он засмеялся:

— Выбирайте, господа, выбирайте! Не стесняйтесь!

Юнцы ухватили по проститутке и отправились на нижний этаж.

Едва они удалились, как хозяин подмигнул оставшимся политикам:

— Ну вот, теперь их нет, и мы можем поговорить о делах.

Выходит, я догадался — он действительно что-то замышляет.

— Вы уже слышали? — спросил Большой Скорпион.

Старейшие никак не реагировали на его вопрос: казалось, они углубились в самосозерцание. Один из тех, что помоложе, кивнул, но, поглядев на остальных, тотчас вскинул голову и устремил глаза ввысь.

Я расхохотался. Все стали еще серьезнее, однако хихикнули вслед за мной — ведь я был иностранцем. Наконец заговорил другой представитель среднего поколения:

— Кое-что слышали, но не знаем, совсем не знаем, достоверно ли это...

— Разумеется, достоверно! Мои солдаты уже потер-

пели поражение! — воскликнул Большой Скорпион с озабоченностью, вызванной, по-видимому, тем, что это были именно его солдаты.

Все молчали, на этот раз очень долго и дружно, даже почти не дышали, словно опасаясь потревожить волоски в ноздрях.

— Господа, может быть, пригласим еще нескольких проституток? — предложил Большой Скорпион.

Политики оживились:

— Конечно, конечно! Без женщин ничего не придумаешь. Зовите!

Снова пришли проститутки, мужчины оживились еще больше; солнце клонилось к закату, а о политике так никто и не заикнулся.

— Спасибо за угощение! До завтра! — говорили гости, уводя с собой проституток.

Навстречу им двигались юнцы — уже не с красными, а с серо-зелеными физиономиями. Они даже спасибо не говорили, а только бормотали о кошкизме.

«У них, наверное, возникла какая-нибудь междоусобица, — подумал я. — Большой Скорпион потерпел поражение, попросил помощи, а ему отказывают. Если я правильно догадался, ничего трагического не произошло». Но лицо Большого Скорпиона выглядело озабоченным, и перед уходом я все же спросил, почему его солдаты потерпели поражение.

— Иностранцы вторглись!

23

Солнце еще не зашло, а все жители попрятались по домам, лишь на стенах белело множество лозунгов: «Сопротивление до конца!», «Спасение государства — это спасение самого себя!», «Долой проглотизм!»...

От этих громких слов у меня закружилась голова, как у быка, которого все время поворачивают. Мне не хватало воздуха, хотя на улице был я один. «Иностранцы вторглись!» — звучало у меня в ушах, словно звон погребального колокола. Почему вторглись?! Большой Скорпион был явно напуган, иначе рассказал бы мне подробнее. Однако испуг не помешал ему устроить пир, звать проституток, а этим политикам — веселиться с проститутками.

Пришлось снова идти к Маленькому Скорпиону — он был здесь единственным здравомыслящим человеком, хотя и слишком желчным. Но мог ли я упрекать его за желчность после того, как увидел кошачьих политиков?

Солнце уже село, загорелась розовая заря, легкий туман еще больше оттенял красоту неба и жалкое безмолвие земли. Стояла полнейшая тишина, лишь ветерок ударял мне то в спину, то в мокрое от слез лицо. Доисторическая пустыня была, наверное, не такой мертвой, как этот огромный город!

Войдя к Маленькому Скорпиону, я увидел в темноте сидящего человека. Он был явно выше ростом, чем мой приятель.

— Кто это? — громко спросил незнакомец.

Уже по его решительному, прямому вопросу я понял, что имею дело не с обычным человеком-кошкой.

— Иностранец, с Земли.

— А, земной господин! Садись! — Его приглашение походило на приказ, но опять-таки подкупало своей прямотой.

— А кто ты? — спросил я, в свою очередь, садясь рядом с ним, чтобы разглядеть его как следует.

Он оказался не только высок, но и широк в плечах; уши, нос и рот утопали в густых волосах, оставались лишь большие горящие глаза.

— Я — Большой Ястреб, — сказал он. — Это мое прозвище, а не настоящее имя. Почему меня так называют? Да потому, что боятся. Честных людей в нашей стране считают страшными, отвратительными!..

Небо совсем потемнело, осталось одно красное облако, которое, словно огромный цветок, стояло над самой головой Большого Ястреба. Я смотрел на облако как зачарованный и вспоминал недавнюю красную зарю.

— Днем я не решаюсь выходить, но вечерами иногда навещаю Маленького Скорпиона, — нарушил молчание мой собеседник.

— А почему не решаешься днем?..

— Кроме Маленького Скорпиона, все мне враги. Я живу в горах, всю прошлую ночь я шел, потом скрывался весь день. Дай мне что-нибудь пожевать — ничего не ел целые сутки.

— Вот дурманные листья.

— Нет, уж лучше с голоду помереть, чем это!

Такого решительного человека я видел в Кошачьем государстве впервые. Я позвал Дурман, чтобы достать еды; девушка была дома, но выйти к нам не захотела.

— Оставь ее. Женщины тоже боятся меня. Все равно смерть уже близко — можно и поголодать.

— Иностранцы вторглись? — вспомнил я.

— Да, поэтому я и пришел к Маленькому Скорпиону.

— Он излишне пессимистичен и в то же время чересчур легкомыслен. — Откровенность несколько скрашивала мой укор.

— Он умен, поэтому и пессимист. А что ты сказал дальше? Я не совсем понял. Если мне нужно решить что-нибудь серьезное, я всегда иду к нему. Пессимисты боятся жизни, но не смерти. А наши соотечественники чересчур веселы, даже когда еле на ногах держатся от голода. Они с самого рождения не умеют горевать, вернее — думать. Только Маленький Скорпион умеет, его можно считать вторым честным человеком после меня.

— Ты тоже пессимист? — спросил я, не сомневаясь в его достоинствах, но затрудняясь отнести к ним самоуверенность.

— Я? Нет. Поэтому все и боятся меня. Если бы я горевал, как Маленький Скорпион, меня бы не прогнали в горы. В этом наше различие. Он ненавидит этих безголовых и жестоких людей, однако не осмеливается тронуть их. А у меня нет к ним ненависти. Я хочу прочистить им мозги, показать, что они не очень-то похожи на людей, поэтому и задеваю их. Но когда надвигается опасность, мы с Маленьким Скорпионом заодно — мы не боимся.

— Ты, наверное, занимался политикой?

— Да. В свое время я выступал против дурманных листьев, проституции, многоженства, убеждал, чтобы и другие выступали. А в результате и старые, и новые деятели объявили меня закоренелым преступником. Ты должен знать, что человек, в чем-то отказывающий себе или стремящийся к наукам, считается у нас лицемером. Если ты вздумаешь ходить пешком, окружающие не поймут, что тебе противно ездить на чужих головах, не станут подражать тебе, а ославят лицемером. Наши государственные деятели и студенты все время твердят об экономике, политике, разных «измах» и «ациях», но стоит тебе спросить, что это такое, как они возмущенно закатят глаза. А простолюдины?! Предложи им монету —

они поднимут тебя на смех, посоветуй меньше есть дурманных листьев — скажут, что ты ханжа. От императора до простого люда — все считают дурные поступки естественными, а хорошие — лицемерными. Поэтому они и занимаются убийствами, искореняя, как они считают, лицемерие.

По-моему, каких бы политических взглядов ты ни придерживался, всякое преобразование нужно начинать с экономики и проводить его честно. А среди наших деятелей нет ни одного честного человека, и в экономике они ничего не смыслят. Власть для них — только средство угнетать да притеснять. Между тем сельское хозяйство и промышленность в полном развале. Когда находится человек вроде меня, который хочет построить политику на научных и гуманных принципах, его объявляют лжецом, потому что иначе деятелям пришлось бы признать собственную неправоту. Кстати, даже если бы они решились ее признать, их все равно бы не поняли.

В свое время бесчестная политика родилась как результат экономического развала. Сейчас об экономике вообще никто не беспокоится; восстановить ее не легче, чем воскресить мертвеца. Мы пережили слишком много политических потрясений, и с каждым из этих потрясений все человеческое обесценивалось, а злодеи побеждали. Теперь они ждут последней победы, и тогда выяснится, кто же из них злее всех. Стоит мне заговорить о человечности, как меня оплевывают с ног до головы. Любая теория, которая успешно применяется за границей, попадая к нам, становится отвратительной; лучшие дары природы превращаются у нас в дурманные листья! Однако я не отчаиваюсь: человеческая совесть сильнее меня, она ярче солнца. Я не боюсь протестовать и делаю это при каждом удобном случае. Знаю, что не увижу плоды своих трудов, но ведь моя совесть долговечнее моей жизни!

Большой Ястреб замолчал, слышалось только его шумное дыхание. Я невольно восхитился этим человеком: ведь он не баловень толпы, не предмет бездумного поклонения, а тысячекратно оплеванная и обруганная жертва, мессия, которому предстоит снять позор с людей-кошек.

Вернулся Маленький Скорпион. Он никогда не приходил так поздно.

— Как ты кстати! — воскликнул он, обнимая Большого Ястреба, который кинулся ему навстречу.

Из глаз обоих потекли слезы. Я не решался спросить, чем они так взволнованы, а Маленький Скорпион продолжал:

— И все же твой приход мало поможет.

— Я знаю. Не только не поможет, а помешает тебе. Но я не мог не прийти. Пробил мой час!

— Что ты задумал?

— Смерть в бою я предоставляю тебе. Сам я умру бесславно и все-таки не понапрасну. Сколько у тебя войска?

— Немного. Отцовские солдаты уже отступили, а другие собираются отступить. Только солдаты Большой Мухи могут послушаться моего приказа, но если они узнают, что ты здесь, отпадут даже они.

— Понимаю, — хмуро ответил Большой Ястреб. — А ты не можешь повернуть отцовских солдат на врага?

— Боюсь, ничего не получится...

— Казни для острастки парочку офицеров!..

— Ими командует отец...

— Соври им, скажи, что у меня много солдат, что ты послал меня на фронт, но я ослушался твоего приказа...

— Предположим. Хотя у тебя нет ни одного солдата, я могу сказать, будто их сто тысяч. А что потом?

— Потом убей меня и выставь мою голову на улице. Тогда солдаты подчинятся тебе — ведь они знают меня!

— Боюсь, что это в самом деле единственный выход... Но я еще должен сказать им, будто отец передал мне командование.

— Да, и поскорее, потому что враг уже подходит. Чем больше ты успеешь набрать солдат, тем лучше. А я, друг, покончу с собой, чтобы тебе не пришлось стать моим палачом.

— Погодите! — воскликнул я дрожащим голосом. — Погодите! Что это даст вам?

— Ничего, — все так же хмуро ответил Большой Ястреб. — У врага гораздо лучше и солдаты, и оружие, мы вряд ли одолеем его даже всей страной. Но если наша гибель будет замечена, она сможет повернуть ход истории Кошачьего государства. Иностранцы, по крайней мере, не будут нас так презирать. Наша гибель — не жертва и не путь к славе, а насущная необходимость.

Мы не желаем быть рабами! Человеческая совесть долговечнее жизни. Вот и все. Прощай, земной господин!

— Постой! — окликнул его Маленький Скорпион. — Лучше съесть сорок дурманных листьев, так легче умереть.

— Можно, — усмехнулся Большой Ястреб. — Странно складывается жизнь! До сих пор я не ел дурманных листьев, и меня считали ханжой. Пусть теперь у них хоть доказательство будет. Дурман, неси листья! Я никуда не пойду, в минуту смерти я хочу быть с друзьями...

Девушка принесла охапку листьев и тотчас вышла. Большой Ястреб решительно принялся за них.

— А как же твой сын? — произнес Маленький Скорпион с раскаянием в голосе. — О, я не должен был об этом говорить!

— Но ведь гибнет страна... — тихо ответил Большой Ястреб.

Он продолжал жевать листья, но очень медленно — наверное, уже захмелел.

— Я хочу спать, — еле слышно сказал он, опускаясь на пол.

Я взял его за руку, он поблагодарил, и это были последние слова Большого Ястреба, хотя рука оставалась теплой и дыхание прервалось лишь в полночь.

24

Да, я не мог назвать его смерть жертвой, потому что он сам не считал себя героем. Сбудутся ли его надежды, я пока еще не знал, но видел, что его отрубленная голова торчит на шесте посреди города. Я, конечно, пришел посмотреть не на голову, а на жителей Кошачьего города, для которых подобное зрелище представляло особое удовольствие. Маленький Скорпион давно исчез и не появлялся даже у Дурман, поэтому я решил пойти на улицу.

Город по-прежнему выглядел оживленным — пожалуй, еще более оживленным, чем раньше. Ведь можно было полюбоваться отрубленной головой, это гораздо интереснее, чем камешек на дороге. Говорили, что в толкотне у шеста уже задавлены три старика и две женщины, но никто не горевал, потому что смерть ради

удовольствия считалась почетной. Люди-кошки еще больше толкали и бранили друг друга. Никто не спрашивал, чья это голова, за что отрублена. В толпе слышались примерно такие восклицания:

— У, какая волосатая!

— А глаза-то закрыты!

— Жаль, что только голову выставили! Надо бы и тело...

Пожалуй, Большой Ястреб принял правильное решение. Стоит ли жить рядом с подобными людьми?

Выбравшись из толпы, я пошел к императорскому дворцу. Идти было трудно, потому что во всех направлениях шествовали отряды музыкантов, которые нещадно дули и били в свои инструменты. Слушатели бросались за ними то в одну, то в другую сторону, но все равно не успевали и наверняка досадовали, что у них так мало ног, ушей и глаз. По воплям зевак я понял, что это свадебные оркестры, однако из-за обилия людей не видел паланкинов с невестами и не мог определить, сколько людей-кошек должны их нести. Впрочем, гораздо больше меня интересовал другой вопрос: почему в минуту опасности так торопятся со свадьбами?

Спросить было не у кого — люди-кошки страшились разговаривать с иностранцем. Я вернулся к Дурман. Она сидела в комнате и плакала, а при виде меня зарыдала еще сильнее, как будто я ее обидел. Пришлось долго утешать ее, прежде чем она сказала:

— Маленький Скорпион ушел на фронт! Это ужасно!..

— Ничего, он еще вернется! — соврал я, искренне желая, чтобы моя ложь оказалась правдой. — Он обязательно вернется, и я пойду вместе с ним.

— Правда? — улыбнулась она сквозь слезы.

— Конечно! А сейчас пойдем прогуляемся. Довольно плакать здесь одной.

— Я вовсе не плачу, — сказала Дурман, вытирая слезы и пудрясь.

— Почему сейчас так много свадеб? — спросил я по дороге.

Это был праздный вопрос, но я утешал себя тем, что отвлекаю женщину от мрачных мыслей. Сказать по правде, я отвлекал и себя, потому что предчувствовал неизбежную гибель Маленького Скорпиона.

— Когда наступает смутное время, все спешат со

свадьбами, чтобы солдаты не обесчестили девушек, — объяснила Дурман.

— Зачем же праздновать их так пышно?

Я не мог думать ни о чем другом, кроме начавшейся войны, но кошачье отношение к жизни на этот раз оказалось разумнее человеческого.

— На свадьбах необходима пышность. Война скоро кончится, а брак — на всю жизнь!

Поверив моим словам о возвращении Маленького Скорпиона, Дурман успокоилась и даже предложила мне посмотреть пьесу.

— Сегодня министр иностранных дел устраивает представление на улице по случаю женитьбы сына. Пойдем?

Мне казалось, что убить министра, который во время войны занимается подобной чепухой, намного достойнее, чем смотреть спектакль, но на роль убийцы я не годился, а кошачьего театра еще не видел. Я решил пойти — в последнее время мое диалектическое мышление заметно кошкоизировалось.

Перед домом министра иностранных дел стояло множество солдат. Представление уже началось, но простой народ близко не подпускали: тот, кто рвался вперед, получал дубиной по голове. С собственным мирным людом кошачьи солдаты воевали отлично! Меня они, конечно, не посмели бы ударить, но я сам не очень рвался вперед, потому что доносившаяся из театра музыка отнюдь не усладила мне слух. Долго я слушал пронзительные звуки, прерываемые воплями актеров, однако так и не почувствовал никакого удовольствия.

— Нет ли у вас пьес получше этой? — спросил я у Дурман.

— Есть, иностранные. Их я смотрела в детстве, они гораздо тоньше. Потом их перестали играть, так как никто в них ничего не понимал. Министр иностранных дел сам выступал за новые пьесы — до тех пор, пока один иностранец не сказал, что наш театр тоже очень интересен. Тогда министр вернулся к старому театру.

— А если другой человек скажет, что иностранный театр лучше?

— Это уже будет бесполезно. Иностранные пьесы действительно хороши, но слишком глубоки. Когда министр ратовал за них, он вряд ли их как следует понимал, поэтому и уцепился за лестное мнение о наших

пьесах. Сам он вообще не разбирается в театре, хотя и норовит прослыть его пропагандистом. А старый театр легче рекламировать, у него больше поклонников. У нас часто так бывает: новое едва возникнет и тут же вытесняется старым. Для того чтобы понимать новое, нужно слишком много сил и энергии.

Я чувствовал, что это не ее мысли, а Маленького Скорпиона, потому что сама она продолжала потихоньку протискиваться вперед.

Мне было неудобно ловить ее на слове, но больше я выдержать не мог.

— Уйдем?

После всего сказанного о театре Дурман было неловко не согласиться. Не протестовала она и тогда, когда я предложил сходить к императорскому дворцу.

Он был самым большим, но не самым красивым зданием Кошачьего города. Сегодня дворец выглядел особенно неприятно: перед стенами солдаты, на стенах солдаты... Кроме того, стены были вымазаны свежей грязью, а вода по рву воняла сильнее обычного.

— Иностранцы любят чистоту, — пояснила Дурман, — грязь — лучшее заграждение от них.

У меня не хватило сил даже рассмеяться.

На стену вылезло несколько фигурок, которые долго усаживались верхом, по-видимому, боясь свалиться. Дурман возбужденно закричала:

— Высочайший указ!

— Где? — спросил я.

— Смотри!

Люди на стене двигались так медленно, что у меня заныли ноги. Наконец гонцы спустили на веревке камень с белыми знаками. Дурман, обладавшая острым зрением, охнула.

— Что случилось? — заторопил я.

— Перенос столицы! Император уезжает! Беда! Как же мы будем без него?! — запричитала Дурман, очевидно тревожась о Маленьком Скорпионе, а не об императоре.

Тем временем со стены спустили еще один камень.

— «Солдатам и народу, — начала читать девушка,— повелеваем оставаться на местах. Переезжаем только Мы и чиновники».

Я поразился мудрости Его Величества и пожелал

ему на полпути свернуть себе шею. Но Дурман неожиданно обрадовалась:

— Это еще ничего. Раз многие остаются, мне не страшно!

«Интересно, где они будут получать дурманные листья после отъезда чиновников?» — подумал я, но в этот момент появился новый камень.

— «С сего дня запрещаем именовать Нас «Хозяином всех свор». В минуту грозной опасности народ должен быть сплочен, поэтому Мы становимся «Хозяином одной своры». Все на борьбу с врагом!» — прочитала Дурман и добавила: — Лучше бы совсем без свор...

Мы подождали еще немного, но поняли, что указов больше не будет, так как глашатаи скрылись за стеной. Дурман очень хотелось вернуться и посмотреть, не пришел ли домой Маленький Скорпион, а я отправился к государственным учреждениям, где могли вывесить еще какие-нибудь указы. В восточной стороне, куда пошла Дурман, по-прежнему гремела музыка, но здесь стояла полнейшая тишина. Похоже, что свадьбы были в тысячу раз важнее всех государственных проблем.

Особенно интересовало меня министерство иностранных дел, перед которым никого не оказалось. Ах да, министр ведь празднует свадьбу сына и, должно быть, отпустил своих подчиненных. Еще вопрос, есть ли у людей-кошек иностранные дела, хотя министерство существует.

Воспользовавшись отсутствием чиновников, я решил выяснить этот вопрос. Бесцеремонно вошел — внутри никого. Комнаты не заперты, в них тоже никого и ничего, кроме кучи каменных пластинок с надписью «Протест». Их, наверное, рассылают во всех подходящих и неподходящих случаях: ведь дипломаты — специалисты по протестам. Я хотел найти какие-нибудь документы, присланные из-за границы, но не нашел. Видимо, иностранцы, стремясь облегчить себе дипломатические отношения, никогда не отвечали на кошачьи «протесты».

Незачем было смотреть другие учреждения. Если министерство иностранных дел так гениально просто, то в остальных организациях, поди, нет даже каменных пластинок.

А учреждений мне встретилось много: министерство проституции, институт дурманных листьев, управление кошачьими эмигрантами, министерство борьбы с ино-

странными товарами, палата мяса и овощей, комитет общественной торговли сиротами... Некоторых интересных названий я просто не понял. Чтобы обеспечить всех чиновников службой — или бездельем, — требовалось как можно больше учреждений. Мне показалось, что их уж слишком много, но людям-кошкам, по-видимому, было недостаточно.

Я шел прямо на запад, намереваясь заглянуть в иностранный квартал. Нет, пойду лучше домой, посмотрю, не вернулся ли Маленький Скорпион. Я пошел обратно по другой улице и вдруг увидел группу студентов, которые не любовались спектаклем или отрубленной головой, как их сверстники, а стояли на коленях перед большим камнем с надписью: «Памятник великому святому Мяу». Зная, что они тотчас разбегутся, если увидят меня, я тихонько подошел сзади, тоже опустился на колени и стал слушать, о чем они говорят.

Один из студентов впереди выпрямился во весь рост и крикнул:

— Да здравствует мяуизм! Да здравствует кошкизм!

Все подхватили его возглас. Вдоволь накричавшись, первый студент приказал остальным сесть на землю и произнес речь.

— Мы должны свергнуть всех богов и поставить на их место великого святого Мяу! — провозгласил он. — Мы должны низгергнуть родителей, преподавателей и восстановить нашу свободу! Мы должны низложить императора и осуществить кошкизм! Сейчас мы схватим императора и подарим его иностранцам, чтобы они нас поддержали. Такого великолепного случая может больше не представиться, поэтому будем действовать немедленно. Затем мы уничтожим старших родственников, учителей, и тогда все дурманные листья, женщины, народ и сам кошкизм будут нашими. Вспомните, что говорит великий святой Мяу: «Вперед! На дворец!»

Никто не тронулся с места. Студент крикнул снова — опять никто не шевельнулся.

— Может быть, сначала лучше разойтись по домам и убить отцов? — предложил один. — Во дворце слишком много солдат, как бы не нарваться!

Все повскакали с земли.

— Погодите! Сядьте! Значит, начинаем с отцов?

Студенты заспорили, засомневались:

— Если мы убьем отцов, кто нам будет давать дурманные листья?

— Правильно! Сначала нужно забрать все дурманные листья, а уже потом убить их владельцев!

— Раз у нас нет единого мнения, можно разделиться, — предложил другой. — Антиимператорская фракция пойдет во дворец, а антиотцовская — по домам.

— Но великий святой Мяу говорил только об убийстве императора, а не отцов...

— Контрреволюция!

— Если мы убьем их, мы нарушим завет великого святого!

Я решил, что юнцы передерутся, но они ограничились воплями. Постепенно крикуны распались на несколько групп, каждая из которых обращалась к памятнику святого Мяу. Затем студенты рассеялись, но по-прежнему осаждали памятник. Наконец все устали, из последних сил выкрикнули: «Да здравствует мяуизм!» — и разошлись. Что за дьявольщина?

25

Мне уже расхотелось критиковать людей-кошек, потому что никакая критика не сделает из камня прекрасной скульптуры. Все, что можно было извинить, я извинял, а оставшееся приписывал неблагоприятным природным условиям их государства.

Я ждал Маленького Скорпиона, чтобы вместе с ним отправиться на фронт — посмотрю, как они воюют. О других марсианских странах я почти ничего не знал, а Дурман сообщила мне только одно: что у иностранцев пудра тоньше и белее. В ответ на остальные вопросы она качала головой и восклицала:

— Почему он до сих пор не возвращается?!

Я не мог ответить на это, а лишь молился за всех женщин, чтобы в мире никогда больше не было войн.

Дурман буквально не находила себе места. Все кошачьи чиновники удрали, на улицах стало менее людно, но многие еще любовались отрубленной головой Большого Ястреба. Получить вести с фронта было невозможно; никто понятия не имел о государственных делах, хотя слово «государственный» употреблялось здесь особенно часто: дурманные листья — это государственная

пища, Большой Ястреб — государственный преступник, грязь в канаве — государственная защита... Пойти за новостями в иностранный квартал значило разминуться с Маленьким Скорпионом, если он вернется. А Дурман приставала ко мне:

— Все убежали, даже Цветок! Может, и нам убежать?

Я молча качал головой.

Наконец он вернулся. Дурман так обрадовалась, что не смогла выговорить ни слова, а только уткнулась заплаканной мордочкой ему в грудь. Но сам Маленький Скорпион выглядел печальным, с его лица сошла обычная усмешка.

— Ну, как дела? — спросил я, дав ему перевести дух.

— Безнадежны, — вздохнул он.

Дурман бросила взгляд на меня, потом на Маленького Скорпиона и нерешительно выдавила вопрос, который давно ее мучил:

— Ты снова уйдешь?

Не глядя на девушку, он отрицательно покачал головой. Я не решился продолжить расспросы, чтобы случайно не огорчить Дурман. Впрочем, она и сама, наверное, почувствовала, что Маленький Скорпион говорит ей неправду.

Он отдохнул еще немного и сказал, что хочет повидаться с отцом. Дурман промолчала, но видно было, что она твердо решила следовать за ним. Поняв, что его ложь раскрыта, Маленький Скорпион беспокойно заходил по комнате; я не мог поддержать его, потому что меня сковывал взгляд девушки. Наконец Дурман не выдержала и расплакалась.

— Куда пойдешь ты, туда и я!

Он опустил голову, подумал.

— Хорошо!

Я тоже заявил, что пойду вместе с ними, хотя вовсе не жаждал увидеть Большого Скорпиона.

Мы двинулись на запад, но весь народ, даже солдаты, шел навстречу.

— Почему они идут сюда, если враг на западе? — невольно спросил я.

— Потому что на востоке безопаснее! — скрипнул зубами Маленький Скорпион.

Нам встретилось множество старых и новых ученых,

которые шествовали по разным сторонам улицы, необычайно радостные.

— Мы идем к императору! — крикнули они Маленькому Скорпиону. — Его Величество приказал созвать научную конференцию, поскольку оборона страны — общее дело и пальма первенства принадлежит здесь ученым. Перед нами стоит множество вопросов, например: сколько солдат на фронте, захватят ли враги Кошачий город. Если они действительно намерены его захватить, то мы посоветуем Его Величеству передвинуться еще дальше на восток. Мудрый император, он не забывает об ученых. Мудрые ученые, они до конца верны императору!

Окрыленные надеждой увидеть Его Величество, ученые даже не обратили внимания на то, что Маленький Скорпион ничего не ответил. Но едва эта ликующая группа прошла, как появилась другая, с понурыми, убитыми лицами.

— Помогите нам, господин! Почему Его Величество не пригласил нас на научную конференцию?! Ведь наши знания, наши добродетели ничуть не меньше, чем у этих
5 мерзавцев! Если мы не попадем на конференцию, то нас вообще перестанут называть учеными! У вас такие связи, господин, походатайствуйте, чтобы нас не обошли приглашением!

Маленький Скорпион по-прежнему молчал, однако на этот раз его молчание было воспринято иначе.

— Если вы не поможете нам, мы начнем критиковать правительство, и тогда всем достанется!

Схватив Дурман за руку, Маленький Скорпион пошел быстрее. Ученые в голос зарыдали.

Показался строй каких-то особых солдат, у которых на шее висели красные шнуры. Я никогда не видел подобной армии, но не решился тревожить вопросом Маленького Скорпиона, уже достаточно взбешенного учеными. Однако он заметил мое недоумение и горько рассмеялся:

— Это так называемая красноверевочная, или государистская, гвардия. Красные шнуры — ее отличительный знак, как и в других странах. Но там государизм означает крайний, даже фанатический патриотизм, а наша красноверевочная гвардия из того же патриотизма стремится в местечко поспокойнее, где ей ничто не угро-

жает. Ведь если иностранцы перебьют ее, она больше не сможет проявлять свою любовь к родине!..

Один из гвардейцев ехал на головах десяти с лишним людей-кошек, и шнур на его шее был особенно толстым.

— Это командующий красноверевочной гвардией, — тихо добавил Маленький Скорпион. — Он намерен сосредоточить в своих руках всю государственную власть, потому что другие страны таким способом стали сильнее. Сам-то он и теперь сильнее остальных, то есть хитрее. Я убежден, что сейчас он едет за императором только для того, чтобы осуществить свой план. Убежден!

— Может быть, тогда ваша страна действительно станет сильнее? — заколебался я.

— Нет. Хитростью можно только захватить власть, а не укрепить страну. Он поглощен собственным честолюбием, но никак не заботами о государстве. Настоящий патриотизм — это борьба с врагом.

Я понял, что междоусобицы людей-кошек были своеобразной приманкой для вторжения иностранцев. От шнуров красноверевочной гвардии у меня зарябило в глазах: передо мной расстилалось зловещее кровавое море, по которому плыли гвардейцы.

Мы уже вышли из Кошачьего города, и я почему-то подумал, что могу больше не увидеть его. Вскоре нам встретилась еще одна процессия: странные существа с блаженно глупыми мордами и с травинками в лапах. Дурман, давно не подававшая голоса, воскликнула:

— О, святые идут!

— Что? — гневно спросил Маленький Скорпион, который раньше никогда не сердился на девушку.

Она робко уточнила:

— Нет, нет, я в них не верую.

— О каких святых идет речь? — осведомился я, надеясь, что мое неведение отвлечет Маленького Скорпиона.

Маленький Скорпион долго молчал и вдруг сам задал мне вопрос:

— Скажи, каков основной недостаток людей-кошек?

Я не знал, что ответить, и когда мой приятель сказал: «Глупость!» — искренне обрадовался, что это он говорит не про меня.

— Да, — продолжал Маленький Скорпион, — глупость — наша главная беда, потому что мы обычно подражаем другим, делаем вид, будто все знаем и понимаем,

а на самом деле не знаем и не понимаем ничего. В минуту настоящей опасности мы, забыв о своих претензиях, зовем маму, как дети, и тогда обнажается пустота наших душ, вся наша глупость. Наши мяуисты, например, вопят о великом святом Мяу. Сейчас они эвакуируют его приближенных, рядовых «святых», которые умеют только держать травинку перед своим вождем. В мире нет никого тупее и глупее их.

Сначала мы отмахиваемся от проблемы, а когда разрешить ее уже нельзя, призываем на помощь святых. Нет, наша гибель неизбежна. Если дурно организованные экономика, политика, образование, армия могут погубить государство, то массовая глупость способна погубить всю нацию, потому что глупцов попросту презирают. Захватив нашу страну, враги полностью уничтожат нас, и никто из соседей не вознегодует. Скот пошел под нож — что в этом особенного? Люди всегда жестоки к тем, кого презирают.

Я очень хотел познакомиться с кошачьими святыми поближе, но боялся потерять Маленького Скорпиона и Дурман. На отдых мы расположились в деревушке, которая представляла собой несколько полуразвалившихся домиков без единого жителя.

— Во времена моего детства эта деревня выглядела иначе. Как быстро все приходит в запустение, — задумчиво сказал Маленький Скорпион.

Я не знал, отчего погибла деревня, но не стал донимать его расспросами, потому что уже слышал о нескольких странных революциях, а за ними — войнах, после которых никто не знал, что делать. Все то же невежество и ханжество, каждый переворот сопряжен с увеличением армии, с ростом числа алчных чиновников. Крестьяне голодают, даже если трудятся в поте лица, и бегут в город или за несколько дурманных листьев пополняют собой армию. Да, опасное это дело — революция без подлинной цели! Ничто не спасет людей-кошек, если они не поймут, что их душит собственная глупость.

Вдруг Дурман вскочила и закричала:

— Глядите, глядите!

На западе клубилась огромная туча серого песка, словно поднятая налетевшим вихрем.

Губы Маленького Скорпиона задрожали.

— Это бегут отступающие солдаты!

— Спрячьтесь! — приказал Маленький Скорпион без страха, но и без тени прежней иронии. — Наши солдаты не очень бойки в наступлении, но отступают как безумные. Друг, поручаю Дурман тебе!

Горящими глазами он смотрел на запад, а руки его тянулись к девушке, точно он хотел приласкать ее. Дурман взяла его за руку и, дрожа всем телом, прошептала:

— Мы умрем вместе!

Я не знал, что делать: прятать Дурман или остаться с ними. Смерть меня не страшила, но я хотел принести хоть какую-нибудь пользу. Впрочем, если на нас обрушится несколько сотен обезумевших солдат, то не поможет даже мой пистолет. Схватив друзей за руки, я хотел броситься с ними в первую попавшуюся хижину, чтобы потом, когда отряд промчится мимо, поймать одного из отставших солдат и узнать, что происходит на фронте.

Маленький Скорпион не желал прятаться, Дурман тоже не слушалась меня. Между тем туча пыли нарастала с молниеносной быстротой.

— Глупо так умирать, я не допущу этого!

— Все кончено, не беспокойся обо мне, — твердо сказал Маленький Скорпион. — И о Дурман тоже: пусть делает что хочет.

Но физической силой он не мог со мной соперничать: я обхватил его и поволок. Дурман последовала за нами. Мы спрятались в одном разрушенном домишке, я положил на стену несколько кирпичей и сквозь щели между ними стал наблюдать за бегущим войском.

Оно налетело как смерч, захлестнуло нас серым песком и испуганными воплями. Я зажмурился, но усилием воли снова открыл глаза. Солдаты бежали с пустыми руками, глядя себе под ноги. Еще никогда мне не встречалось войско без знамени, без оружия, без лошадей, без формы — одни голые люди-кошки, близкие к сумасшествию, отчаянно вопящие и мчащиеся по горячему песку. Теперь я не испугался бы даже целой армии этих дикарей.

Несколько минут — и главная масса солдат схлынула. Я подумал, что они, наверное, принадлежат Большому Скорпиону и захотят рассчитаться с ним за свое поражение. Если так, то Маленький Скорпион шел на верную смерть, когда отказывался прятаться от них. Мне

снова захотелось поймать кого-нибудь из отставших солдат, но они бежали даже быстрее передних — должно быть, пытались нагнать их. Ловить было безнадежно, оставалось подстрелить. Нет, этот способ не для меня: я все же не военный, чтобы прибегать к такой жестокости.

Солдат становилось все меньше. Я выскочил из укрытия, решив стрелять только в самом крайнем случае. Жизнь иногда бывает сложнее, чем ее себе представляешь, но иногда проще. Если бы солдаты продолжали бежать, то за ними не угнаться бы. На счастье, один из них поступил иначе и, завидев меня, оцепенел, словно лягушонок перед водяной змеей. Остальное было совсем просто. Я взвалил его, полумертвого от усталости и страха, к себе на спину, и он даже не пискнул.

В нашем убежище он долго не открывал глаз, а едва открыл и увидел Маленького Скорпиона, как дернулся, будто ему всадили штык в живот. Глаза солдата загорелись, он явно хотел броситься на молодого хозяина, но моя рука легла ему на плечо.

Маленький Скорпион, неподвижно сидевший рядом с Дурман, не проявил к пленнику никакого интереса, и я понял, что мне придется расспрашивать самому. Не добившись ничего добром, я припугнул солдата и спросил, почему они потерпели поражение.

Солдат снова оцепенел, стал что-то вспоминать и вдруг показал на Маленького Скорпиона:

— Все из-за него!

Маленький Скорпион усмехнулся.

— Все из-за него! — яростно повторил солдат.

Я знал, что люди-кошки очень вспыльчивы, и выжидал, когда его гнев уляжется.

— Мы не хотели воевать, а он обманул нас и послал на фронт! И еще не разрешил взять национальные престижи, которые нам давали иностранцы! Красноверевочную гвардию и другие армии он тоже послал, но они преспокойненько взяли национальные престижи и отступили; одну нашу армию разгромили в пух и прах! Мы солдаты его отца, а он не позаботился о нас, бросил нас в бой, не захотел отпустить, как собирался сделать его отец. Если хоть один из нас останется в живых, не видать тебе хорошей смерти! Другие преспокойненько отступили, даже пограбили немного, — не то что мы! Как нам теперь жить?!

Маленький Скорпион слушал внимательно, но с подавленным видом. Для меня же было интересно каждое слово солдата, который, на мое счастье, продолжал:

— Вы отняли у нас и землю, и дома, и семьи! Сегодня вам нужно одно, завтра другое! Чиновников все больше, а народ нищает! Вы грабите нас, обманываете, заставляете идти в солдаты, чтобы мы для вас грабили. Сами получаете всю добычу, а нам даете крохи, и то потому, что боитесь, как бы вас не оставили. Когда иностранцы нападают на вас, хотят отнять ваше добро, вы посылаете нас на смерть! Но какой дурак будет за вас умирать? Мы просто отбываем повинность, потому что не умеем работать, потому что вы еще наших отцов превратили в солдат. Мы с детства не знаем другой доли и иначе жить не можем.

Он остановился, чтобы набрать воздуху, а я воспользовался случаем и спросил:

— Если вы знаете, кто виновники и чем они плохи, почему вы не казните их и не станете управлять страной сами?

Солдат выпучил глаза. Я решил, что он не понимает меня, но он всего лишь задумался.

— Ты хочешь сказать, почему мы не устроим переворот?

Я никак не ожидал, что он знает это слово, — забыл, сколько переворотов было в Кошачьем государстве.

— А-а, никто уже не верит! От переворотов мы только теряем, а они приобретают. Когда разделили землю, все радовались, но каждый получил так мало, что не смог посадить и десятка дурманных деревьев. И сажали — голодали, и не сажали — голодали. Наши вожди ничего не могли сделать. Они старались, особенно молодые, но мы все равно голодали — значит, они были дураками. Мы перестали им верить, хотя и сами ничего не знали. Нам оставалось только служить тем, кто давал дурманные листья, а сейчас мы и солдатами быть не можем. Мы должны убить хотя бы одного чиновника. Ведь они послали нас драться с иностранцами, то есть на верную смерть! Если нас убьют, как мы будем служить и есть дурманные листья? У чиновников горы листьев, целые толпы женщин, а нам даже обглоданного листа не дадут, посылают драться с иностранцами. Нет, уж мы лучше с чиновниками станем драться!

— Вы бежали специально для того, чтобы убить его? — показал я на Маленького Скорпиона.

— Да, для этого! Он послал нас в бой, не разрешил нам взять у иностранцев национальные престижи!

— Ну и что вы стали бы делать, если б убили его? — спросил я.

Солдат промолчал.

У меня не было ни времени, ни охоты объяснять пленнику, что Маленький Скорпион — едва ли не единственный думающий человек-кошка, что ненавидеть его глупо. Солдат, видимо, считал Маленького Скорпиона крупным чиновником, он не мог уничтожить все чиновничество, поэтому и хотел сорвать злобу хоть на одном. Я вновь убедился в том, что даже умный человек, старающийся разрешить политические и экономические проблемы, тонет среди этих проблем, если не обладает необходимыми знаниями, что многократные перевороты умножают народные горести, но вряд ли делают народ умнее: он чувствует себя обманутым, а что делать — не знает. Сверху донизу сплошная глупость! Она зияет на теле Кошачьего государства, словно кровавая рана, и все-таки недостаточно причиняет боль, чтобы заставить его воспрянуть.

Куда же деть пленника? Если отпустить его, он может созвать других солдат и убить Маленького Скорпиона; если взять с собой, он нам только помешает.

Время было позднее, пора действовать, но Маленький Скорпион всем своим видом показывал, что не хочет ничего, кроме смерти, он даже говорить не хотел. Дурман как советчица в счет не шла. Возвращаться домой было опасно, идти на запад еще опаснее — все равно что самим лезть в сети. Единственный выход, пожалуй, отправиться в иностранный квартал. Однако Маленький Скорпион покачал головой.

— Лучше смерть, чем позор! И отпусти ты этого несчастного...

Я так и сделал.

Постепенно стемнело. Кругом царила необычайная, зловещая тишина. Вдали наверняка бредут отступающие солдаты, за ними идут иностранцы, а здесь напряженная тишина, как на пустынном острове перед бурей. Конечно, сам я мог перебраться в другую страну, но меня мучила судьба Маленького Скорпиона, который успел стать мне близким другом. Да и Дурман не хотелось бро-

сать. Как это печально — в обвалившемся домишке ждать гибели государства! Именно тогда особенно остро ощущаешь связь между понятиями «человек» и «гражданин». Я думал, разумеется, не о себе, а о своих друзьях: только так я мог проникнуть в их души, взять на себя хоть часть их скорби, потому что утешать их было бесполезно. Государство гибнет от собственной глупости. Эта гибель не трагическое разрешение противоречий, не поэтическое олицетворение справедливости, а исторический факт, который не смягчишь никакими чувствительными словами. Я не книгу читал, а слышал поступь смерти! Мои друзья слышали ее, конечно, еще отчетливее, чем я. Они проклинали ее или предавались воспоминаниям. У них не было будущего, а их настоящее воплотило в себе весь позор их сограждан.

На небе, все таком же темном, сверкали звезды. Кругом по-прежнему стояла тишина, однако глаза моих друзей были открыты. Они знали, что я тоже не сплю, но никому не хотелось говорить: разящий перст судьбы придавил наши языки. В мире онемела еще одна культура, которая никогда больше не возродится. Ее последним воплем стала запоздалая песнь свободе. Душа этой культуры может попасть только в ад, потому что само ее существование было черным пятном на странице истории.

27

Уже к рассвету я забылся сном. Внезапно грянули два выстрела. Я вскочил, но было поздно: мои друзья лежали на земле окровавленные — рядом с Маленьким Скорпионом валялся пистолет.

Что я чувствовал тогда — невозможно описать. Я все забыл, остались только боль в сердце и страх от пристального взгляда их мертвых глаз. Да, они смотрели на меня, словно задумавшись, загадывая мне загадку, а я еще надеялся вернуть их к жизни и в то же время особенно отчетливо сознавал, как хрупка и беспомощна жизнь. Я не плакал, я был так же мертв, как они, — с той только разницей, что стоял, а они лежали. Присев, я потрогал их, они были еще теплыми, но не откликнулись. От них осталось лишь то немногое, что знал я; остальное исчезло вместе с ними. Наверное, смерть посвоему приятна.

Мне было нестерпимо жаль их, особенно Дурман, которая была совсем не готова к героической гибели. Преступления людей-кошек обрекали на гибель их собственных жен, матерей, сестер. Будь я богом, я бы раскаялся в том, что дал женщин такой никчемной нации!

Я понимал Маленького Скорпиона и из-за этого еще больше жалел Дурман. У него были причины умереть вместе со своей страной — причины, вполне объяснимые. Человек не может жить вне своей нации и государства; если он их теряет, он гибнет, а если не гибнет, то продает свою душу, вверяет ее аду.

Дурман и Маленький Скорпион становились для меня все дороже. Я мечтал разбудить их и сказать, что они чисты, что их души принадлежат им самим. Мечтал, чтобы они улетели со мной на Землю, испытали радости жизни. Но бесплодные иллюзии лишь усиливали тоску. Друзья оставались недвижными; казалось, они погибли уже несколько дней назад. И жизнь и смерть были Всем, а между ними лежало безгранично великое Непознаваемое. Да, молчание смерти оказалось абсолютной истиной. Мои друзья больше не заговорят, и я сам утратил интерес к жизни.

Я просидел возле них до самого восхода. Их черты вырисовывались все отчетливее, солнечный луч упал на безмолвное, но необычно красивое лицо Дурман, на Маленького Скорпиона, прислонившего голову к стене. Его лицо все еще хранило печальное выражение, как будто он даже после смерти не избавился от своего пессимизма.

Если бы я продолжал сидеть здесь, я сошел бы с ума. Но одна мысль о том, что я должен их оставить, исторгла у меня слезы, которые я до сих пор сдерживал. Бросить друзей и вновь скитаться по чужому миру было еще труднее, чем в свое время покинуть Землю. К тому же их образы будут постоянно преследовать меня. Я плакал, обхватив руками их тела, и почти кричал: прощай, Маленький Скорпион, прощай, Дурман!

Хоронить их я был не в состоянии. Стиснув зубы, я подобрал свой пистолет и перелез через стену. Нет, я не вернусь, пусть даже их тела сгниют. Какой я злосчастный человек: сначала потерял товарища, с которым вместе летел, а теперь и этих друзей... Наверное, со мной вообще нельзя дружить.

Куда же идти? Конечно, в Кошачий город. Там сейчас мой дом.

Навстречу мне никто не попадался, всюду витала смерть. На серо-желтой дороге, под серым небом валялись мертвые солдаты, над которыми с радостным клекотом плясали белохвостые коршуны. Я шагал как можно быстрее, однако в ушах стоял смех Дурман, раздавался голос Маленького Скорпиона. Видения преследовали меня.

Возле Кошачьего города мое сердце забилось сильнее — то ли от страха, то ли от новой надежды. На пустынных улицах не было никого, только трупы убитых женщин. Я догадался, что здесь проходили солдаты, и вспомнил фразу Дурман: «Цветок тоже убежала!» Да, если бы Цветок не скрылась, она попала бы в число этих мертвецов... Голова Большого Ястреба, вся исклеванная коршунами, по-прежнему торчала на шесте, но теперь не ее стерегли, она сама как будто сторожила пустой город... Дом Маленького Скорпиона оказался разрушенным.

Солдаты не оставили ничего, что я мог бы взять на память, да мне, наверное, и не следовало брать, потому что каждый кирпич, каждая частица этого дома вызывали у меня слезы.

Зная, что все жители на востоке, я пошел туда, по пути оглянулся на мертвый город, тонувший в сером воздухе, повернул к роще Большого Скорпиона, миновал безлюдные деревушки, где тоже побывали солдаты.

В роще опять-таки никого не оказалось. Я присел под деревом, но гнетущая тишина вскоре согнала меня с места. От нечего делать я пошел к отмели, где прежде купался, сел на песок и стал глядеть вдаль. Тут сквозь туман я вдруг заметил людей, идущих на запад. Было такое впечатление, что обстановка изменилась и жители возвращаются в город. Путников становилось все больше, некоторые шли с солдатами и нетерпеливо прокладывали себе дорогу обычным для именитых людей-кошек способом. Отряды сталкивались, но увидеть, кто из них побеждает, было трудно, потому что солдаты не столько били, сколько увертывались, прятались друг за друга. Один из отрядов увертывался особенно умело и, заполняя образовавшиеся пустоты, потихоньку двигался вперед. Когда он подошел ближе к отмели, я понял причину их ловкости — во главе отряда стоял Большой Скорпион.

Я не мог упустить такого случая и догнал отряд, который уже совсем вырвался на свободу и начинал ускорять шаг. Большой Скорпион, казалось, обрадовался, увидев меня, но к разговорам не был расположен. Когда я спросил, что он собирается делать, он озабоченно бросил:

— Идем с нами в столицу! Враги скоро придут туда, если уже не пришли.

«Наконец-то люди-кошки поняли, что нельзя не обороняться, и решили защитить свой город! — подумал я. — Но почему они тогда дерутся по дороге?!» Чувствуя, что мой восторг не совсем оправдан, я потребовал от Большого Скорпиона объяснений. Он, видимо, нуждался во мне и, зная мою настойчивость, не утаил правду:

— Мы идем сдаваться. Кто первый подарит столицу врагу, тот получит в награду прибыльное местечко.

— Нет уж, уволь! Сдаться ты и без меня сумеешь! — процедил я и круто повернул назад.

Военачальники, шедшие за Большим Скорпионом, тоже торопились капитулировать. Особенно усердствовал командующий красноверевочной гвардией, по-прежнему с толстым шнуром на шее.

Вдруг все остановились. Я оглянулся, увидел, что враг уже подходит, и решил все же пойти посмотреть, как Большой Скорпион будет сдаваться. Внезапно и меня, и Большого Скорпиона обогнал командующий красноверевочной гвардией. Он птицей ринулся к врагам и кинулся перед ними на колени. Остальные военачальники последовали его примеру, словно почтительные сыновья на похоронах родителей в старом Китае.

Тут я впервые увидел врагов Кошачьего государства. Большинство из них были еще ниже ростом, чем обычные люди-кошки, не очень приятны на вид и явно еще подлее и свирепее. Впрочем, я не знал ни их истории, ни их национального характера и руководствовался только первым впечатлением. В руках они держали короткие палки, похожие на железные.

Когда люди-кошки встали на колени, один из лилипутов — видимо, начальник — хлопнул в ладоши. Стоявшие за ним солдаты мгновенно подались вперед и с удивительной точностью стали бить сдающихся по головам. Жертвы без единого звука валились на землю, как будто из палок вылетали электрические разряды. Остальные люди-кошки закричали, словно петухи под ножами, и

рванулись назад, давя упавших. Лилипуты не преследовали их, а продвигались медленно, отбрасывая ногами трупы.

Недаром Маленький Скорпион говорил, что враг уничтожит всех людей-кошек до единого! Но я еще надеялся, что они окажут сопротивление. Капитуляция не спасла их от гибели, а борьба может спасти. Я не люблю войн, однако история показывает, что иногда они неизбежны, что человек порою просто обязан вступить в битву и даже погибнуть в ней. Постоять за свой народ — святая обязанность, она не чета ложному патриотизму, который мне отвратителен. После незаслуженной расправы жители Кошачьего государства, наверное, еще дадут бой, и вполне возможно, что победа будет на их стороне.

Я держался поодаль от лилипутских солдат, которые приканчивали палками раненых. Конечно, эти солдаты не показались мне культурнее людей-кошек, но они имели, по крайней мере, одно преимущество перед ними: уважение к собственной стране. Это уважение выражалось в чудовищном эгоизме, и все же лилипуты выигрывали в сравнении с жителями Кошачьего государства, каждый из которых думал лишь о собственной выгоде.

Хорошо, что, отправляясь на фронт, я захватил немного дурманных листьев, иначе умереть бы мне с голоду. Я не решался не только попросить еды у лилипутов, но даже приблизиться к ним, потому что они, чего доброго, могли принять меня за шпиона. Мы дошли до места, где лежал мой корабль, и тут лилипуты остановились. Издалека я увидел, что обломки корабля привлекли их внимание. Любознательностью пришельцы тоже превосходили людей-кошек, однако в тот момент я думал не об этом, а о прахе моего друга, который они топтали.

Отдохнув, солдаты принялись рыть землю: несколько неуклюже, но быстро, без всякой лени и сомнений. Вскоре они выкопали огромную яму, подогнали к ней толпу пленных людей-кошек, окружили их и начали сталкивать вниз. От криков несчастных разорвалось бы даже железное сердце, но у лилипутов сердца оказались крепче железа. Орудовали они металлическими палками. Среди жертв было много женщин, некоторые с детьми на руках. Не в силах спасти их, я закрыл глаза, но крики и плач раздаются у меня в ушах до сих пор. Постепенно шум стих, и я увидел, что низкорослые звери уже утаптывают землю. Всех закопали живьем! Страшное на-

казание за неспособность сопротивляться! Я не знал, кого сильнее ненавидеть, но чувствовал, что люди, не уважающие самих себя, не могут рассчитывать на человеческое обращение; подлость одного способна погубить очень и очень многих.

Если бы я до конца осознал все, что видел, я ослеп бы от слез. Лилипуты показались мне самыми жестокими тварями, они действительно уничтожили Кошачье государство — даже его мухи были обречены на гибель.

Потом я наблюдал, как некоторые люди-кошки пытались бороться, но небольшими группами по четыре-пять человек. Они до самого конца не научились действовать сообща. Я видел холм, на котором столпилось десятка полтора кошачьих беженцев — единственное место, еще не захваченное врагом. Не прошло и трех дней, как они переругались и передрались между собой. Когда на холм поднялись лилипуты, там осталось всего два дерущихся человека-кошки — наверное, последние жители Кошачьего государства. Победители не стали убивать их, а посадили в большую деревянную клетку, где пленники продолжали яростный бой, пока не загрызли друг друга до смерти. Люди-кошки сами завершили свое уничтожение.

* * *

Я прожил на Марсе еще полгода. Наконец туда прилетел французский изыскательский корабль, который живым и невредимым доставил меня в мой великий, светлый и свободный Китай.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Павел Вежинов (Никола Гугов) — крупнейший болгарский прозаик. Родился в 1914 году. Автор нескольких десятков книг. Среди них романы «За честь родины», «Звезды над нами» «Маленькие приключения», «Следы остаются», «Человек в тени».

В 1968 году в Софии был издан сборник фантастических рассказов Павла Вежинова «Синие бабочки».

Первые произведения болгарского писателя *Антона Донева* (род. в 1927 году) появились в печати в 1958 году. А. Донев написал несколько пьес: «Есть ли у вас двойник?», «Тени» и другие.

В 1966 году вышла в свет одна из лучших книг писателя — «Фантастический юмор».

Йожеф Черна родился в 1899 году, выступил перед венгерским читателем с первой книгой — «Драма на Луне» — лишь в 1970 году. Обстоятельства его жизни сложились так, что при постоянном стремлении к литературной деятельности он занимался ею урывками, писал в основном фантастико-сатирические рассказы, а также стихи и статьи по различным социальным проблемам и вопросам искусства.

«Пересадка мозга» — один из рассказов сборника «Драма на Луне».

Фридеш Каринти (1887—1938) широко известен как автор коротких юморесок и фантастических рассказов. Наиболее популярна его книга «Извините, господин учитель» (1916), в которой предстает духовный мир подростка, только вступающего в жизнь.

Свои фантастические рассказы и повести, насыщенные острыми социальными мотивами, Фридеш Каринти писал преимущественно в 20-е и 30-е годы, публикуя их в своих многочисленных сборниках.

Рохелио Льопис (род. в 1928 году) — один из крупнейших кубинских писателей-фантастов. Составитель «Антологии кубинской фантастики». Известность писателю принесли сборники рассказов «Война и василиски» (1962) и «Сказочник» (1963), откуда и взят публикуемый нами рассказ, давший сборнику название.

Кшиштоф Борунь родился в 1923 году.

Участник польского Сопротивления, активно участвовал в Варшавском восстании.

Писать начал в начале 50-х годов. Его перу принадлежат на-

учно-фантастические романы «Загубленное будущее», «Проксима», «Космические братья» в соавторстве с А. Трепкой, повести «Восьмой круг ада», «Грань бессмертия» и несколько рассказов, большинство которых переведено на многие языки мира, в том числе и на русский.

Йозеф Несвадба родился в 1926 году в Праге, по профессии врач. В литературу вошел еще в 1946 году как переводчик английской прозы и поэзии. Издал три сборника научно-фантастических рассказов и новелл, которые принесли ему международную известность. Й. Несвадба автор нескольких детективных повестей и романов, а также своеобразного по форме и содержанию дневника о путешествии по Вьетнаму — «Диалог с д-ром Донг».

Лао Шэ (1899—1966) — писатель с мировой известностью, автор восьми романов, многих повестей и рассказов.

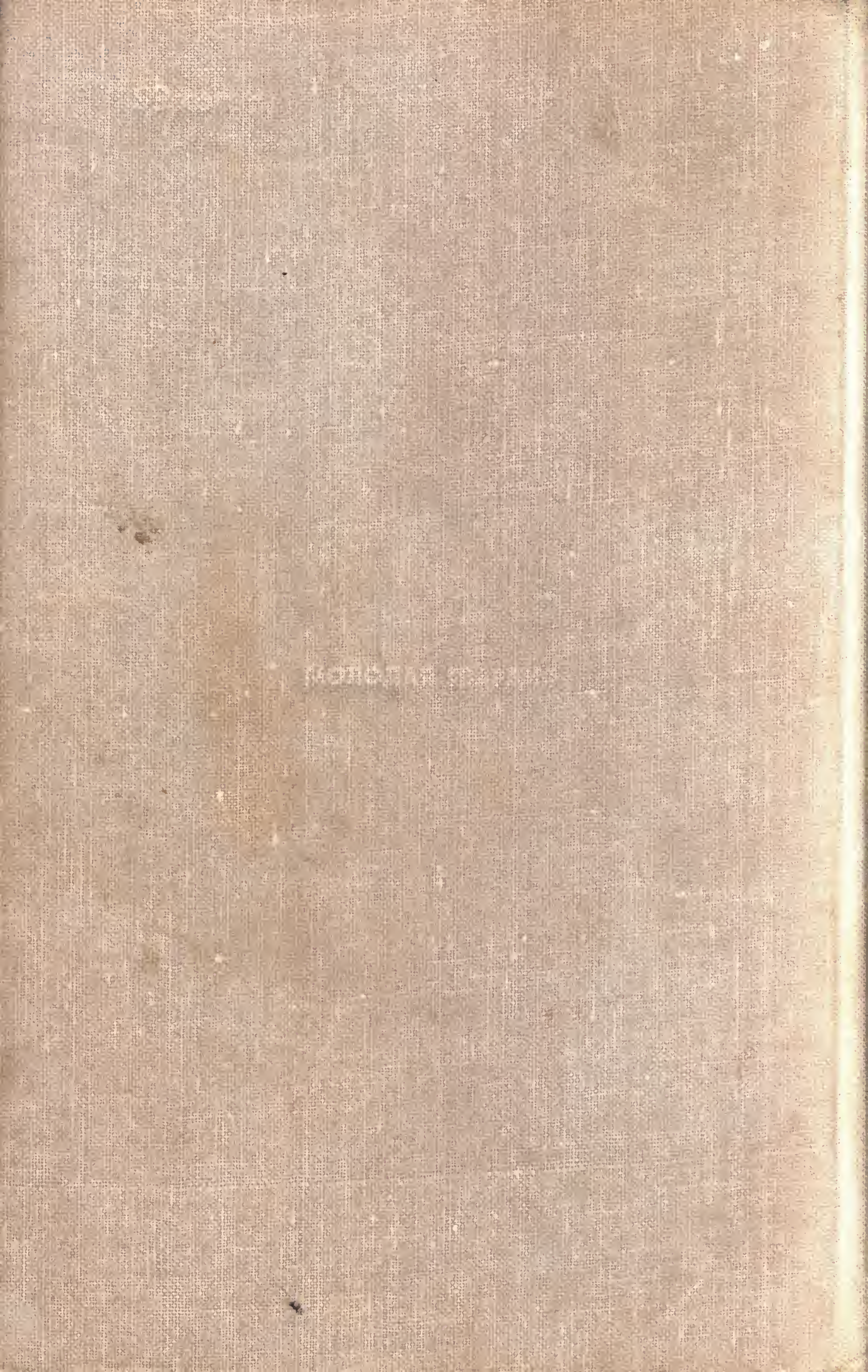
Сын бедного солдата, Лао Шэ с трудом получил филологическое образование. До победы народной революции ему пришлось много лет прожить за границей. В КНР Лао Шэ был профессором, депутатом Всекитайского собрания народных представителей, редактором журнала «Бэйцзин вэньи», заместителем председателя правления Союза китайских писателей.

В 1966 году хунвэйбины лицемерно заявили о «самоубийстве» великого писателя, не пожелавшего участвовать в «культурной революции».

В Советском Союзе издано более десяти книг Лао Шэ.

Содержание

АНТОЛОГИЯ. М., «Молодая гвардия», 1972.
272 с. (Б-ка современной фантастики. Т. 23). Сб3
Редактор *Б. Клюева.*
Художественный редактор *А. Степанова.* Технический редактор *Г. Прохорова.*
Сдано в набор 4/IV 1972 г. Подписано к печати 31/VII 1972 г. Формат 84×108 1/32. Бумага № 1. Печ. л. 8,5 (усл. 14,28). Уч.-изд. л. 14,7. Тираж 250 000 экз. Цена 99 коп. Заказ 648. Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ